

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2023, №2

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филос.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИКСА РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Branch of Science (in the Russian Federation):

07.00.00 History and Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© ICCA RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2023, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японское зубоврачевание и его представители на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.)	6
Чиронов С.В. Коннекторы с причинным значением в японском языке: опыт изучения на переводном материале	18
Elmasi H. Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament	41
Лугавцова А.П. Буддийская кухня <i>футя рё:ри</i> в Японии: от традиционной кулинарии китайских монахов О:баку-дзэн до наших дней	57
Баженова Ж.М., Горячева Е.А. Нерешённые проблемы Окинавы: к пятидесятилетию возвращения префектуры в состав Японии	73
Захаров В.В., Тимофеева Т.Ю. Открывая новые страницы истории: донесения германских военных атташе из Японии в 1937–1941 годах.	87
Тимонина И.Л. Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии	105

Книжная полка

Добринская О.А. Взгляд за кулисы японской внешней политики. Рецензия на монографию В.В. Нелидова «Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии»	129
--	-----

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2023, № 2

CONTENTS

Gonchar V.V., Povolotsky V.D. Japanese dentistry and its representatives in the Russian Far East (late 19 th – early 20 th centuries).....	6
Chironov S.V. Causality connectives in Japanese: A translation-based study	18
Elmacı H. Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament	41
Lugavtsova A.P. The history of Buddhist cuisine <i>fucha ryōri</i> : From Ōbaku Zen monk cuisine to modern days	57
Bazhenova Z.M., Goriacheva E.A. Unresolved problems of Okinawa: Towards the 50 th anniversary of Okinawa Prefecture’s reversion to Japan	73
Zakharov V.V., Timofeeva T.Y. Opening new pages of history: Reports of German military attachés from Japan in 1937–1941	87
Timonina I.L. The problems of reforming the entrepreneurial structure and business competitiveness in the modern strategy of socio-economic development of Japan	105
<i>Book Review</i>	
Dobrinskaya O.A. A look behind the scenes of Japanese foreign policy. Review of the monograph by V.V. Nelidov “Foreign Policy Process in Post-War Japan”	129

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-6-17

Японское зубоврачевание и его представители на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.)

В.В. Гончар, В.Д. Поволоцкий

Аннотация. Статья посвящена японскому медицинскому присутствию на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. Выяснено, что в период Мэйдзи (1868–1912) в рамках модернизации страны в Японии происходило активное освоение и внедрение в повседневную жизнь западных технологий зубоврачевания. Следуя мировым тенденциям, японское правительство взяло курс на нормативное регулирование подготовки и профессиональной деятельности специалистов в области зубоврачевания. Авторы полагают, что путем заимствования западных технологий, зубоврачевание в Японии за короткий период времени прошло путь от народного целительства до медицинской науки и врачебной специальности. В статье раскрываются причины и особенности трудовой миграции японских дантистов и зубных врачей в Россию. Российские власти не препятствовали трудовой миграции. Однако законодательство не предполагало возможность занятия частной зубоврачебной практикой иностранцами без сдачи экзамена при медицинском факультете. Тем не менее, легализовать свою деятельность смогли многие японские специалисты. На примере выявленных исторических персонажей и их деятельности вырисовывается картина организации и оказания зубоврачебной помощи населению японскими мигрантами. Авторы утверждают, что японские зубные врачи действовали в рамках российского законодательства и были ограничены в профессиональной работе, применяли западные технологии лечения и зубопротезирования. Гибкая ценовая политика, разнообразный ассортимент материалов и технологий, соответствующие умения и навыки, а также личные качества позволили им заслужить доверие пациентов, что обеспечило их высоким материальным уровнем. Исследователям не удалось найти примеров научного, практического или образовательного взаимодействия российских и японских специалистов в области зубоврачевания в изучаемый период времени. Проживающие на Дальнем Востоке России японцы не стремились полностью легализовать свою деятельность путем сдачи экзамена в российском университете. Авторы считают, что это было связано с недостаточным знанием русского языка, большими финансовыми и временными затратами, отдаленностью региона от образовательных и научных центров и отсутствием планов на постоянное пребывание в России.

Ключевые слова: стоматология, зубоврачевание, дантист, японская диаспора, медицинская практика, организация медицинской помощи, история медицины, Дальний Восток России, Япония.

Авторы: Гончар Владимир Владимирович, доктор медицинских наук, профессор кафедры стоматологии Института повышения квалификации специалистов здравоохранения Министерства здравоохранения Хабаровского края (адрес: 680009, г. Хабаровск, ул. Краснодарская, д. 9). ORCID 0000-0002-0200-6719; E-mail: goncharvv@mail.ru

Поволоцкий Владимир Дмитриевич, востоковед-филолог, переводчик японского языка. ORCID 0000-0002-8366-574X

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японское зубоврачевание и его представители на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Японские исследования. 2023. № 2. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-6-17

Japanese dentistry and its representatives in the Russian Far East (late 19th – early 20th centuries)

V.V. Gonchar, V.D. Povolotsky

Abstract. The article deals with the Japanese medical presence in the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries. It has been found that, during the Meiji period (1868–1912), as a part of the modernization in Japan, there was an active development and introduction of Western dental technologies into everyday life. Following global trends, the Japanese government set a course on the standard-setting regulation of the training and professional activities of specialists in the field of dentistry. The authors believe that dentistry in Japan has passed the way from traditional healing practices to medical science and medical specialty in a short period of time due to the borrowing of Western technologies. The article reveals the causes and features of labor migration of Japanese dentists to Russia. Russian authorities did not interfere in labor migration. However, the law did not provide for private dental practice by foreigners without passing an exam at a university medical faculty. Nevertheless, many Japanese specialists were able to legalize their activities. Using the example of the identified historical characters and their activities, a picture of the organization and provision of dental care to the population by Japanese migrants is being described. The authors argue that Japanese dentists were acting within the framework of Russian legislation and were limited in their professional work. They also applied Western technologies of treatment and prosthetics. Flexible pricing policy, a wide range of materials and technologies, relevant skills and personal qualities made it possible for Japanese dentists to earn the trust of patients and provided them with high material well-being. The researchers were unable to find examples of scientific, practical, or educational interaction between Russian and Japanese specialists in the field of dentistry during the studied period. The Japanese living in the Russian Far East did not aspire to legalize their activities completely by passing exams at Russian universities. The authors suppose that it was due to insufficient knowledge of the Russian language, high financial and time costs, geographic remoteness of the region from educational and scientific centers, and lack of plans for a permanent stay in Russia.

Keywords: dentistry, dentist, Japanese diaspora, medical practice, organization of medical care, history of medicine, Russian Far East, Japan.

Authors:

Vladimir V. Gonchar, Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Dentistry, (Russia, 680009, Khabarovsk, Krasnodarskaya Str., 9). ORCID 0000-0002-0200-6719; E-mail: goncharvv@mail.ru

Vladimir D. Povolotsky, orientalist-philologist, Russian-Japanese interpreter. ORCID 0000-0002-8366-574X

Conflict of interest. The authors declare the absence of conflict of interest.

For citation: Gonchar V.V., Povolotsky, V.D. (2023). Yaponskoe zubovrachevanie i ego predstaviteli na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [Japanese dentistry and its representatives in the Russian Far East (late 19th – early 20th centuries)]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 2, 6–17. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-6-17

Изученность проблемы

Среди представителей японской диаспоры российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в., выделялась особая социальная категория трудовых мигрантов – медицинские работники (врачи, фельдшеры, дантисты, зубные техники, медицинские сестры, фармацевты). Исследователь японской диаспоры на Дальнем Востоке России Тамура Айка отмечала, что в 1917 г. осуществляли деятельность 27 японских докторов и 23 дантиста [Тамура 2007, с. 16]. Однако на сегодняшний день о японском медицинском присутствии в России очень мало сведений на русском языке. Отсутствие исследовательского интереса к этому вопросу, по нашему мнению, связано как со скудностью литературных и архивных отечественных источников, так и со сложностью использования японских документов, политизированностью межгосударственных отношений, отсутствием активного гуманитарного, социального, экономического и научно-технического партнерства, а также восприятием этой страны как некоего экзотического феномена.

В работах отечественных исследователей отмечалось, что в период Мэйдзи (1868–1912) в рамках переориентации Японии на методы академической науки был взят курс на освоение западной медицины. Японские студенты были направлены в Европу для обучения, в стране появились больницы западного типа, в учебные заведения приглашались иностранные специалисты [Наливайко 2018; Якобзон 1904]. Проведенные нами исследования показали, что в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917) существовал целый спектр медицинских учреждений японских врачей [Гончар, Поволоцкий 2022]. Деятельность этих специалистов стала возможной в результате трудовой миграции японцев на российские дальневосточные территории ввиду недостатка отечественных специалистов в этом фронтире. Организация деятельности этих медицинских работников строилась на принципах частной врачебной практики. Японским врачам разрешалось оказывать медицинскую помощь, главным образом соотечественникам, на принципах западной медицины, в рамках российского правового поля, что, однако, не исключало обслуживание местного населения, а также нелегальную врачебную деятельность.

К сожалению, в сфере изучения японских медицинских практик на российском Дальнем Востоке имеется целый ряд лакун. Среди них – деятельность японских специалистов в области зубоврачевания. Посетивший г. Николаевск-на-Амуре в 1890 г. А. П. Чехов, ссылаясь на рассказы местных жителей, писал «о каком-то японце, дергающем зубы не щипцами, а просто пальцами» [Чехов 2010, с. 9]. В связи с этим, целью настоящего исследования являлось изучение особенностей пребывания японских специалистов в области зубоврачевания на российской дальневосточной территории, а также в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX – начале XX в. (до 1917 г.)

Источниками работы послужили документы и материалы российского и японского происхождения. Выявленная в электронной базе Национальной парламентской библиотеки Японии литература по истории зубоврачевания Страны восходящего солнца представляет собой информацию из периодической печати, научных статей и монографий. В качестве неопубликованных источников исследования послужили документы на японском языке из электронной базы данных об истории международных отношений Японии под эгидой Национального архива Японии (Japanese Centre for Asian Historical Records, JACAR) – Японский центр азиатских исторических записей (<http://www.jacar.go.jp>). Документы нами были выявлены и переведены на русский язык. Изученные материалы представляют собой, главным образом, заявления японских резидентов в Министерство иностранных дел (МИД) Японии о нанесенном ущербе и выплаты им компенсации, по причине вынужденной репатриации или эвакуации японской диаспоры в связи с началом Русско-японской войны (1904–1905).

Японские зубные врачи на Дальнем Востоке: частные случаи

До начала эпохи Мэйдзи лечение при зубных болезнях предоставлялось как официальными медиками того времени, которые специализировались на хирургии полости рта, так и «народными лекарями», которые оказывали помощь по своим эмпирическим правилам. В этом контексте необходимо выделить травников или аптекарей, которые распространяли лекарства, в основном растительного происхождения, для лечения зубов и средства для ухода за полостью рта. Как правило, занятие «зубными делами» было уделом мужчин низших сословий, особенно в этом преуспели *ронины* – самураи без хозяина или приближенные к ним бедные слои сельского населения [Mastler 1956, с. 340].

Профессор Сибутани Ко (渋谷鑛) считал, что проникновение зубо врачевания в Японию шло четырьмя основными путями [Shibutani 2007, с. 1]. Первый был проложен из Китая через т. н. науку кангаку – наука о Китае (или китайские исследования), которая сформировалась в течение периода Эдо (1603–1868). Второй – через первых европейцев, а именно португальцев в XVI в. и голландцев в XVII в., проникших на остров Кюсю в условиях почти полной изоляции страны. Два последующих пути были связаны с открытием страны внешнему миру в начале второй половины XIX столетия и активным появлением на ее территории поселений иностранных коммерсантов из Америки и Европы. В дальнейшем европейское зубо врачевание проникало в страну через тех японцев, которые изучали её за границей, а после возвращения на родину делились полученными знаниями с соотечественниками.

Школы западного зубо врачевания в Японии берут свое начало от иностранных зубных врачей, которые организовали свои медицинские практики в портовом городе Иокогама. Японские историки медицины считают, что первым из иностранных зубных врачей, приехавшим в Японию в 1865 г., был 26-летний Уильям Истлэк (William Clark Eastlake/Eastlack) из Нью-Джерси (США). Чуть позже появились другие американские зубные врачи: Уильям Св. Джордж Эллиот (W. St. George Elliot), Гораций Перкинс (Horace Mason Perkins), Генри Винн (Henry Winn) и Теодор Гулик (Theodore Weld Gulick), а также француз Б. Александр (Dr. B. Alexandre) [Kawakami 1931, с. 689]. Нанимая на работу японских подданных в качестве ассистентов или переводчиков, они становились невольными наставниками будущих японских дантистов, которые, в свою очередь, создали свои зубо лечебные школы или гильдии, передавая знания и опыт следующему поколению специалистов.

Следуя мировым тенденциям, японское правительство в 1874 г. ввело экзамен для отечественных дантистов на получение права на занятие зубо лечебной деятельностью в стране и за ее пределами в местах компактного проживания японских эмигрантов, в своего рода японских анклавах. В 1883 г. в Японии были обнародованы новые правила и положения, направленные на реформу зубо лечебного образования и получение разрешения на этот вид деятельности. В частности, вводилось специальное зубо лечебное образование в лицензированных государством школах, а экзамены стали включать в себя не только оценку практических навыков претендентов, но и сдачу устных экзаменов по специальности. Таким образом система получения образования путем наставничества была упразднена. Количество лицензированных специалистов в Японии стало стремительно увеличиваться со 106 чел. в 1889 г. до 749 в 1903 г. [Ohno 2009, §7, с. 10–11].

Первым лицензированным японским дантистом стал Обата Эйносукэ (小幡英之助), ученик У. Эллиота [Nihon shika ishikai 1940, с. 82–88, 94–97]. Получив в 1875 г. разрешение на зубо лечебную деятельность, он открыл свою практику в Токио. В перечень выполняемых им услуг входили: девитализация пульпы триоксидом мышьяка, пульпэктомия, пломбирование корневых каналов, пломбирование золотой фольгой и амальгамой, протезирование на основе вулканита, удаление зубов без анестезии. Все зубо лечебные материалы и инструменты,

которые он использовал, были импортными. Помимо этого, он стал обучать на рабочем месте новое поколение молодых специалистов.

В историю стоматологии Японии вошел уроженец префектуры Кумамото по имени Ино Сյюнки (井野春毅) (в некоторых документах его имя прочитывается как Харуки) как один из реформаторов японской системы зубоврачевания. После окончания медицинской школы он, находясь на государственной службе, обучался у упомянутого дантиста Обата, проходил стажировку в Германии. Считается, что он был инициатором введения в Японии экзаменов на звание зубного врача с получением государственного диплома. В 1884 г. ему было присвоено звание «Зубной врач № 1» (сика исэки итиго:, 齒科医籍第一号) Министерства внутренних дел, а в 1885 г. он первым получил статус зубного врача Императорского двора. Фактически он являлся первым государственным специалистом «новой формации» в области зубоврачевания в Японии. Некоторое время он являлся членом государственной экзаменационной комиссии по приему экзаменов на звание зубного врача [Tochihara 1978, с. 22–23].

Необходимо отметить, что Ино Сյюнки посещал Дальний Восток России. В 1887 г. 36-летний Ино, будучи уже опытным врачом, прибыл во Владивосток, затем с 1888 г. он находился в Хабаровске [Nihon shika ishikai 1940, с. 102–103]. Пребывая на российском Дальнем Востоке в общей сложности в течение 3-х лет, он занимался частной зубоврачебной практикой, и в 1890 г. возвратился на родину. К сожалению, нами еще не найдены материалы, характеризующие его практическую деятельность, не исключено его взаимодействие с российскими властями как сотрудника Министерства внутренних дел Японии. Скорей всего, его миссия на российском Дальнем Востоке была не случайной. Можно предположить, что его визит был спланирован с целью получения различных сведений [Гончар, Поволоцкий 2022, с. 4–5].

В развитии японского зубоврачевания выделяется вклад Такаяма Кисай (高山紀齋). Он освоил зубоврачебные приемы лечения и зубопротезирования в Калифорнии (США) у дантиста Ванденберга. Вернувшись на родину, он сдал экзамен на право заниматься зубоврачебной деятельностью и организовал в 1878 г. свою зубоврачебную практику в столице. В 1890 г. он основал частную «Зубоврачебную школу Такаяма». В школе целенаправленно осуществлялась подготовка к сдаче экзамена на право занятия зубоврачебной практикой. Вышеупомянутая «школа Такаяма» в 1907 г. была официально признана первой профессиональной школой с государственной лицензией и была переименована в Токийский зубоврачебный колледж. Примечательно, что организованные в Японии учебные заведения создавались по образцу американских зубоврачебных школ. Они предлагали учащимся современное зубоврачебное образование с углубленной клинической подготовкой и акцентом на практическую работу с реальными пациентами. Впоследствии «школа Такаяма» стала Токийским стоматологическим университетом [Ohno 2009, §7, с. 11].

Зубоврачебные технологии и материалы, которые использовали в своей практической работе японские дантисты и зубные врачи в конце XIX – начале XX в., были сопоставимы с теми, которые имелись и использовались в западных странах того же периода. В клинической практике широкое распространение получило применение бормашин и зубоврачебного кресла, пломбирование зубов с использованием золотой фольги и амальгамы, изготовление несъемных конструкций зубных протезов из благородных металлов, съемные протезы из вулканизированного каучука, удаление зубов под местной анестезией и общим наркозом с использованием хлороформа, закиси азота, кокаина гидрохлорида и эфира. В лечебной работе использовались коффердам, применялось ортодонтическое лечение. Большинство используемых материалов продолжало импортироваться. Как указывают японские исследователи, взимаемая плата за посещение и лечение у квалифицированного зубного врача была «слишком дорогой для простых людей», а «цены на зубные протезы были очень высоки» [Ohno 2009, §5, с. 10]. Тем не менее, по наблюдениям российского врача Я. Здравомыслова,

который совершил в 1913 г. поездку в Токио, «у каждого японца в среднем возрасте вы увидите несколько запломбированных или вставленных зубов» [Здравомыслов 1914, с. 298]. Можно предположить, что западные технологии зубопротезирования получили широкое распространение среди городских жителей в Японии и были доступны широким слоям городского населения.

Особенностью трудовой миграции японцев на российский Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. являлось то, что многие мигранты были достаточно квалифицированными специалистами. Они преуспели в торговле, сфере услуг, создавали ремесленные и фабрично-заводские предприятия. Вероятнее всего, недостатком квалифицированной зубопротезировательной помощи на Дальнем Востоке России для создания «доходных предприятий» попытались воспользоваться и японские специалисты.

С 1889 г. на российском Дальнем Востоке в городах Хабаровске и Благовещенске занимался зубопротезировательной практикой уроженец префектуры Айти Канаэма Киёюки (金山清行). Он был последователем зубопротезировательной школы дантиста Амая Ко:таро: (雨夜孝太郎), приверженца американской зубопротезировательной техники¹. За почти 15 лет, проведенных в России, Канаэма достиг не только высокого материального достатка, но и высокого положения в японской общине Благовещенска, что позволяло ему заниматься проблемами, касающимися повседневной жизни соотечественников. После войны он возвращается в Россию и обосновывается в Хабаровске, однако из-за болезни в 1908 г. возвращается на родину. В источниках упоминается его младший брат Канаэма Сюнгоро: (金山駿五郎), который занимался зубопротезированием в Хабаровске с 1901 г. Он размещал свои рекламные объявления в газете «Приамурские ведомости», являвшейся официальным печатным органом канцелярии Приамурского генерал-губернатора и издававшейся в Хабаровске – столице Приамурского генерал-губернаторства². Поскольку Сюнгоро: не значился в списках эвакуированных или депортированных японских резидентов в связи с началом Русско-японской войны, можно утверждать, что проработал он в Хабаровске недолго, и сам вернулся на родину до массового выдворения его соотечественников с территории России и Северо-Восточного Китая³. После Русско-японской войны он вернулся в Хабаровск и работал вместе со старшим братом Киёюки. Точная дата возвращения Сюнгоро: в Японию неизвестна, однако можно предположить, что он уехал из Хабаровска сразу за старшим братом⁴.

На смену братьям Канаэма летом 1908 г. в Хабаровске появился зубной врач Кодзё: То:кити (古城藤吉), который осуществлял свою частную врачебную деятельность вплоть до конца марта 1920 г. Кодзё: То:кити родился 27 апреля 1876 г. в г. Нагасаки. До переезда в Хабаровск Кодзё: в течение одного года работал зубным врачом в г. Никольск-Уссурийском. Его вновь открытая клиника располагалась в самом центре Хабаровска на ул. Протождьяконовской, недалеко от городской Думы. За время ее существования здесь работало 5 наемных японцев, в той или иной мере участвовавших в обслуживании пациентов⁵.

Из архивных источников выяснено, что в мае 1894 г. во Владивостоке открыл зубопротезировательный кабинет Ямагути Такаёси (山口敬義). Он родился 1 января 1866 г. в деревне Камэдакэ уезда Нисисоноги префектуры Нагасаки. О его деятельности красноречиво говорят вещи, оставленные в клинике после его возвращения на родину в феврале 1904 г. в связи с началом войны. Среди них зубопротезировательное кресло Wilkerson с гидравлическим подъемным механизмом, инструменты для удаления зубов, материалы для зубного протезирования филиладельфийской фирмы S. S. White Dental Manufacturing Company, комплекты гарнитур зубов американского производства для изготовления зубных протезов. Ямагути, как и многие

¹ JACAR. B09072817700, с. 2–10.

² Приамурские ведомости. Рекламное объявление, 1901 г.

³ JACAR. B09072792600, с. 1–2.

⁴ JACAR. B12082206700, с. 2–6; B09072817700, с. 2–10.

⁵ JACAR. B090732253000, с. 1–6, 70.

другие японские зубные врачи, практиковал обслуживание пациентов с отсрочкой платежа. В составленном им списке пациентов, которые полностью с ним не рассчитались за проведенное лечение, числились и российские граждане. Ямагути вновь появился во Владивостоке в марте 1906 г. и продолжал свою частную врачебную деятельность вплоть до октября 1922 г. О его материальном положении говорит тот факт, что в 1918 г. он построил во Владивостоке по ул. Семёновской 21, двухэтажный дом с хозяйственными постройками на арендованном у домовладельца Пономарева участке земли. В последние годы своего пребывания на Дальнем Востоке России он занимал высокое положение в японской диаспоре, являясь заместителем председателя общества японских резидентов во Владивостоке⁶.

Из японских архивных документов стало известно, что с декабря 1899 г. по февраль 1904 г. в городах Приморской области занимался частной зубо-врачебной практикой Ямамото Нэнюкити (山本之吉). Он родился 10 августа 1852 г. в деревне Гэнсэйда уезда Инасики префектуры Ибараки. Первым местом его деятельности стал Хабаровск, где его клиника проработала в течение двух с лишним лет. В марте 1902 г. он переехал в Никольск-Уссурийский, где продолжил работать в течение еще почти двух лет. Однако 6 февраля 1904 г. на английском пароходе «Афридж» он был эвакуирован из Владивостока в японский порт Цуруга префектуры Фукуи в связи с надвигающейся Русско-японской войной. После окончания войны Ямамото вновь приезжает в Хабаровск в 1906 г., однако проработал он недолго и в 1908 г. вернулся на родину. Обращает на себя внимание тот факт, что он также размещал свои рекламные объявления в дальневосточной прессе на русском языке. Особенностью этих объявлений было то, что он предлагал особые условия для малоимущих граждан⁷. В дальнейшем его зубо-врачебная деятельность некоторое время была связана с г. Хакодате префектуры Хоккайдо⁸.

Нами было выяснено, что до Русско-японской войны в Харбине практиковали два японских зубных врача, Фукуда Синго (福田晋吾) и Ито: Такаси (伊東高 или 伊東喬). В единственном документе Фукуда, сохранившемся в японском архиве, записано, что он был самурайского сословия, родом из деревни Оокура уезда Хигасисоноги префектуры Нагасаки. Фукуда Синго упомянут в числе учеников широко известного в г. Киото зубного врача Хориути Тоору (堀内徹) [Nihon shika ishikai 1940, с. 106–107], который был выходцем из гильдии вышеупомянутого японского дантиста Обата. Данных о возрасте Фукуда, а также о времени его прибытия в Харбин нами пока не найдено. В документах записано, что как только 4 февраля 1904 г. он получил приказ из коммерческого агентства Владивостока срочно вернуться на родину, в тот же день покинул Харбин. Согласно списку к его заявлению о понесенном ущербе, поданному в адрес МИД Японии, в Харбине им было оставлено имущество на значительную сумму. Среди него: бормашина и зубо-врачебное кресло, паровая установка для изготовления зубных протезов из вулканизированного каучука, инструменты для пломбирования, четыре унции амальгамы, гарнитуры зубов для протезов, материалы для пломбирования, лекарственные препараты, а также мебель, одежда, посуда и личные вещи⁹.

В 1900 г. в Маньчжурию прибыл доктор Ито: Такаси, который открыл зубо-врачебную клинику на ул. Китайской в Харбине. Сообщается, что за 10 лет до этого, в феврале 1890 г., он поступил на учёбу в школу вышеупомянутого Обата Эйносукэ. Через некоторое время после окончания учебы он уехал на заработки в Корею, где находился до октября 1900 г. [Nihon shika ishikai 1940, с. 90].

Кроме своего основного места работы в Харбине, Ито: организовал отделение своей клиники на станции Пограничной КВЖД, расположенной на российско-китайской границе,

⁶ JACAR. В09072745200, с. 3–5.

⁷ Приамурские ведомости. Рекламное объявление, 1906 г.

⁸ JACAR. В09072751400, с. 1–2; В09072819100, с. 1–8.

⁹ JACAR. В09072762900, с. 3–4.

где он периодически сам занимался зубоврачебной деятельностью. Отделение клиники Ито: упоминается в связи с тем фактом, что в июле 1903 г. российские власти, желая навести порядок среди пришлого населения, обязали всех японских резидентов покинуть этот населенный пункт. В частном заявлении доктора Ито: на имя министра иностранных дел Като: Такааки (加藤高明) говорится, что местные российские власти без какой-либо причины приказали всем японцам покинуть приграничный населенный пункт и заявили, что японские резиденты вообще не имеют права заниматься здесь предпринимательской деятельностью. В связи с этим глава коммерческого агентства Японии во Владивостоке Каваками Тосихико (川上俊彦) выразил протест, заявив, что внезапное выселение японских подданных, проживающих в вышеуказанном пункте и занимающихся предпринимательством, является не чем иным, как нарушением ранее приобретенных прав. Тем не менее, Ито: инкриминировалась нелегальная медицинская деятельность среди российского населения, так как он имел разрешение от местных российских властей на занятие частной зубоврачебной практикой исключительно среди японцев, корейцев и китайцев¹⁰.

Ито: Такаси был известен среди своих соотечественников не только как зубной врач, но и как секретарь и финансовый распорядитель «Сунгарийского общества» (松花会, Сё:какай), которое фактически представляло собой общество японских резидентов в Харбине. После возвращения из Маньчжурии на родину его эмигрантская судьба была связана с г. Ванкувером (ныне канадская провинция – Британская Колумбия). Его клиника находилась в японском городском квартале на Powell St., 245¹¹.

После Русско-японской войны упоминаний о деятельности двух вышеуказанных зубных врачей в России и на территории отчуждения КВЖД не обнаружено. Однако, согласно опубликованным данным в одном из российских изданий в 1913 г., среди 5 японских вольнопрактикующих врачей на КВЖД работал один зубной врач по имени Х. Мацуура¹². Его клиника находилась в Новом городе Харбина по Сунгарийскому проспекту, рядом с гостиницей «Метрополь». В 1914 г. упоминания о деятельности частных японских зубных врачей в Харбине нами не обнаружено¹³.

Следует отметить, что у японских резидентов не оставался без внимания арендованный Россией у Китая Ляодунский полуостров. В апреле 1901 г. в российский Порт-Артур приехал зубной врач Накамидзо Куби (中溝首) и открыл зубоврачебную клинику. Он родился 25 ноября 1876 г. в деревне Кадзима уезда Фудзицу префектуры Сага. Из-за ряда обстоятельств приблизительно через один год он переезжает в г. Дальний, где в доме российского предпринимателя китайского происхождения Ти Фонтая он вновь организует зубоврачебную клинику. Проработал он здесь около двух лет и 4 февраля 1904 г. срочно покинул г. Дальний, и из Порт-Артура с другими японскими резидентами на пароходе «Вэньчжоу» эвакуировался в порт Чифу. В дальнейшем его врачебная деятельность была связана с г. Шанхаем.

В японском архиве сохранилось ходатайство, датированное 26 октября 1906 г., на имя министра иностранных дел Японии от генерального консула в Шанхае Эйтаки Хисакити (永瀧 久吉) с просьбой о рассмотрении заявления и других документов о значительном ущербе, понесенном доктором Накамидзо. Список утерянного имущества состоял из более чем 100 пунктов, куда входили медицинские инструменты, препараты, материалы, а также личные вещи повседневного пользования. Согласно перечню, в клинике доктора Накамидзо использовались в основном американские, английские и японские инструменты, аппараты

¹⁰ JACAR. B09072670000, с. 3.

¹¹ JACAR. B09072670000, с. 4.

¹² В источнике полное имя и написание по-японски не сообщается.

¹³ Сибирский торгово-промышленный ежегодник за 1913 год. Санкт-Петербург. 1913; Сибирский торгово-промышленный ежегодник за 1914–1915 г. Петроград. 1914.

и зубопротезные материалы. Среди них: две бормашины, два зубоорудочных кресла, зуботехнический шлифовальный станок, инструменты для удаления зубов, паровая установка для вулканизации каучука, инструменты для пломбирования зубов, амальгама и цемент для пломбирования зубов, платиновый сплав, гарнитуры зубов, пульпоэкстракторы, корневые иглы, шприцы, инструменты для снятия зубного камня, стерилизатор, медицинская литература и справочники¹⁴.

Зубной врач Асида Тиитиро: (蘆田致一郎) родился 2 января 1878 г. в деревне Асида уезда Хиками префектуры Хёго. В апреле 1907 г. Асида прибыл во Владивосток и был принят на работу зубным техником в действующую больницу доктора Югэ Хикотаро: (弓削彦太郎), которая находилась на ул. Алеутской, 29. Не исключена вероятность того, что он был приглашен на работу в эту больницу обществом японских резидентов во Владивостоке. С августа 1910 г. Асида устроился работать в г. Николаевске-на-Амуре в клинику японского доктора Накамидзо Кэнъити (中溝建一). Из японских документов не совсем понятно, кто непосредственно занимался зубоорудочением в японских больницах Югэ и Накамидзо, сами доктора, имевшие специализацию по одонтологии, или наемные работники. С июня 1912 г. Асида начал самостоятельно работать в Приамурье, получив на это разрешение от российских властей (в документах по-японски записан поселок Гарубица, скорее всего, имеется в виду поселок Горбица, на левом притоке Амура реке Шилке в современном Сретенском районе Забайкальского края). С апреля 1914 г. по 20 августа 1922 г. он работал зубным врачом уже в г. Никольск-Уссурийском¹⁵.

Японские зубные врачи на дальнем Востоке: общие соображения

До начала эпохи Мэйдзи зубоорудочение в Японии не являлось самостоятельной профессией. Современная стоматология в Японии берет свое начало от западных дантистов, которые стали проникать в страну и организовывать в портовых городах зубоорудочные практики с целью оказания этого вида помощи находящимся в Японии западным коммерсантам. Многие японцы стали знакомиться с лечением зубов и зубным протезированием, которое было значительно эффективнее отечественных методов лечения. В дальнейшем некоторые японцы стали учениками западных дантистов и не только изучали западные методы и технологии, но и стали распространять их по всей стране. Во второй половине XIX в. увеличилось количество специалистов, имеющих опыт зубоорудочения, появились экзаменационные комиссии. Ускорению этого процесса способствовало развитие зубоорудочного образования для подготовки новых дантистов к сдаче квалификационных экзаменов, возрастали также привлекательность и престиж этой специальности в Японии. Чуть позже были созданы школы профессиональной подготовки зубных врачей, а затем на базе этих школ возникли современные стоматологические колледжи и факультеты. Таким образом, путем заимствования западных технологий, зубоорудочение в Японии за короткий период времени прошло путь от народного целительства до медицинской науки и врачебной специальности.

Однако рост числа квалифицированных специалистов в области зубоорудочения, отсутствие достаточного числа пациентов, способных оплатить услуги дипломированного зубного врача, отсутствие штатных должностей зубных врачей в системе общественного здравоохранения, а также страховой модели оказания этого вида помощи привели к высокой профессиональной конкуренции. Это способствовало активизации трудовой миграции зубных врачей в японские диаспоры.

¹⁴ JACAR. B09072742700, с. 3–10.

¹⁵ JACAR. B09073255000, с. 67–70.

Японские зубные врачи, руководствуясь своими личными соображениями и устремлениями, выбирали российский Дальний Восток и полосу отчуждения КВЖД для трудовой миграции. При этом можно предположить, что они рассчитывали на свои профессиональные знания и мастерство, предприимчивость, а также на то, что их практическая деятельность будет приносить профессиональное удовлетворение и независимое социальное положение.

Российские власти не препятствовали трудовой миграции. Однако законодательство не предполагало возможность занятия частной зубоврачебной практикой иностранцами без сдачи экзамена при медицинском факультете. Тем не менее, легализовать свою деятельность смогли многие японские специалисты. После подтверждения документов в японских консульских службах российские местные власти выдавали разрешение на этот вид деятельности среди японского, корейского и китайского населения, что существенно повышало статус мигранта. Возможно, по причине полного отсутствия квалифицированных специалистов японским специалистам временно разрешалось принимать местное население, о чем свидетельствуют рекламные объявления в местных газетах на русском языке. Сложности в осуществлении контроля за деятельностью японских частных зубных врачей, как нам кажется, приводили к тому, что они намеренно обходили запреты и установленные правила и оказывали зубоврачебную помощь всем желающим и имеющим возможность получить этот вид медицинской помощи. Гибкая ценовая политика, разнообразный ассортимент материалов и технологий, а также такие личные качества японцев, как добросовестность, внимательность и предприимчивость, позволили практическому японскому зубоврачеванию стать доступным для сравнительно широких слоев дальневосточного населения. Таким образом, практика японских специалистов расширялась, что гарантировало им высокие заработки.

Проведенные нами исследования говорят о том, что специалисты первой, до Русско-японской войны, и второй, после ее окончания, миграционной волны применяли среди местного населения западные, прежде всего американские, технологии лечения и зубного протезирования. Выполняли такие операции, как удаление зубного камня, внутриротовые разрезы и экстракции под общим и местным обезболиванием, устанавливали пломбы из различных материалов. К сожалению, нами пока не найдено источников, которые могли бы охарактеризовать атмосферу зубоврачебного приема японских специалистов.

Повседневная жизнь, хозяйственная деятельность и приобретенные привилегии японской диаспоры контролировались как правительственными учреждениями в лице первоначально коммерческого агентства, а позже учрежденными генеральными консульствами Японии во Владивостоке и Харбине, так и японскими неправительственными организациями в лице региональных обществ японских резидентов. Именно поэтому японские специалисты не конкурировали между собой, их дислокация согласовывалась с консульскими службами и была сосредоточена в крупных городах, в то время как в сельской местности японских зубоврачебных практик организовано не было.

Надо отметить, что японские зубные врачи – это люди «новой японской формации», демонстрирующие свою приверженность западному образу жизни, идущие в ногу со временем, воодушевленные стремлением принести пользу японскому обществу. Имея высокий статус в диаспоре, японские врачи принимали активное участие в повседневной жизни соотечественников, содействовали соблюдению национальных традиций и воспитанию в членах общества любви и уважения к своей родине.

В нашем исследовании мы хотели найти примеры научных, практических или образовательных контактов между российскими и японскими специалистами, однако таких случаев нами пока не выявлено. Отсутствие контактов можно объяснить разными социально-экономическими и политическими причинами. Нам хочется отметить то, что

профессиональное мнение российских специалистов о японской медицине и о японских врачах того времени было довольно высокомерным и ироничным одновременно. Это было связано с тем, что в профессиональной среде бытовало мнение о том, что японская медицина была основана исключительно на подражании и в значительной степени зависела от западных знаний и технологий, а ее представители не обладали достаточным медицинским образованием как специалисты. Стремительное развитие Страны восходящего солнца в конце XIX – начале XX в. ассоциировалось с неким экзотическим феноменом и порождало не столько любопытство, а скорее опасение. С другой стороны, российская медицина и здравоохранение не представляли интереса для изучения в Японии. Проживающие на Дальнем Востоке России японцы не стремились полностью легализовать свою деятельность путем сдачи экзамена в российском университете. Можно предположить, что это было связано с недостаточным знанием русского языка, большими финансовыми и временными затратами, отдаленностью региона от образовательных и научных центров и отсутствием планов на постоянное пребывание в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японские медицинские практики в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) // Японские исследования. 2022. № 3. С. 39–49. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49
- Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японские зубные врачи в Хабаровске (конец XIX – начало XX в.) // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2022. № 4. С. 53–69.
- Здравомыслов Я. Полгода в Пекине и неделя в Токио // Труды I съезда врачей Приамурского края 23–24 августа 1913 г. в г. Хабаровске. Хабаровск. 1914.
- Наливайко О.А. Из истории японской медицины: средневековые традиции и европейская наука // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 4. С. 165–176. DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-165-176
- Тамура Айка. Японская иммиграция на Российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. (По источникам и литературе на японском языке): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Владивосток. 2007.
- Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). Владивосток-Южно-Сахалинск: Издательство «Рубеж». 2010.
- Якобзон Л.Я. Народное здравие и медицина в Японии // Япония и ее обитатели. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон. 1904.

REFERENCES

- Chekhov, A.P., (2010). *Ostrov Sakhalin (Iz putevykh zametok)* [Sakhalin Island (From Travel Notes)]. Vladivostok-Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russian).
- Gonchar, V.V., Povolotsky, V.D. (2022). Yaponskiye meditsinskiye praktiki v Priamurskom general-gubernatorstve (1884-1917 gg.) [Japanese Medical Practices in the Amur General Government (1884-1917)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 39–49. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49
- Gonchar, V.V., Povolotsky, V.D. (2022). Yaponskiye zubnyye vrachi v Khabarovske (konets XIX – nachalo XX v.) [Japanese Dentists in Khabarovsk (Late 19th – Early 20th centuries)] *Vestnik obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya Dal'nego Vostoka Rossii* [Bulletin of Public Health and Healthcare of the Far East of Russia], 4, 53–69. (In Russian).

- Nalivaiko, O.A. (2018). Iz istorii yaponskoi meditsiny: srednevekovye traditsii i evropeiskaya nauka [From the History of Japanese Medicine: Medieval Traditions and European Science]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 4, 165–176. (In Russian). DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-165-176
- Tamura, Aika. (2007). Yaponskaya immigratsiya na Rossiiskii Dal'nii Vostok vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX v. (Po istochnikam i literature na yaponskom yazyke) [Japanese Immigration to the Russian Far East in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries (According to Sources and Literature in Japanese)]. Candidate of Historical Sciences dissertation summary. Vladivostok. (In Russian).
- Yakobzon, L.Ya. (1904). Narodnoye zdравиye i meditsina v Yaponii [Public Health and Medicine in Japan]. In *Yaponiya i ee obitateli* [Japan and Its Inhabitants]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Zdravomyslov, Ya. (1914). *Polgoda v Pekine i nedelya v Tokio* [Six Months in Beijing and a Week in Tokyo]. In *Trudy pervogo s'yezda vrachei Priamurskogo kraya 23–24 avgusta 1913 g. v g. Khabarovske*. [Proceedings of the 1st Congress of Physicians of the Amur Territory on August 23–24, 1913 in Khabarovsk]. Khabarovsk. (In Russian).

* * *

- Kawakami, Tamejirō. (1931). *Shikaigaku-shi* [History of Dentistry]. Tokyo. (In Japanese).
- Mestler, G.E., (1956). A Galaxy of Old Japanese Medical Books with Miscellaneous Notes on Early Medicine in Japan. Part IV. Ophthalmology, Psychiatry, Dentistry. *Bulletin of the Medical Library*. Retrieved February 1, 2023, from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC200027>
- Nihon shika ishikai [Japan Dental Association]. (1940). *Shika iji eisei-shi* [History of Dentistry and Hygiene]. Tokyo. (In Japanese). Retrieved February 1, 2023, from [https://dl.ndl.go.jp/pid/1047240/Ohno, Toshihide. \(2009\). The dawn of modern dentistry in Japan: The transfer of knowledge and skills from foreign Dentists to Japanese counterparts in the Yokohama Foreign Settlement. Retrieved February 1, 2023, from https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1882761612000622](https://dl.ndl.go.jp/pid/1047240/Ohno, Toshihide. (2009). The dawn of modern dentistry in Japan: The transfer of knowledge and skills from foreign Dentists to Japanese counterparts in the Yokohama Foreign Settlement. Retrieved February 1, 2023, from https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1882761612000622)
- Shibutani, Kō. (2007). *Nihon-ni okeru shikaigaku-no hatten* [Development of Dentistry in Japan] (In Japanese). Retrieved February 1, 2023, from <https://www.jda.or.jp/park/history/index11.html> (In Japanese).
- Tochihara, Yoshito. (1978). Ino Shunki sensei-no kaigyōchi hyōban [Ino Shunki. A Post With a Plaque at the Site of Dental Activity]. *Nihon shikaishi gakkai kaishi. Dai roku-kan* [Journal of the Japanese Society for the History of Dentistry #6]. Tokyo. Retrieved February 1, 2023, from <https://dl.ndl.go.jp/pid/11494360/1/1> (In Japanese).

Поступила в редакцию: 06.02.2023
Принята к публикации: 22.04.2023

Received: 06.02.2023
Accepted: 22.04.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40

Коннекторы с причинным значением в японском языке: опыт изучения на переводном материале

С.В. Чиронов

Аннотация. В статье для изучения употребления средств вербализации каузальных отношений в русско- и японоязычном дискурсе впервые применяется сравнительный анализ текста пьесы А.П. Чехова и его перевода на японский язык. Обращает на себя внимание резкое расхождение выявленной дистрибуции сочетаний средств маркирования таких связей – коннекторов в изученных текстах и теми, что зафиксированы в двуязычных словарях. Значительный фактор здесь – более полная представленность в дискурсе средств маркировки когнитивных, иллюкутивных и метауровней использования коннекторов, уже описанных в лингвистической литературе. Широкайше представленные перекрестные соответствия между лексемами в исследуемом материале подтверждают превалирование прагматических факторов над семантическими в употреблении конкретных коннекторов в дискурсе. Эта их черта оказывается довольно полезной для переводчика, помогая с помощью красноречивых деталей речевого поведения создать образ героя при компенсации неизбежных лакун в прочих выразительных средствах.

Анализ выявил и существенные расхождения в тенденциях эксплицитного маркирования причинно-следственных связей между русско- и японоязычным дискурсом. Как следует из полученных данных, японцы весьма активно ссылаются в речи на каузальные отношения, тем самым подкрепляя свою аргументацию. Это делается и через отсылку к «железной» внешней логике (тем самым говорящий подчиняет действия своего визави обобщенному здравому смыслу), и через апеллирование к собственным обстоятельствам (что включает механизмы эмпатии и задействует глобальную ориентацию на кооперабельность речевого и социального поведения). Русским, наоборот, свойственно всячески прятать, ретушировать причинно-следственные связи в речи – в этом проявляется и меньшая ориентация на аккомодирование собеседника, и своеобразная высококонтекстность языковой культуры. Ранг соответствующих маркеров понижается до обобщенных показателей следования (типа И) или вообще до нуля; заметное исключение здесь – А ТО, апеллирующее к негативным последствиям невыполненного побуждения. Обнаруженные диспропорции, разумеется, носят предварительные характер и требуют подтверждения на более широком материале, включая использование двуязычных корпусов.

Ключевые слова: японский язык, коннектор, причинность, перевод, корпус, коммуникативная тактика.

Автор: Чиронов Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО-Университета МИД России (адрес: Москва, 119454, проспект Вернадского, 76); E-mail: chironov@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чиронов С.В. Коннекторы с причинным значением в японском языке: опыт изучения на переводном материале // Японские исследования. 2023. No 2. С. 18–40. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40

Causality connectives in Japanese: A translation-based study

Abstract. This paper uses an ad hoc corpus of an acknowledged translation of a play by Anton Chekhov to study means of expressing causality in Russian and Japanese discourse. Lexemic distribution of corresponding connectives in the bilingual text appears to be much wider and less ordered than that of the dictionary, reflecting trends in cognitive, illocutionary and meta-use of connectives, that have been broadly acknowledged in linguistic literature. This study confirms a consistent feature of connectives as being pragmatically, rather than semantically determined, resulting in a broad and various distribution. On the other hand, pragmatically oriented connectives become a powerful help for the translator who generally seeks additional means to cover up inevitable lacunae between two linguistically rooted mental realities.

The most striking discovery, however, lies in the obvious disproportion of referring to causality in spoken speech between Russian and Japanese speakers. The Japanese appear to make extensive use of explicit causality relations in order to strengthen their stance vis-à-vis their counterpart in conversation. This is performed either through appealing to universal logic or eliciting compassion to one's personal circumstances, thus exploiting a mindset strongly favoring rationality while playing for empathy under the cooperation maxim. Contrarily, Russians, generally less accommodating and in a high-context language game of a different sort, seem set on downplaying references to causal relations, relegating them to vaguer types of connectives (AND type) or omitting them completely, with one notable exception in mention negative results of an undesired action. This tentative conclusion, of course, awaits confirmation on a wider range of newer data, calling for further study in the field of contrastive rhetoric and creation of more bilingual corpora.

Keywords: Japanese language, connective, causality, translation, corpus, communicative tactics.

Author: Chironov Sergey Vladimirovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Japanese, Korean, Indonesian, and Mongolian Language, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (address: Russia 119454, Prospekt Vernadskogo, 76). E-mail: chironov@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interest.

For citation: Chironov, S.V. (2023). Konnektory s prichinnym znacheniem v yaponskom yazyke: opyt izucheniya na perevodnom materiale [Causality connectives in Japanese: A translation-based study]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 2, 18–40. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40

Введение

С февраля 2021 г. доступ к открытой части корпуса письменных источников современного японского языка был закрыт, как сообщили его создатели в Национальном институте родного языка, по соображениям безопасности.

В связи с этим программа исследований служебных элементов японского языка на широком материале, частью которой является настоящая работа, получила несколько иное направление. Позже ограничения были сняты, хотя для полного восстановления пользовательского функционала потребовалось еще некоторое время. Но тем не менее это показало актуальность обращения в исследованиях к создаваемым ad hoc корпусам, в том числе переводным [Нестеренко 2019].

Опыт исследований такого рода имеется. В паре языков японский-русский – это прежде всего работы И.И. Басс [Басс 2015], в которых прослеживаются закономерности организации русско- и японоязычного текста в сравнении. Отдельные начинания на этом пути проделывали и мы [Чиронов 2013]. Хотя ни в этих, ни в каких-либо иных работах вопрос не ставится как выделение значений исключительно из перевода, тем не менее продуктивность контрастивных

исследований как одного из путей более многогранного изучения языковых явлений не подвергается сомнению (см. блестящие работы в этом русле [Семантика коннекторов...; Altenberg 1999]).

Изучение коннекторов как функционально определяемых единиц в речи, эксплицирующих логические связи между фрагментами текста (дискурса), в режиме межъязыковых сравнений с привлечением японских данных пока носит, насколько можно судить, фрагментарный характер. Среди работ на эту тему – [Hohenstein 2005], где, среди прочего, делаются важные выводы о различиях между ожиданиями коммуникантов, связанными с определенными прагматическими стереотипами носителей языковых культур.

В настоящей работе к изучению привлекается единственное произведение – «Чайка» А.П. Чехова в одном лишь переводе японского автора, считающемся, правда, на сегодняшний день классическим [Чехов 1986; Kanzai]. Возможные возражения в устаревании материала мы считаем допустимым преодолеть ввиду того, что текст оригинала (в силу нашей собственной языковой интуиции) не кажется нам ничуть устаревшим (любые моменты, где такое впечатление может сложиться, впрочем, специально оговариваются отдельно). Собственно, японский перевод, выполненный значительно позднее, в ряде случаев кажется более состаренным, что отчасти объяснимо пропорционально более значительными изменениями, которые пережил японский в сравнении с представленным в пьесе разговорным русским языком. Тем не менее, в качестве перевода перед нами – по-прежнему современный и живой японский язык, даже (по мнению нашего информанта-носителя) если и принадлежащий скорее к относительно более возрастной категории – тогда как речь молодежи, конечно, в обоих случаях звучит иначе.

Более серьезный методологический вопрос вызывает, бесспорно, ограниченность источника. Мы безоговорочно признаем, что окончательные сколь-нибудь репрезентативные данные такого рода должны быть получены из многих переводов, в том числе разных версий переводов одних и тех же произведений. Однако с учетом характера исследования (скорее относимого к этапу постановки проблемы), доступа к материалу (ограниченного онлайн-ресурсами), а также объема информации, вскрывшегося при обработке даже одного доступного источника, на данной стадии мы считаем допустимым сконцентрироваться на этих лишь условно всеохватных данных.

Объект исследования

Итак, как же был выстроен объект исследования? Из наших прошлых работ примерно ясен круг единиц, отвечающих за соединение отрезков дискурса, между которыми при таком соединении манифестируются отношения обусловленности, а именно причинности. В целом мы понимаем причинность (прямую каузальную связь между реальными событиями) как одну из семантических подобластей в «ромбе» отношений обусловленности, куда входят также условность (прямая каузальная связь, гипотетические события), обратная условность или уступительность (обратная каузальная связь, гипотетические события) и противительность (обратная каузальная связь, реальные события) [Maeda 2009; Nihongo... 2008].

С учетом того, что речь в данном случае идет о переводе с русского языка на японский, вначале мы «прочесали» словник наиболее полного и уважаемого в том числе в переводческом сообществе русско-японского словаря [Togo et al. 2003] на предмет соответствий, предъявляемых для релевантных русских единиц. Найденные соответствия представлены ниже в таблице 1 (курсивом – выделены слова, не встретившиеся ни разу в чеховском тексте и его переводе).

Таблица 1. Соответствие между коннекторами в словаре:

	<i>N-ni tsuki</i>	<i>yue-ni</i>	<i>tame</i>	<i>node</i>	<i>Te(de)</i>	<i>(da)kara</i>	<i>nanishiro</i>	<i>noda</i>	<i>Wake de</i>	<i>Naze nara (ba)</i>	<i>(N no) kekka</i>	<i>sorede</i>	<i>seide</i>	<i>okagede</i>	<i>Ni yotte</i>	<i>(N no) amari</i>	<i>ja</i>	<i>(toiu) koto da</i>
<i>виду</i>	=	=																
за (что)			=	=	=													
и					=													
потому		=			=			=										
потому что				=		=				=								
потому как				=														
ведь			=			=	=											
дело в том								=										
так как				=														
<i>так что</i>			=			=					=							
так						=						=						
а то						=												
стало быть						=											=	
из-за			=		=								=					
от			=		=	=										=		
оттого		=				=												
<i>благодаря</i>				=							=		=	=				=
значит																		=
<i>следовательно</i>						=		=										

Составлено по: [Togo et al. 2003]

Далее был предпринят сплошной подсчет вхождений по единицам русского оригинала и их переводных эквивалентов. После этого для последних были найдены и подсчитаны также и прочие исходные соответствия, не фигурировавшие по структурным или иным причинам в словаре. При этом мы подходили к определению коннектора максимально широко, считая потенциально подходящим для этого класса любой «функционально эквивалентный фрагмент» [Семантика коннекторов...], включая, например, грамматические формы сказуемых. Подобная процедура была повторена, пока наконец среди вновь привходящих элементов не осталось лишь очевидным образом уходящих за рамки исследуемого круга значений. Подобные вхождения устранялись из подсчета вручную. В результате можно утверждать, что в поле зрения нашего обзора попало все множество коннекторов со значением логического следования, за исключением гипотетических случаев неких уникальных соответствий, не появляющихся в перекрестных сочетаниях с другими. Также нельзя гарантировать, что нам удалось выделить все случаи бессоюзного оформления причинной связи в русском языке, что потребовало бы значительной дополнительной ручной обработки текста, создав множество случаев с допустимыми неоднозначными трактовками. Так или иначе, результирующая таблица разительно отличается от исходной:

Таблица 2. Соответствия между коннекторами в адхоковом корпусе.

	0	te/de	kara	dakara	kara + koso	no dakara	mon(o) dakara	mono	mon(o) de	n(o)de	n(o)da	sokode	sorede	okagede	datte	nanishiro/na-nise	jitsuwa	wake da	wake de	suruto	ja	shi	ИТОГО
0	?	1	34	2		5		5	4	9	7		2			1		3		1		1	85
ДЕЕПР СВ		1																					
ДЕЕПР НВ		1																					
и	7	3	4	8		2	3	1	2	2		4	2	1						2			44
потому что			3 ¹		1																		
ведь	2		1					1							1	1		1					16
дело в том											1 ²						1						
так как			1				1		2			1											5
потому				1			1						1										
за (что)			1																				
так												1										1	
так вот				1															1				
и так																			1				
тут и												1											
(как и)																		1					
вот и							1					2	2										
вот				1																			
а			1	1						2			1									1	
а то	6		2																				4 ³
ну																						1	
чтобы			1				1																
значит																			1	2	3		
стало быть	1																						
из-за														1									
от								1															
оттого														1									
(др)	16			1						1	+												

Составлено по: [Togo et al. 2003].

Содержательная сторона полученных данных

Перейдем к рассмотрению содержательной стороны полученных данных. Первое и главное отличие между таблицами – разная степень их заполненности. В таблице 2 ощутимо меньше уникальных соответствий. Причина – в сложной семантической структуре коннектора, несущего многогранную процедурную информацию. В таковую, в силу конвенциональной дифференциации коннекторов по среде употребления, входят такие показатели, как

коммуникативный уровень связи (пропозициональная, иллокутивная или метадискурсивная [Инькова 2019б]), оценка говорящим каждого релята, соотношение старой и новой информации и прочее [Апресян 2003]. Все эти параметры, разумеется, невозможно покрыть в обычной словарной статье. Но в употреблении языка их, тем не менее, приходится учитывать.

Обращает на себя внимание отсутствие фиксации в словарях вариативных речевых реализаций коннекторов, к которым могут присоединяться различные служебные элементы, в том числе анафорического характера [Структура коннекторов...]. Прагматическое, или процедурное, в терминах теории релевантности [Blakemore 2002] значение коннектора, однако, от этого меняется, то есть, адресату сообщается несколько иная информация не только о том, какого рода связь говорящий усматривает между описываемыми явлениями, но и о том, с какой целью об этом упоминается. Так, используя *monodakara*, характерное для отговорки, выражения себя, выпрашивания согласия со своей позицией от адресата [Maeda 2009], переводчик блестяще дифференцирует резонерские рассуждения героя в том, что касается партнера и его самого:

С о р и н . Вы сыты и равнодушны и <u>потому</u> имеете склонность к философии, я же хочу жить и <u>потому</u> пью за обедом херес и курю сигары и все. Вот и все.	ソーリン あんたは腹がいっぱいで、泰然と構えていなさる。それで哲学に興味をもちなさる。ところが僕は、生きたいものだから、夕食にシェリー[酒]をやったり、シガーをふかしたり、とまあいった次第でさ。それだけの事ですよ。
--	---

Еще более разительное отклонение от базового *kara* представляет собой *n(o)dakara* (курсив?), маркирующее речевое поведение коммуниканта, безапелляционно навязывающего свою точку зрения партнеру [Maeda 2009]. См. виртуозное использование этого средства переводчиком, воссоздающим таким образом настрой говорящего, местами, но не всегда, проскальзывающий в лексическом обрамлении высказываний:

М е д в е д е н к о . Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, <u>и</u> сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. [жесткая ирония, говорится чуть ли не с вызовом]	メドヴェージェンコ そう。出演はニーナ嬢で、脚本はトレブレフ君の書きおろし。ふたりは恋仲なんだから、今日はふたりの魂が融合して、同じ一つの芸術的イメージを、ひたすら表現しようという寸法でさ。
П о л и н а А н д р е е в н а . Пустяки [отмечается кокетство Дорна], для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились <u>и</u> еще нравитесь женщинам.	ポリーナ そんなこと——男の場合、年寄りのうちに、はいらないわ。まだそのとおりの男前なんだから、結構おんなに持てますわ。

Содержательные несовпадения между данными

Чрезвычайно любопытны содержательные несовпадения между данными таблиц, то есть, фактически – между фиксированной словарем нормой и реальным узусом. Главное, о чем это говорит, – «облачное» устройство значения лексических единиц, при соблюдении некоторых «стержневых» параметров употребления «вставляемых» в очень разнообразные контексты. Притом надо признать, что при затруднительности до конца алгоритмизировать этот процесс, оставляющий некий люфт для языкового творчества, далеко не всегда такие неучтенные в словаре контексты составляют секрет для лингвистических описаний. Так происходит, например, с ироничным употреблением *okage* = *благодаря*, имеющим место в обоих языках, но не «кодифицированным» словарем. Степень конвенциональности такого употребления,

впрочем, ощутимо различается между языками, что, видимо, позволяет переводчику «односторонне» использовать это средство для японского языка, где использование этого коннектора передает досаду, иронию или сочувствие говорящего не прямо, а довольно тонко – в примере ниже, более того, это еще и компенсирует, видимо, возможный «недобор» иронии в переводе предыдущего предложения:

<p>Т р е п л е в . <u>Благороднейшая</u> личность! Вот мы с тобою почти ссоримся <u>из-за</u> него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется над мной и над тобой, развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.</p>	<p>トレープレフ 人格の高いりっぱな人か！ やっこさんのおかげで、このとおり母子(おやこ)げんかになりかけてるというのに、今ごろご本人は客間か庭のどこかで、われわれをせせら笑っていることでしょうよ.....</p>
---	--

Напротив, в единственном случае использования «по словарю» в итоге оказывается, что автор недвусмысленно подтрунивает над героиней:

<p>А р к а д и н а . Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. <u>Оттого</u> я и сохранилась, что никогда не была фефелой, не распускала себя, как некоторые... (Подбоченясь, прохаживается по площадке.)</p>	<p>あし家を出るにしたって、よしんば、ほら、こうして庭へ出る時でも、——ブルーズのまま髪も結わずに、なんてことがあったかしら？ とんでもない。わたしがこうしていつまでも若くていられるのは、そこの連中みたいにぐうたらな真似をしたり、自分を甘やかしたりしなかったおかげですよ。</p>
--	---

То, что такое неканоническое использование коннектора в реальном речевом произведении преобладает над каноническим (для *okage* это 3 вхождения из 4), показывает, насколько в живой коммуникации важен и ценится элемент косвенности и языковой игры.

Еще одно объективное соответствие, не отфиксированное словарями, но описанное (по отдельности) в литературе – пара *так как* и *тон(o)(da/de)*, используемая для ссылки на некие «объективные причины»:

<p>А р к а д и н а ... Несчастливая девушка в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, <u>так как</u> отец ее уже завещал все своей второй жене.</p>	<p>アルカージナ 気の毒な娘さんだこと、まったく。人の話だと、あの子の母親が亡くなる前、莫大な財産を一文のこらず、すっかりご主人の名義に書きかえたんですって。それを今度はあの父親が、後添いの名義にしてしまったもので、今じゃあの子、はだか同然の身の上なのよ。</p>
---	---

Конечно, перевод не может служить решающим критерием трактовки значения, но на нашем материале он подтверждает, что ряд «кружных» способов выражения, высвечивающих те или иные периферийные черты ситуации, сводится к глубинной причинности. К ней в результате переводческих трансформаций успешно сводится целевая конструкция (притом что в японском, судя по всему, подобных конструкций с «вторичным» показателем цели, в отличие от русского и ряда западноевропейских языков, нет).

<p>Н и н а . Я слишком проста, <u>чтобы</u> понимать вас.</p>	<p>ニーナ わたし単純すぎるもんだから、あなたの考えがわからないの。</p>
<p>Н и н а . А я хотела бы побывать на вашем месте.</p>	<p>ニーナ わたしは、ちよいちよいあなたと入れ代りになってみたいわ。</p>
<p>Т р и г о р и н . Зачем?</p>	<p>トリゴーリン なぜね？</p>
<p>Н и н а . <u>Чтобы</u> узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель.</p>	<p>ニーナ 有名な、りっぱな作家が、どんな気持でいるものか、知りたいからですわ。</p>

Наблюдаемые случаи преимущественных соответствий, не покрытых словарем, включая, например «подводящее к выводу» *значит* = *ja*, без сомнения, должны стать материалом для усовершенствования словарных статей в будущем. При этом, наверное, необходимо отталкиваться от представления о коннекторе именно как о функционально определяемой, морфологически нечеткой единице, чтобы преодолеть некоторую инерцию изоморфизма в подборе эквивалентов, убедительно опровергаемую удачно подобранными переводчиком «транскатегориальными» соответствиями:

Н и н а . Меня ждет папа.	ニーナ パパが待ってますから。
А р к а д и н а . Какой он, право... (<i>Целуются</i> .) Ну , что делать. Жаль, жаль вас отпускать.	アルカージナ なんてパパでしょうね、ほんとに..... (キスを交す)じゃ、仕方がないわ。お帰しするの、ほんとに残念だけれど。
Т р е п л е в . Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит.	トレープレフ 僕がいなけりゃ、あの人は三十二でいられるが、僕がいると、とたんに四十三になっちゃう。だから僕が苦手なんですよ。

Нулевые соответствия

Наибольший интерес вызывают случаи нулевых соответствий в таблице 2. Здесь накладываются, а вернее, происходят одна от другой две проблемы. Первая из них – феномен факультативности коннектора, который призван лишь эксплицировать, но не устанавливать логические связи между элементами текста, очевидным образом существующие (и считываемые адресатом сообщения, другое дело – как) помимо усилий говорящего. Возможность обходиться без коннекторов, по видимости, сильно зависит от типа логических отношений между фрагментами высказывания, но в зоне причинности мы, можно с уверенностью сказать, имеем дело с такой ситуацией, когда логическая связь объективно существует помимо того, будет она или нет сигнализирована говорящим, причем не только при прямом, иконичном порядке описания (от причины к следствию: *Переохладился и заболел.*), но и обратном (*Я заболел. Вчера переохладился*). Отсюда вхождение во многих, если не во всех, языках в число функционально эквивалентных фрагментов причинности различных типов деепричастных (конвербных) оборотов [Артагов 2020] и соединительных союзов (что, впрочем, годится лишь для случаев прямого, иконичного порядка):

Боясь , чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно.	お前のなかに、命の目ざめるのを恐れて、永遠の物質の父なる悪魔は、分秒の休みもなしに、石や水のなかと同じく、お前のなかにも、原子の入れ換えをしている。
---	--

Собственно, заметим с некоторым опозданием, невозможностью исчерпывающе отметить все подобные случаи и объясняется знак вопроса в клетке таблицы 2 с пересечением немаркированных соответствий: их ручной подсчет, используя для этого более одного эксперта, привел бы к множественным спорным случаям и все равно не дал бы окончательного однозначного результата.

В силу этой факультативности вступает в действие индивидуальная логика каждого языка, состоящая в том, в каких ситуациях (в условиях некоторой избыточности выражения причинных отношений) коммуниканты будут использовать эти показатели, какие коммуникативные цели они при этом будут преследовать. Именно этим можно объяснить значительные расхождения между языками – см., например, данные о том, что общее число

коннекторов меньше в немецком тексте выступления, чем в английском в два раза [Hohenstein 2005, p. 298]! Это и есть вторая проблема из названных.

Что касается нашего случая, то здесь общая тенденция такова, что, как видно из таблицы, нулю в русском гораздо чаще соответствует коннектор в японском, чем наоборот. Конечно, прежде всего, у этого явления есть структурные корни. Порядок составляющих в предложении в японском языке имеет двойную обусловленность – синтаксическую и прагматическую. По первому критерию подчиненное всегда должно предшествовать главному. Однако с точки зрения организации речи, и прежде всего принципа «от известного к неизвестному» (в адресат-ориентированном варианте построения высказываний) преобладает обратная последовательность «следствие – причина». Она же, кстати, получается и при ориентации говорящего на свое собственное удобство, если ему важно как можно быстрее донести тезис до сознания адресата, обеспечив максимальное воздействие на его сознание, и уже потом (в онлайн-овом порядке, в частности, считывая возможные колебания на стороне своего визави) расширять заданный ранее тезис через предъявление аргументации задним числом. Последние варианты синтаксически совершенно нормальны для русского текста, но в японском вызывают ощущение парцелляции. Даже в цепочке отдельных предложений сохраняется необходимость маркирования второго отрезка, что позволяет стабилизировать синтаксическую конструкцию в глазах коммуникантов (см. пример с добавлением коннектора в постпозиции):

Н и н а . Это какое дерево?	ニーナ これ、なんの木？
Т р е п л е в . Вяз.	トレープレフ これの木。
Н и н а . Отчего оно такое темное?	ニーナ どうして、あんなに黒いのかしら？
Т р е п л е в . Уже вечер, темнеют все предметы.	トレープレフ もう晩だから、物がみんな黒く見えるのです。

То, что японская речь в большей степени предполагает специальную антиципационную разметку (например, полностью артикулируемый вопрос, перед следующим за ним ответом), детерминируется положением грамматических показателей, группирующихся в правой части предложения, в потоке речи воспринимаемых последними. Тем самым добавочная маркировка придаточного причины компенсирует непрозрачность прагматической направленности звучащего отрезка для адресата сообщения: *naze nara* = *если [спросить] почему [так]*, ср. также широко распространенные *dooshite ka to iu to* = *если сказать почему так*. Это явление отнюдь не чуждо русскому языку, но распространено, по всей видимости, гораздо слабее (см. разговорные препозиционные обороты типа *Я что хочу сказать...*, *Дело вот в чем*, – чья степень приемлемости резко понижается при переходе в формальный регистр):

Д о р н Я что хочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно.	ドールン僕の言いたいのはね、いいですか——君は抽象観念の世界にテーマを仰いだですね。これはあくまで正しい。なぜなら、芸術上の作品というものは必ず、何ものか大きな思想を表現すべきものだからです。真剣なものだけが美しい。
--	--

Данная ситуация порождает феномен двойного маркирования, сходного с рамочными конструкциями (при значительной факультативности обоих элементов) в других языках, например, в китайском. Упомянутая особенность вовсе не ограничивается «отзеркаливаемыми»

вопросами. Это могут быть и специальные наречные модификаторы, например (для самой причинной клаузы) – *nanishiro/nanise*, привлекая внимание к обстоятельствам говорящего, указывающие на его желание заручиться пониманием адресата:

А р к а д и н а . Да, у меня есть деньги, но ведь я артистка; одни туалеты разорили совсем.	アルカージナ それはわたしだって、お金のないことはないけれど、 <u>なにせ女優ですもの</u> ね。衣装代だけでも身代かぎりしちゃうわ。
--	---

Аналогичную функцию, особенно при финальном *noda* с его относительно широким дискурсивным функционалом, играет *jitsuwa* – маркер «важной информации», которая, по мнению Г, должна представлять интерес для А:

Д о р н . Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...	ドールン どこかへアルカージナさんを連れて行ってください。 <u>じつは、トレープレフ君が、ピストル自殺をしたんです。……</u>
--	---

Как видим, маркирование указания на причину продолжается в японском все время до окончания соответствующего блока в речи. При этом не только не требуется оформление этой части подчиненным придаточным, но и допускается наслоение многих отдельных выражений, порой с вторичными логическими связями между ними, каждой из которых, так или иначе, помечено как обоснование приведенного ранее тезиса (дискурсивная каузальность):

Т р е п л е в . Отчего? Скучает... Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что ее беллетристу может понравиться Заречная.	トレープレフ <u>なぜかって?</u> 淋しいんですよ... 妬けるんです。おっ母さんはてんからもう、この僕にも、今日の芝居にも、僕の脚本にも、反感を持って <u>るんだ</u> 。というのも、演(や)るのが自分じゃなくて、あのニーナさんだからなんです。
--	--

Такого рода маркирование для русского коммуниканта едва ли было приемлемо, ср. «исправленный» вариант уже приведенного выше отрывка:

Н и н а . Это какое дерево?	ニーナ これ、なんの木?
Т р е п л е в . Вяз.	トレープレフ これの木。
Н и н а . Отчего оно такое темное?	ニーナ どうして、あんなに黒いのかしら?
Т р е п л е в . { Потому что/ Ну так/ Так ведь } Уже вечер, { вот и } темнеют все предметы.	トレープレフ もう <u>晩だから</u> 、物がみんな黒く見える <u>のです</u> 。

В русском, как можно убедиться, такого рода дотошное маркирование было бы характерно для контекстов, где говорящий чувствовал бы раздражение, нетерпение перед непонятливостью или излишними вопросами собеседника. В японском Костя разве что на оттенок более покровительственен к Нине, нежели в оригинале, в чем, однако же, нисколько не отклоняется от гендерной медианы.

Надо сказать, что рассматриваемое явление двойной маркировки имеет, очевидно, свои прагматически оправданные границы. Чрезмерность в ней может восприниматься как проявление определенного эмоционального состояния, нажимный характер изъяснения.

См. пример, где переводчик использует это излишество для выражения такого настроения, передаваемого в русском оригинале повтором местоимения – прием, сложно переносимый в таком же виде в японский текст:

А р к а д и н аЕвгений Сергеич, кто из нас моложе?	アルカージナ ...ね、ドールンさん、どっちが若く見えて？
Д о р н . Вы, конечно.	ドールン あなたです、もちろん。
А р к а д и н а . Вот-с... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суете, а вы сидите все на одном месте, не живете...	アルカージナ そうらね.....で、なぜでしょう？ それはね、わたしが働くからよ、物事に感じるからよ、しょっちゅう気を使っているからよ。

Еще одно общезыковое объяснение нулям в колонке русских эквивалентов – слабое развитие маркирования иллокутивной причинности [Инькова 2019], то есть специального выделения обоснований для таких речевых актов не констатирующего свойства, как комиссивы (обещаний и сообщений о своих действиях), бегахитивы (выражений отношения) и даже выражения суждения [Austin 1962]. Для них мы видим устойчивое соответствие японского *kara* обоснования высказывания нулю в русском. При этом порядок фраз всегда фиксирован – обоснование в нем появляется уже после основного высказывания:

М а ш а . Вот и рассердили. Надо было приставать! [выражение эмоций]	マーシャ ほら、怒らしちまった。うるさくするからよ！
Т р е п л е в (<i>матери</i>). Не пугайся, мама, <u>это не опасно</u> . [побуждение]	トレープレフ (母親に)びっくりしないで、ママ、べつに危険はないから。
Т р е п л е в . Останьтесь, я дам вам поужинать... [побуждение]	トレープレフ ゆっくりして行って、夜食ぐらい出すから.....
М е д в е д е н к о . Жалко. Уже третью ночь без матери. [выражений отношения]	メドヴェージェンコ 可哀そうだ。もうこれで三晩、おっ母さんの顔を見ないんだからな。
А р к а д и н а (<i>усаживая ее возле</i>). Не конфузьтесь, милая. <u>Он знаменитость, но у него простая душа!</u> Видите, он сам сконфузился.	アルカージナ (彼女を自分のそばに坐らせながら)そう固くならないでもいいのよ。有名な人だけれど、気持のさっぱりしたかたですからね。ほら、あちらが却って、あがってらっしゃるわ。

Определенная часть таких высказываний принадлежит тем, кто, находясь в положении, позволяющем им высказываться без возможных возражений, добавляют некую смысловую «подпорку», сугубо необязательную, к своим основным словам, но, будто бы компенсируя себе это усилие, уже не берут на себя труд эксплицитировать логические связи между фрагментами. В условиях довлеющей препозиции тезиса и постпозиции обоснования эта «нестрогая» смысловая конструкция получает широчайшее распространение далеко за пределами пар подчинивший-подчиненный, как в примерах:

Я к о в . (<i>Треплеву</i>). Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.	ヤーコフ (トレープレフに)若旦那、[わっしら]ちよいと一浴びしてきます。
Т р е п л е в . Хорошо, только через десять минут будьте на местах. (<i>Смотрит на часы</i> .) Скоро начнется.	トレープレフ いいとも。だが十分したら、みんな持ち場にいてくれよ。(時計を見て)もうじき始まりだからな。

Яков (убирая со стола). Удочки тоже прикажете уложить?	ヤーコフ (テーブルの上を片づけながら) 釣竿もやはり入れますんで?
Тригорин. Да, они мне еще понадобятся.	トリゴーリン そう、あれはまだ要るからね。

Явление это, конечно, не просто классовое. Так разговаривает не только хозяин со слугой, но и с отцом – дочь, которой «все должны», обиженный сын – с матерью, будирующий воздыхатель – со своим объектом. Это – даже не чеховское, а никуда не девавшееся несмотря на все потрясения наше родное:

Аркадина (сыну). Костя, оставь свои рукописи, пойдем есть.	(息子に) コースチャ、原稿はやめて、食堂へ行きましょ <u>う</u> 。
Треплев. Не хочу, мама, я сыт.	トレップレフ 欲しくないよ、ママ、おなかがいっぱいだから <u>から</u> 。
Нина. Какие у него чудесные рассказы!	ニーナ あの人の小説、すばらしいわ!
Треплев (холодно). Не знаю, не читал.	トレップレフ (冷やかに) 知らないな、読んでないから <u>から</u> 。

Интересна роль выдвигаемого задним числом аргумента в тех высказываниях, где он оформлен «голым» *kara*. В отличие от варианта с *n(o)dakara*, роль сентенции как новой информации для адресата снижена, в то же время сама цель сообщения уже обозначена в первом отрезке до того:

Маша (отцу). Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.	マーシャ (父親に) パパ、うちの人に馬を出してやってちょうだい! うちへ帰らなくちゃならないんだから。
Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить.	アルカージナ 赤ブドウと、トリゴーリンさんのあがるビールは、このテーブルに置いてちょうだいな。ローをしながら飲むんだからね。

Получается, что с *kara* эта информация по сути сообщается во многом лишь для того, чтобы, показав свою возможность бесцеремонно выдвигать тезис, не обозначая его логической привязки к соседнему фрагменту высказывания, утвердить свой контроль над реализуемым дискурсом. Впрочем, мало чем отличается от такой модели речевого поведения и тактика коммуникантов в приведенных примерах с *ndakara*, где адресата, по сути, не должна особо интересоваться та новая информация, которая ему предоставляется.

В меньшей степени бессоюзная связь в русском покрывает соответствия с маркированной причинностью и при прямом, а не обратном порядке следования отрезков. Здесь мы видим куда меньший разрыв в речеактовом статусе релятов, фактически можно говорить уже не столько об иллюкутивной, сколько о пропозициональной причинности. Вхождений таких мало, и они в основном принадлежат персонажам-женщинам, которые пытаются вразумить собеседников-мужчин (ситуация, в которой аргументация изначально может оказываться не очень востребованной и не слишком эффективной):

Полина Андреевна. Я страдаю от ревности. Конечно, вы доктор [факт], вам нельзя избегать женщин [суждение]. Я понимаю...	ポリーナ わたし、嫉妬でくるしいのよ。そりゃ、あなたはお医者さんだから、婦人を避けるわけにはいかない。それはわかるけれど.....
Аркадина (дрожа). Нет, нет... Я обыкновенная женщина [факт], со мною нельзя говорить так... [оценка] Не мучай меня, Борис...	アルカージナ (ふるえながら) 厭、厭。.....わたしは平凡な女だから、そんな話は、お門ちがいよ。.....いじめないで、わたしを、ポリース。

У этого русского коммуникативного хода, конечно, есть этакий промежуточный эквивалент в японском – *n(o)da*. Не являясь однозначным показателем обусловленности, он маркирует высказывание, выделяемое самим говорящим как своя позиция, либо как обоснование, сильный аргумент:

Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.	ポリーナ しめっぽくなってきたわ。引返して、オーバーシューズをはいてらしたら？
Дорн. Мне жарко [и больше объяснять вам я ничего не желаю].	ドールン 僕は暑いんです。

Так что в принципе эта речевая тактика не чужда японским коммуникантам, однако, во всяком случае, на изучаемом отрезке языковой действительности несколько не доминирует, если сравнить число вхождений *noda* и *kara*.

Логическим продолжением такой коммуникативной тактики становится и производный вариант употребления инициального японского *dakara*, потерявшего способность трансформироваться в *desu kara* как результат грамматикализации, а вернее, прагматикализации [Maunard 1998]. Говорящий не просто указывает на связь двух отрезков высказывания, а помечает своего рода петлю в собственной аргументации, после предъявленных свежих доводов еще раз подтверждая ранее уже озвученный тезис. В сравнении повтор такого же отрезка в русском, лишенный каузальной маркировки, звучит как простое упрямство (дополнительно избегает этого переводчик лексической меной):

Нина. <u>Заприте двери</u> , а то войдут.	ニーナ ドアの錠をおろして。 <u>はいってくと困るわ。</u>
Треплев. Никто не войдет.	トレープレフ 誰も来やしない。
Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здесь. [именно поэтому я и попросила вас только что –] <u>Заприте двери...</u>	ニーナ 知ってるわ、アルカージナさんが来てること。 <u>だから閉めて.....</u>

Пожалуй, лишь в одном примере этому ходу в японском подбирается словесное воплощение и в оригинальном тексте – в лице *так вот*, привносящего элемент нетерпеливого, раздраженного объяснения:

Сорин. Через двести тысяч лет ничего не будет.	ソーリン 二十万年したら、なんにもないさ。
Треплев. <u>Так вот</u> [чем все эти дебаты] пусть изобразят нам это ничего.	トレープレフ <u>だから</u> 、そのないところを見させるんですよ。

Еще один специфический случай употребления японских коннекторов представляет финальная позиция, когда говорящий указывает на существование некоего вывода из произнесенного, но не называет его. По форме это сходно с куда более маргинальным употреблением в русском, когда аргументация как бы замирает, затухает, не достигая цели. Но из контекстов понятно, что мотивы стеснения, неловкости, тактичности, которые заставляют так вести себя русских коммуникантов, довольно далеки от значительно более дежурного употребления этого коммуникативного хода в случае японского. В переводе чеховской пьесы он, как и рассмотренные выше примеры, приспособливается к случаям нулевой маркировки в русском, где говорящий руководствуется диаметрально противоположными соображениями:

Аркадина. (...) (Якову.) Я дала рубль повару. Это на троих [так что возьмите у него, а он пусть не зажимает все себе/ так что вам мне сейчас нечего дать].	(ヤーコフに) コックさん一ルーブリ渡しましたよ。あれは三人分だからね。
--	--------------------------------------

Здесь Аркадина не утруждает себя проговариванием того, к чему она сказала фразу. В японском такое кардинальное сокращение, видимо, недопустимо, так как приведет к потере релевантности всего высказывания. Но, добавляя причинное *kara*, не разрешающееся в итоге эксплицитным выводом, коммуникант по сути ведет себя также; конкретным же прагматическим содержанием эта искусственная недосказанность будет наполняться по соотношению социальных сил и весов общающихся (см. мену на *node* ниже). Любопытно обратить внимание на стандартное маркирование этой иллюкутивной причинности в восстановленных вариантах фраз – всегда до *так вот*:

Тригорин (оглянувшись). Остановитесь в «Славянском Базаре»... Дайте мне тотчас же знать... Молчановка, дом Грохольского... Я тороплюсь... [так что не настаивайте на продолжении разговора] (<i>пауза</i>)	トリゴリン (ちらと後ろを振り返って) 宿は、「スラヴヤンスキイ・バザール」(訳注 モスクワの有名なホテル)になさい。.....そしてすぐ僕に知らせて.....モルチャーノフカ、グロホーリスキイ館。.....いまは急ぐから..... (間)
Шамраев. Письмецом бы осчастливили [так что напишите!]! Прощайте, Борис Алексеевич!	シャムラーエフ ちよいと一筆お手紙を頂きたいもので! ご機嫌よう、トリゴリンさん!

В препозиции к побуждению причинная клауза появляется лишь однажды:

Полина Андреевна. Милый Костя, хороший, [а раз вы такой хороший, как я вас квалифицирую, то] будьте поласковее с моей Машенькой!..	ポリーナねえ、可愛いコースチャ、いい子だから、うちのマーシャに、もう少し優しくしてやってくださいね!
--	--

Зато здесь переводчику удастся нащупать устойчивую тактику увещевания на японском. Для русского коммуниканта она не лежит на поверхности ввиду бессознательного соединения, а становится явной лишь в результате интроспективного анализа реплики. Так, именно перевод вскрывает суть коммуникативной тактики комплимента, цель которой – добиться от собеседника действий в пользу говорящего уже вне дискурсивного плана.

Помимо *kara* и его производных преобладающий ноль в русском оригинале имеют и другие единицы – в частности, *wake*, маркирующий указание подразумеваемого вывода, а не просто обоснование озвученного тезиса. Особенность такого инструмента структурирования – в том, что нередко он охватывает значительные отрезки текста. Примечательно, что в японском неразмеченной остается одна лишь из двух связей между отрезками, каждый из которых последовательно раскрывает содержание предыдущего, а в русском – обе:

Дорн. [Нет, не пустяки.] ← [Вино и табак обезличивают.] ← [После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу – он].	ドールン [いや、くだらんどころじゃない。]← [酒とタバコは、個性を失わせますよ。]← [シガー一本、ウオトカー一杯やったあとのあなたは、もはやソーリン氏ではなくて、ソーリン氏プラス誰かしら、なんです。自我がだんだんぼやけて、あなたは自分に対して、あたかも第三者——つまり“彼”に対するような態度になる]わけですよ。
--	---

При прямом порядке в констативных высказываниях японским показателям причинной связи чаще всего соответствует не ноль, а соединительное *и* (И) с очень широким спектром значений, описываемых в общем как отсутствие противоречивости между двумя описываемыми событиями. Задачу детализации логической связи, которая в случае русской коммуникации возлагается на адресата высказывания, в японском переводе в подавляющем большинстве случаев считает необходимым взять на себя переводчик:

Н и н а . Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам и [поэтому] будет лаять.	ニーナ だめ、番人にみつかるわ。それにトレゾールは、まだお馴染みじゃないから、きっと吠えてよ。
--	---

Прагматическое различие, практически не ощущаемое в русском, – в большей фокусации на причину при использовании *kara* (по сравнению с *-te*).

Идеальная среда для русского И – те случаи, когда не нужно акцентироваться на причинной связи между описываемыми событиями, она и так очевидна. Недаром одним из соответствий является *mondakara*, дефокусирующее внимание к причинности между отрезками, чья связь не составляет новости:

Н и н а . Это усадьба моей покойной матери. Я там родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на нем каждый островок.	ニーナ あれが、亡くなった母の屋敷です。わたし、あすこで生れたの。それからずっと、この湖のそばで暮しているものだから、どんな小さな島でもみんな知っていますわ。
---	---

От И-«поэтому» (*kara*) отличается И перечисления (*soshite*), И (обусловленного) следования, эквивалентное *suruto*, и И-«и в конце концов», выделяемое *sorede*:

Нина. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и [в то же самое время также] никто не слышит...	ニーナ わたしは孤独だ。百年に一度、わたしは口をあけて物を言う。そしてわたしの声は、この空虚のなかに、わびしくひびくが、誰ひとり聞く者はない。.....
Нина. Ничего, мне легче от этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в сад, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и [благодаря этому сразу] у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу.	ニーナ いいの、これで楽になるわ。.....わたし、もう二年も泣かなかった。ゆうべおそく、こっそりお庭へは行って、あのわたしたちの劇場が無事かどうか、見に行きました。あれは、まだ立っていますわね。それを見たとき、二年ぶりで初めて泣いたの。すると胸が軽くなって、心の霧が晴れました。ほらね、わたしもう泣いていないわ。
Нина. Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и [в итоге к концу концов] мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом...	あの人は芝居というものを信用しないで、いつもわたしの夢を嘲笑してばかりいた。それでわたしも、だんだん信念が失せて、気落ちがしてしまったの。

Единичны, хотя и существуют случаи, когда И связывает иллокутивно разнородные элементы – обоснование речевого акта и сам речевой акт:

Я приказал подавать лошадей к часу, в одно время и выедем.	一時に馬車を回すように言いつけたから、いっしょに出かけよう。
---	--------------------------------

Пожалуй, в сочетании с перформативным глаголом отсутствие союза воспринималось бы в русском как чересчур рубленый стиль, хотя японский, по-видимому, такого различия не делает:

А р к а д и н а . Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и <u>прошу</u> при мне не выражаться о нем дурно.	アルカージナ お前は、わたしに嫌がらせを言うのが楽しみなんだね。わたしはあの人を尊敬しているのだから、わたしの前じゃあの人を悪く言わないでもらいたいね。
--	--

Есть, впрочем, сферы, где ни обнуления, ни «размытия» показателя причинной связи (как в случае с *и*) не происходит. В частности, это фрагменты, где речь идет о самой причинной связи и она, соответственно, становится актантом предиката, иначе говоря, подчиняется верхнему оператору. В этом случае в обоих языках фигурирует тот самый показатель, который (отчасти именно поэтому) и считается базовым (пара, потому что – *kara*):

Т р е п л е в ... Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я – ничто, и меня терпят только потому , что я ее сын.	トレープレフ ね伯父さん、これほど情けない、ばかげた境遇があるものでしょうか。おっ母さんの客間には、よく天下のお歴々がずらり顔をならべたもんです——役者とか、文士とかね。そのなかで僕一人だけが、名も何もない雑魚なんだ。同席を許してもらえるのも、僕があの人の子だからというだけのことに過ぎん。
---	---

Способы перевода эксплицитно маркированной причинности

В свете обозначенной тенденции к повышенному маркированию причинности в японском особое внимание привлекают обратные случаи, когда эксплицитно маркированная в оригинале причинность в японском переводе оказывается понижена в ранге до бессюзного соединения или различных соединительных (конвербных) форм с широким синкретическим значением «следования» (см. пример с *-te*, правда, из авторской ремарки):

Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно.	広い並木道が、観客席から庭の奥のほうへ走って、湖に通じているのだが、家庭劇のため急設された仮舞台にふさがれて、湖はまったく見えない。
--	--

Это, по идее, должно проливать свет на возможность выражения *-te* (а следовательно, и достаточность ее для выражения) причинной связи в условиях неволевого характера действия в главном предложении [Maeda 2009].

Другой русский коннектор, устойчиво «недомаркируемый» в японском, – *a to*. Ему свойственна усложненная семантическая структура, сочетающая причинный и условный компонент («надо сделать А, потому что если не сделать А, то наступит негативное следствие Б») [Левонтина 2013]. Хотя для полного выражения этого отношения в японском существует специальный показатель так называемой негативной условности *samonakereba*, примеров его употребления мы почти не видим ни в переводе пьесы, ни в общем корпусе. Вместо этого переводчик настойчиво выбирает средства, подавляющие часть этой семантики – например, просто привлекающее внимание к новой информации *yo*:

По л и н а А н д р е е в н а (Дорну). Вы сняли шляпу. Наденьте, a to простудитесь.	ポリーナ (ドールンに) まあまあ、帽子をぬいで！ さあさ、おかぶりなさい、風邪を引きますよ。
Д о р н . Полагаю, теперь можно поднять занавес, a to жутко.	ドールン もう幕をあげてもいいでしょうな、 <u>どうも</u> 気づまりでいかん。

Полина Андреевна (стучит по столу). Пожалуйста, господа. Не будем терять времени, a to скоро ужинать позовут.	ポリーナ (机をたたく)さ、いかが、皆さん。時間が無駄ですよ、ぐずぐずしていると、お夜食をしらせに来ますわ。
--	--

Интересно, как в примере несколько раньше, где Нина просит Треплева закрыть двери, внедрение *dakara* фактически происходит за счет не нашедшегося эквивалента для *a to* при первой итерации побуждения. Получается, что переводчик неосознанно делает выбор в пользу более эффективного для японских коммуникантов маркирования из ограниченного числа таких альтернатив, которые не угрожали бы загромоздить текст!

Конечно, вряд ли скудный материал с избеганием перевода *a to* позволил бы сравнивать, русские или японцы в большей степени делают все сугубо из-под палки. Но то, что в русскоязычном общении апеллирование к возможным негативным результатам используется относительно чаще для побуждения партнера к действию, из представленных данных явствует со всей полнотой.

Как видно из таблицы 2, не покрывается в японском переводе показателями причинности и большинство вхождений русского *ведь* (притом переводчик лишь в 1/8 случаев следует совету словаря). Это отчасти также связано с расстыковкой между языками, о которой шла речь ранее. Дело в том, что каузальность – лишь один из компонентов значения русского *ведь*, наряду с активацией («вызовом») фоновых знаний и представлений коммуникантов. При этом говорящий может использовать этот уже известный («ведомый») тезис как для собственного принятия аргумента, так и для навязывания его адресату, что проявляется в наборе обнаруживаемых в переводном тексте эквивалентов, от модусных наречий с сильным элементом эмоционально-оценочной реакции на вновь открывшийся факт (*masaka, naruhodo, na(a)ni*), и до призывов принять тезис – без логического пояснения! Например, *ja arimasen ka, datte* или же просто «провоцирующего согласие» *ne*, а также их сочетания:

Аркадина (<i>нежно</i>). Помиришь и с ним. Не надо дуэли... Ведь не надо?	アルカージナ (やさしく)あの人とも仲直りしてね。決闘なんぞいるものかね。..... <u>ね</u> 、そうだね。
Треплев. Хорошо...	トレープレフ え、いいです。
Шамраев (<i>дразнит</i>). Лошадь... домой... (<i>Строго</i> .) Сама видела: сейчас послали на станцию. Не гонять же опять.	シャムラーエフ 今しがた停車場へ行って来たばかりだ。そうそうこき使うわけにはいかん。
Маша. Но ведь есть другие лошади...	マーシャ ほかの馬 <u>だってあるじゃないの</u> 。

Компонент каузальности (в указании на роль последующего отрезка как обоснования предыдущего) в примерах выше подавляется. Но в других случаях возникающее при этом расщепление между различными единицами каузального и дискурсивного значения *ведь* порождает некое подобие довольно пространственных рамочных конструкций, о которых речь уже шла выше:

М е д в е д е н к о . Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.	メドヴェージェンコ そりゃ、理論ではね。だが実際となると、そうは行かない。僕に、おふくろ、妹がふたり、それに小さい弟——それで月給がただの二十三ルーブリ。まさか食わず飲まずでもいられない。お茶も砂糖もいります <u>ね</u> 。タバコもいる。そこでキリキリ舞いになる。
--	---

Наконец, те относительно менее распространенные случаи, когда используется «каноническое» русское выражение причины, «как в словаре», оказываются привязаны к идее

парадоксальности – речь идет о неожиданной причинности, противоречащей поверхностной (и неверной) логике:

Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.	そう、おれはだんだんわかりかけてきたが、問題は形式が古いの新しいのということじゃなくて、形式なんか念頭におかずに人間が書く、それなんだ。魂のなかから自由に流れ出すからこそ書く、ということなんだ。
--	---

Типологически, может быть, не столь уж и исключительный, перед нами явный парадокс своего рода весьма непрямой коммуникации.

Коннектор как инструмент индивидуализации

Нагруженный процедурной информацией об оценках и представлениях автора, коннектор в крайне компактном тексте драматического произведения служит мощным инструментом индивидуализации. Возьмем пример «резонерского» *dakara*, которое чаще прочих встречается в репликах Треплева (4), из них 3 в самой «рьяной» инициальной позиции во всей реплике:

Сорин. Без театра нельзя.	ソーリン 劇場がないじゃ、話になるまい。
Треплев. [именно поэтому я говорил то, что говорил – тогда как ваш тезис – лишь подводка к моему] Нужны новые формы.	トレプレフ <u>だから</u> 、新しい形式が必要なんですよ。

Здесь *dakara*, оставаясь маркером причинности, выступает практически как возражение! Сходное употребление наблюдаем с пьющей Машей:

Тригорин. Мне самому не хочется уезжать.	トリゴーリン わたしだって、発ちたくはないんだが。
Маша. <u>А</u> вы попросите, чтобы она осталась.	マーシャ <u>だから</u> あの人に、もっといようにお頼みになったら。

Подобные случаи интересны тем, как в русском преимущественно «подсвечивается» контрастность, а о логических механизмах адресату предлагается догадаться самому (более того, в японском оба коммуниканта апеллируют к логике – каждый к своей, – но в русском этого не видно!).

У Аркадиной, где оно появляется 3 раза, роль *dakara* несколько другая, оно менее полемично, соединяет ее же фразы и лишь призвано напомнить собеседнику «возможно утраченную» логику. Так разговаривает человек, который тоже стремится добиться понимания, но меньше нервничает из-за того, что ее не услышат.

Напротив, в речи старших героев мужского пола видим *nanishiro*, замедляющее и утяжеляющее рассуждения – примерно с тем же эффектом, что дает в оригинале мало свойственное устной речи *так как*:

Тригорин. И никто не знает вашей настоящей фамилии, так как вы печтаетесь под псевдонимом.	トリゴーリン ...みんな、どうしたわけか、あなたを年配の人のように思っている。それに誰ひとり、あんたの本名を知る者がいない。 <u>なにしろ</u> あんたは、いつもペンネームで発表するもの <u>だから</u> 。
---	---

<p>Дорн. Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (берет Тригорина за талию и отводит к рампе)... так как я очень интересуюсь этим вопросом...</p>	<p>これに二カ月ほど前、ある記事が載りましてね.....アメリカ通信なんですが、ちょっとあなたに伺いたいと思っていたのは、なかでもその.....(トリゴリンの胴に手をかけ、フットライトのほうへ連れてくる).....<u>なにしろ</u>僕は、その問題にすこぶる興味があるもので.....</p>
---	--

Созданию выразительных образов служит и использование *n(o)de*, изначально заточенного под те случаи, где говорящий апеллирует не к своим личным представлениям о связи событий, а объективной логике, внешней по отношению к ситуации общения. Примечательно, как в первую очередь благодаря сокращенной версии коннектора удается добиться того самого двойного эффекта, который слово получает в устах социально зависимых персонажей, выставляющих свою некооперативность под соусом объективных соображений:

<p>С о р и н . Я слышу, опять воеет собака. (Шамраеву.) Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.</p> <p>Ш а м р а е в . Нельзя, Петр Николаевич, боюсь, как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо.</p>	<p>ソーリン ほら、また犬が吠えている。(シャムラーエフに)お願いだが、なあシャムラーエフさん、あの犬を放してやるように言ってくださらんか。</p> <p>シャムラーエフ 駄目ですな、ソーリンさん、穀倉に泥棒がはいると困りますからな。<u>なにしろ</u>わたしのキビが納めであるんでね。</p>
---	---

См. случай, где коннектор позволяет компенсировать иначе потерянную бы едва заметную развязность в самой конструкции полувопроса слуги:

<p>Я к о в (убирая со стола). Удочки тоже прикажете уложить?</p>	<p>ヤーコフ (テーブルの上を片づけながら) 釣り竿もやはり入れます<u>んで</u>?</p>
---	---

Далее, Тригорину в переводе пьесы достается больше других *mon(o)de*, что представляет его таким извиняющеся-оправдывающеся-выкручивающимся:

<p>Н и н а . Что это вы пишете?</p> <p>Т р и г о р и н . Так, записываю... Сюжет мелькнул...</p>	<p>ニーナ <u>なに</u>書いてらっしゃるの?</p> <p>トリゴリン ちょっと書きとめとくんです。.....<u>題材が浮んだもので</u>ね。</p>
--	---

А Дорн, безусловно, лидирует по части нагруженных скрытыми логическими связями сентенций, которые переводчик, имея задачу помимо фактуры восстановить и сложный социально-культурный бэкграунд действия, «расшифровывает» местами столь удачно, что благодаря переводу, думается, многие читатели бы только и задумались о том, какое именно логическое устройство неявно работает в тексте (а может быть, и поймали бы себя на мысли, что чаще этот стереотип непрямого изложения механически применяли к коммуниканту-японцу):

<p>Д о р н (пожав плечами). Что ж? В отношении женщин ко мне было много хорошего. Во мне любили главным образом превосходного врача. [и вот почему] Лет 10—15 назад, вы помните, во всей губернии я был единственным порядочным акушером. Затем всегда я был честным человеком.</p>	<p>ドールン (肩をすくめて)へえね? 婦人がたは、結構僕を尊重してくれましたよ。それも主として、腕のいい医者としてでしたな。十年、十五年まえには、ご承知のとおりこの僕も、郡内でたった一人の、産科医らしい産科医でした<u>から</u>ね。それに僕は、<u>実直な男</u>だったし。</p>
---	--

Выводы

Итак, какие же выводы позволяют сделать полученные данные? Основная тенденция, проступающая из произведенных сравнений, – это существенная асимметрия в языковом выражении отношений причинности в русском и японском общении. При относительно ровном взаимном распределении более периферийных средств выражения этой категории обусловленности, несущих больший набор дополнительных сем, стержневым японским единицам наиболее частотно соответствует в русском отсутствие языкового выражения (ноль) или единица с куда более расплывчатым, «широким» значением (И). За этим, помимо сугубо структурных факторов, связанных прежде всего с расположением частей предложения, как мы убедились, стоят различные речевые тактики русского и японского коммуникантов.

Вообще, среди заключительных замечаний самое место стандартным оговоркам касательно ограниченности выбранного объекта исследования. Она видна уже по числу отсутствующих в тексте пьесы единиц из первой таблицы, которые относятся к таким разновидностям устной и письменной речи, с которыми бытовая разговорная речь имеет некие контрастирующие параметры. Это означает, что, во-первых, принадлежность к определенному функциональному стилю совершенно справедливо считается одной из значимых характеристик коннектора и должна фигурировать в его исчерпывающем описании. Во-вторых же, отсюда следует необходимость расширения жанровой направленности материала для более полного описания.

Но тем не менее ценность нашего материала в том, что коммуниканты в русском оригинале и японском переводе не существуют в разных временных и социальных срезах, это одни и те же персонажи (в некотором приближении, конечно), на перформативном уровне (с точки зрения просчитываемого эффекта от сказанного) они добиваются одних и тех же целей. Они лишь пользуются в идентичных ситуациях такими языковыми средствами, которые должны представляться им адекватными ситуации общения, чем обеспечивается уровень прагматической эквивалентности перевода. То есть, говоря о причинности на примере данного конкретного материала, мы не вправе вдаваться в рассуждения о том, что герой стремится быть более понятным, любезным к собеседнику, как делал бы некий идеализируемый, «аутентичный» японец. Им движет то же самое желание навязать свою волю, изменить представления контрагента, добиться его действия или сочувствия. Следовательно, мы можем предполагать, что предьявленный арсенал речевых средств показывает, как одних и тех же целей можно добиться различными способами в русском и японском общении. И основная тенденция такова: там, где японец апеллирует к причинности, русский оставляет логику на ответственность адресата, максимум – грозит дубиной санкций. В России царит «слушай/ действуй, а выводы сделаешь сам», в Японии «я тебе все объяснил, и что ты еще найдешь возразить».

Сам по себе диктат логики, некое общепринятое, конвенциональное стандарта, думается, едва ли прозвучит как нечто новое для человека с опытом общения с носителями японского языка, знающего, какую особую реакцию вызывают в этой среде концепты-фетиши *ルール* (правил, неких – кем-то(!) – прописанных норм), *常識* (здравого смысла, также воспринимаемого как нечто усредненное и само собой разумеющееся). Тем не менее степень проникновения логики каузальности в повседневное общение, будучи сравнена с параллельным образцом, мягко говоря, удивляет. Случаи конкуренции с контрастивными контекстами, например, выпукло показывают, насколько даже в конфликтной зоне японский коммуникант, чтобы укрепить свои позиции, старается добиться доминирования над собеседником именно «на поле» логики.

Русский коммуникант в свете выявленных тенденций более автономен и ожидает того же от партнера, это становится своеобразным «антиэтикетом» общения. Напротив, в стремлении аккомодировать визави японец, переходя в его роль, сам оказывается довольно беспомощен – уже не только как расхожая риторическая ужимка, но и на самом деле. Что помогает этим интерзависимым субъектам худо-бедно сосуществовать в построенном на этом принципе сообществе? Если не солидарность, то дотошная скоординированность, предписанность и дисциплина. И это вовсе не одно и то же.

Конечно, японскому языку, японской коммуникации остаются лавры «высококонтекстных», или «имплицитных» [Hall 1959]. Подтверждения этому на языковом материале обширнейшие, хотя бы если взглянуть на механизм зачеркивания анафорических выражений [Чиронов 2013]. Но в чем, пожалуй, готов потягаться с ними (и попрекдовать на статус трудно понимаемого) язык русский, – так это в том, что в рамку «КОН-текста» [ван Дейк 2000], оказываются вписаны совсем другие вещи. Это уже не знания о реальности, в том числе социальной, а конкретные сценарии поведения конкретных участников коммуникации в конкретной ситуации, включая объяснения их речевого поведения. В этом смысле не исключено, что стресс расшифровывания таких загадок, броня группизма, облицовываемая ими, еще тяжелее для русского коммуниканта, чем пресловутая «топь» японской недосказанности и вязкой предопределенности всего и вся.

Обратная сторона этого – эффект излишнего покровительства, который русский коммуникант не может не чувствовать в строении речевых произведений японца. Он сызмальства привык «навигировать» в этих не слишком размеченных водах взаимной «угадайки», и ему кажутся неоправданными четкие указания на многие связи, которые он сам готов был бы оставить «за бортом». Кстати, делая поправку на объективное «старение» чеховских текстов (которые при этом умудряются сохранять чрезвычайно напряженное, современное звучание), можно по-прежнему утверждать, что даже коррекция на «разговорный» вариант, который кажется автору интуитивно более естественным с точки зрения языка первых двух десятилетий XXI в., вводит в проблемные, «нулевые» узлы не однозначные выражения причины, а опять-таки своеобразные дискурс-маркеры «фокусирующей» когорты, типа *ну, вот*. Получается, русский коммуникант, как и прежде, не опускается до экспликации связи между релятами, но вместо этого маркирует смещение фокуса по мере развертывания «словесных лепестков». Попутно в русском даже коннекторы с причинным значением получают «второе дно» дискурсивных функций, говорящий протаскивает свои тактики через показатели причинности, просто выражать ее «не принято» и «скучно». В этих условиях коннекторы оказываются еще более нагружены дополнительной процедурной информацией, и их выбор позволяет воссоздать иначе трудноуловимые нюансы коммуникативного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Басс И.И. Русский союз а и его японские эквиваленты. Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Вып.12. Москва: Ключ. 2015. С. 3–16.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 2000. 308 с.
- Инькова О. Ю. Связность текста: мерееологические логико-семантические отношения. Москва: Языки славянской культуры. 2019. 377 с.
- Левонтина И. Б. О причинном значении союза а то // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12. Диалог-13. 2013. С. 434–446.

- Нестеренко Л. В. Мультиязычные параллельные корпуса: новый источник данных для типологических исследований, перспективы использования и проблемы // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 111–125.
- Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. Москва: Торус-Пресс 2018. 396 с.
- Структура коннекторов и методы ее описания / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. Москва: Торус-Пресс. 2019. 316 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Том 12. Москва: Наука. 1986. 520 с.
- Чиронов С.В. Опыт русско-японского контрастивного анализа в аудитории (на примере указательных выражений) // Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Вып. 9. Москва: Ключ. 2013. С. 132–149.

REFERENCES

- Russkii soyuz a i ego yaponskie ekvivalenty [Russian connective A and its Japanese equivalents] In *Yaponskii yazyk v vuze: Aktual'nye problemy prepodavaniya* LU:AIE, Issue 12 (pp. 3–16). oscar.y (In Russian).
- Chironov, S.V. (2013) Opyt rusско-yaponskogo kontrastivnogo analiza v auditorii (na primere ukazatel'nykh vyrazhenii) [An Essay in Russian-Japanese Contrastive Analysis in Class] In *Yaponskii yazyk v vuze: Aktual'nye problemy prepodavaniya* Japanese Language in University: Actual Issues in Education, Issue (pp. 132–149) Moscow: Klyuch. (In Russian).
- In'kova, O.Yu. (Ed.). (2018). *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of Connectives: A Contrastive Study]. Moscow: Torus Press. (In Russian).
- In'kova, O.Yu. (Ed.) (2019a). *Struktura konnektorov i metody ee opisaniya* [Connectives Structure and Methods of Its Description]. Moscow: Torus Press. (In Russian).
- In'kova, O.Yu. (Ed.) (2019b). *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Text Cohesion: Mereologic Relations]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
- Levontina, I.B. (2013) O prichinnom znachenii soyuza a to [Causal Meaning in Connective A TO] In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, Issue 12 (pp. 434–446). Dialog-13. (In Russian).
- Nesterenko, L.V. (2019). Mul'tiyazychnye parallel'nye korpusa: novyi istochnik dannykh dlya tipologicheskikh issledovaniy, perspektivy ispol'zovaniya i problemy [Multilingual Parallel Corpora: A New Data Source for Studies in Typology, Prospects of Use, and Issues]. *Voprosy yazykoznaneya*, 2, 111–125. (In Russian).
- van Dejk, T.A. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene. (In Russian).

* * *

- Alpatov, V.M., Podlesskaya, V. I. (2020). Converbs in Japanese. In *Converbs in Cross-Linguistic Perspective* (pp. 465–486). De Gruyter Mouton.
- Altenberg, B. (1999). Adverbial Connectors in English and Swedish: Semantic and Lexical Correspondences. *Language and Computers*, 26, 249–268.
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things With Words*. Cambridge: Harvard University Press.
- Blakemore, D. (2002). *Meaning, Relevance, and Discourse: The Semantics and Pragmatics of Discourse Connectives*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511486456>
- Hall, E.T. (1959). *The Silent Language*. New York: Doubleday & co., Garden City.

- Hohenstein, C. (2005). Interactional Expectations and Linguistic Knowledge in Academic Expert Discourse (Japanese/German). *International Journal in the Sociology of Language*, 175/176, 285–306.
- Kanzai, A. (Transl.). *Anton Chēhofu “Kamome”* [Anton Chekhov. The Seagull]. Retrieved February July 22, 2019, from https://www.aozora.gr.jp/cards/001155/files/51860_41507.html (In Japanese).
- Maeda, Naoko. (2009). *Nihongo-no fukubun jōkenbun to gen'in, riyūbun no kijutsuteki kenkyū* [Compound Sentence in Japanese: Descriptive Studies of Causal Sentence]. (In Japanese).
- Maynard, Senko K. (1998). *Principles of Japanese Discourse. A Handbook*. Cambridge University Press.
- Nihongo kijutsu bunpō kenkyūkai. (Eds.). (2008). *Gendai nihongo bunpo. 6 dai. 11 bu. Fukubun* [Modern Japanese Grammar. Vol. 6. Part 11. Compound Sentence]. Kuroshio shuppan. (In Japanese).
- Togo, M., et al. (Eds.). (2003). *Kenkyūsha rowa jiten* [Kenkyusha Russian-Japanese Dictionary]. 17th edition. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 13.02.2023

Received: 13.02.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-41-56

Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament

H. Elmacı

Abstract: The paper investigates why political representation of women in the Japanese Diet has not progressed as anticipated. Although Womenomics policy has been implemented successfully by the government in recent years in Japan, it has been argued that Womenomics policy does not adequately address other aspects of female representation, including women's political participation. To examine this, the current study, which is based on a qualitative research method, used semi-structured interviews with women MPs from several different political parties in Japan and with academics specializing in women's issues and Japanese politics. Based on these interviews, it was noted that the patriarchal social structure still prevalent in Japan was the main barrier to understanding the significance of women's political representation in Japan, suggesting that there has been no advancement in the representation of women in politics as a result of an inability to appreciate the value of women's involvement in politics. However, an ongoing failure to remove the barriers that prevent women who are interested in politics from taking part in political life from doing so is another reason why women's political representation has not improved in Japan. Component investigation of this can be assessed across three stages. Women's interest in politics is the first of these, as women specifically struggle with issues such as a lack of family and spousal support. In the second stage, the systemic limitations that affect women's political decisions and interests, include the extreme overworking culture in Japan and the lack of female role models in politics must be considered. The male-dominated political system and party structures that effectively prevent women from participating in politics after they have passed the first two stages of entry to the Diet must then be seen as a third set of barriers.

Keywords: Japan, women's representation, politics, electoral system of Japan, Womenomics

About the author: Elmacı Hacer, PhD Candidate in Languages, Cultures, and Societies, University of Leeds, Leeds LS2 9JT, Great Britain; Graduate Research Student at Nagoya University in Japan. ORCID: 0000-0002-8076-2106; E-mail: mlhe@leeds.ac.uk

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interest.

Acknowledgments: I would like to express my sincere gratitude to Dr. Nathan Gilbert Quimpo for his valuable and constructive comments throughout the development of this research. Furthermore, I would like to acknowledge the financial support provided by the YLSY scholarship program, funded by the Republic of Türkiye.

The paper is composed on the basis of the author's master's thesis, titled "The Underrepresentation of Women in Japanese Politics: The Continuing Weak Voice in Diet," which was completed at the University of Tsukuba in Japan.

For citation: Elmacı H. (2023). Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 2, 41–56. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-41-56

Недостаточная представленность женщин в политике в Японии: сохранение слабости «женского» голоса в парламенте

Х. Эльмаджи

Аннотация. В статье исследуется, почему политическое представительство женщин в японском парламенте не развивалось так, как ожидалось. Несмотря на то, что в последние годы правительство Японии успешно осуществляло политику в области «вименомики», часто можно услышать мнение, что политика «вименомики» не учитывает должным образом другие аспекты представительства женщин, включая участие женщин в политической жизни. Для изучения этого вопроса в настоящей работе, основанной на качественном методе исследования, использовались полуструктурированные интервью с женщинами-депутатами от нескольких различных политических партий в Японии и с учеными, специализирующимися на женской проблематике и японской политике. На основе этих бесед было отмечено, что патриархальная социальная структура, все еще преобладающая в Японии, является главным препятствием для понимания значения политического представительства женщин в Японии, что свидетельствует о том, что никакого прогресса в представленности женщин в политике не было достигнуто ввиду невозможности оценить значимость участия женщин в политике. Вместе с тем неизменные неудачи в устранении препятствий, мешающих интересующимся политикой женщинам принимать участие в ней, является еще одной причиной, по которой политическая представленность женщин в Японии не повысилась. Этот комплексный феномен может быть рассмотрен на трех уровнях. Интерес женщин к политике является первым из них, поскольку женщины сталкиваются с тем, что их семья и супруги не поддерживают их интерес к политической деятельности. На втором этапе – системные ограничения, влияющие на политические решения и интересы женщин, включающие в себя крайнюю степень культуры переработок в Японии и отсутствие в политике женских ролевых моделей для подражания. Политическая система и партийные структуры, в которых доминируют мужчины, фактически препятствующие участию женщин в политической жизни после того, как они прошли первые два этапа и прошли в парламент, должны рассматриваться как третий уровень преград.

Ключевые слова: Япония, представленность женщин, политика, избирательная система Японии, «вименомика» (Womenomics).

Автор: Эльмаджи Хаджер, PhD в области языков, культур и обществ, Университет Лидса (адрес: Лидс LS2 9JT, Великобритания); Аспирант-исследователь Нагойского университета (Япония). ORCID: 0000-0002-8076-2106; E-mail: mlhe@leeds.ac.uk

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: автор выражает благодарность доценту университета Цукуба (Япония) Натану Гилберту Кимпо. Исследование выполнено за счет стипендиальной программы YLSY, финансируемой Турецкой Республикой.

Настоящая статья основана на магистерской диссертации автора «Недостаточная представленность женщин в политике в Японии: сохранение слабости «женского» голоса в парламенте», подготовленной в Университете Цукуба (Япония).

Для цитирования: Elmacı H. Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament // Японские исследования. 2023. № 2. С. 41–56. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-41-56

Introduction

Women's studies have been one of the most prominent topics in recent years. Despite considerable political, social, and technological advancements in recent decades, women continue to face gender inequality in most nations worldwide, in some form or another. One of the countries with the highest level of gender disparity is Japan. According to the World Economic Forum's 2017 Global Gender Gap Report, Japan ranked 114th out of 144 nations surveyed regarding economic involvement, educational possibilities, prosperity, and political empowerment, down from 111th in 2016 [Murakami 2017]. While Japan has achieved chiefly gender equality regarding welfare, education, and health care, there is still a significant disparity between men and women regarding labor force participation and political representation [Schwab et al. 2017]. Despite the implementation of a so-called Womenomics program in recent years, aimed at assuring women's involvement in the labor field [Takeda 2018], there is no national policy to boost women's political representation. Japan's acceptance of the UN's Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW) has not had significant impact on political participation of women.

Figure 1: The percentage of seats held by women in Japan's Diet from 1998 to 2021

Source: World bank, 2021

Only 5 percent of Japanese lawmakers were female in 1997, rising to 11 percent in 2009 before falling to 8 percent in 2012 and in 2013, 9 percent in 2015 and 2016, and 10 percent in 2017 and in 2021 (as shown in Figure 1). As can be seen from the figure 1, the proportion of women in politics has climbed slightly in specific years while declining in others [World Bank 2021].

Rank	Country	
1	Rwanda	61.3%
2	Cuba	53.2%
3	Bolivia	53.1%
4	Mexico	48.2%
5	Sweden	47.3%
13	Spain	41.1%
16	France	39.7%
30	Italy	35.7%
39	Britain	32.0%
47	Germany	30.9%
62	Canada	26.9%
73	China	24.9%
78	United States	23.5%
121	South Korea	17.1%
131	Russia	15.8%
136	Egypt	14.9%
165	Japan	10.2%

Figure 2: Women in National Parliament (Lower or Single House)
(Members of the G7 are highlighted in yellow)

Source: [Gender imbalance 2020]: Japan’s political representation by women lowest in G20 (2020) nippon.com. <https://www.nippon.com/en/japan-data/h00409/gender-imbalance-japan%E2%80%99s-political-representation-by-women-lowest-in-g20.html>

In comparison to countries that have secured gender equality in parliament, it is apparent that Japan has made no substantial progress in terms of political representation for women (as shown in Figure 2). Since 1947, when women first began to participate in politics in Japan [Sheel 2003], there has been no significant advancement. While Womenomics policies have been implemented and the government has succeeded in implementing policies aimed at increasing women’s participation in the labor force in recent years [Chanlett-Avery & Nelson 2014], I argue that similar success has not been achieved in terms of increasing women’s political representation because Womenomics is unable to adequately address these other issues such as political participation of women. Despite these studies, conclusions, and recommendations, women’s political representation in Japan has made little progress. The goal of this study is to uncover the causes of the lack of progress of women’s representation from the standpoint of politicians and academics.

Literature review

Many scholars have addressed several angles on the topics of women’s underrepresentation in politics, and a sound body of literature has emerged as a result of this work. In both national and international comparative studies, several researchers have attempted to analyze the importance of women in politics, the effects of under-representation of women on democracy, the reasons

why women do not take up sufficient space in politics, and the effects of women in politics on developing solutions to women's problems. In this context, Siaroff [2000] compared the number of women in cabinet positions across 28 industrialized, democratic countries, correlating these with the results of their most recent national elections. Siaroff [2000] thus claimed that factors such as cultural-economic aspects, party programs and ideologies, and electoral systems all influence women's representation rates in parliaments. That paper also discussed the "Scandinavian Effect", which examines why women enjoy a higher representation levels in Scandinavian legislatures [Siaroff 2000]. The electoral process is one factor that affects the presence of women in politics, according to Rosen [2017]. Unlike other comparative studies, Rosen [2017] examined women's underrepresentation in politics in both developing and then developed countries at encouraging women's representation, discovering that some developing countries are more successful because of their adherence to national gender quota regulations. Some voting procedures exclude female candidates, while others enable a higher proportion of female candidates to be elected. Election and party quotas control the selection and placement of women on political party candidate lists, and reserved seat quotas secure that female candidates gain a certain number of seats in the legislature. Because they have control over the actual distribution of parliamentary seats, reserved seat quotas guarantee women's representation in a way that elections and party quotas do not [Rosen, 2017].

Rule [1987] noted that the party list-proportional system is a woman-friendly system used in countries divided into those with political means and those with political conditions. Additional evidence also suggests that boosting women's presence in politics can help women's issues be more effectively defended and advanced in parliament [Rule 1987], while, according to Wangnerud [2009], there is a relationship between rising female representation and effective representation in parliament. A rise of the women's number in parliament naturally widens women's political arenas, and female politicians may be assumed to support women's interests in politics, thus working to improve women's positions.

Other researchers believe that there is also a link between women's political representation and their engagement in the labor force. Female labor force participation, according to Togeby [2011], has both political and social implications. According to traditional political science, women's perspectives are less integrated into political life, due to a lack of interest and participation in politics created by conservative, moral, and authoritarian approaches, and a lack of post-materialist values and political interactions with the men in their lives, particularly their fathers and husbands. These conservative approaches are rife with prejudice and intolerance, and female political behavior should not be characterized basing on such assumptions, however: instead, women's political participation can be expected to increase as their social and economic status changes and, importantly, improves [Togeby 1994].

In the context of the global investigation of politics and gender, examination of the women's representation in politics has been identified as a crucial issue that many researchers have sought to explore and evaluate [Eto 2010]. Interestingly, Japan has not participated in this academic arena, despite contributions from most other globally developed countries, and the absence of a Japanese feminist political science perspective from which to address the issue of women's representation or link it to broader global discussions is a clear deficiency [Eto 2010]. Nevertheless, since the 1980s, there have been some attempts to determine the factors that have led to the underrepresented status of women in politics in Japan, notwithstanding the small number of women who have been elected to office there, and a number of relevant factors have emerged in the existing literature.

Eto [2010] examined how all of the factors noted earlier in this chapter have a serious impact on the underrepresentation of Japanese women, identifying the biggest barrier, however, as women's resistance to having a larger political presence, a position supported by social norms

and political culture in Japan. According to Eto [2010], the foundation for improving women's underrepresentation must thus be the development of strong female voices advocating for additional women's representation. She also contends that even though additional relevant variables such as social policy and women's movements have not previously gotten much consideration, these should also be addressed, because woman-friendly social policy is essential to encourage women to participate in public activities to guarantee that they can combine their designated gender roles with their activities outside of the home [Siim 2000]. The Japanese campaign system, which is candidate-centered [Miura 2018], has also been identified as an obstacle to women's participation, alongside the election system in the country more generally. The high cost of running for Diet seats in elections has frequently been highlighted as one of the main obstacles for women who want to serve in the Diet [Dalton 2015]. Socio-political structure is also commonly referred to in earlier research as a factor influencing the presence of women in politics in Japan. According to Eto [2010], for many years, women themselves, political parties, and the public in general, all typically believed that politics was men's business, due to Japan's male-dominated political landscape, and it was not until the 1980s that the Japanese public first began to realize the significant role of women's participation in politics. Similarly, Dalton [2015] noted that the paucity of women in politics in Japan is mainly due to Japanese society being controlled by men, so that women are generally uninterested in politics, seeing no place there for them. Dalton [2015] also claimed that Japanese political parties are sexist institutions that reinforce this male-dominated political system.

In another work, Dalton [2020] explores the situation in Japan, provides a succinct history of women's involvement in politics, investigates the reasons for the persistent gender discrepancy in Japan's political representation and categorizes the institutional and cultural obstacles to full political engagement for women into two categories. The election system is one of the most notable instances of institutional impediments.

Women's under-representation in politics, gender quota procedures, and the relationship between democracy and women's representation, both in Japanese politics and globally, have all been studied extensively in the literature. By doing this, such studies have attempted both to address why there are so few women in parliament and to determine the reasons for this under-representation. As most previous studies focused on historical periods prior to 2012, however, unlike past studies, this study concentrates on current process, particularly following the implementation of the Womenomics policy in 2012.

Methodology and time frame

This study adopted a qualitative approach utilizing two different types of data. Semi-structured interviews were conducted with female politicians in Japan's Diet and associated experts, in order to develop a better understanding of the unique experiences and obstacles that women politicians from various political parties encounter in Japan. These interviews, which featured four female politicians working as representatives in the Japanese Diet, as well as two experts with a special interest in issues of gender and women in politics (see Table 1), were done in October, November, and December 2018. The four parliamentarians were from Komeito, a center-right party; the Japanese Communist Party, which had the highest rate of female members in the Diet ¹at the time; the Democratic Party for the People, a right-wing party; and the Constitutional Democrat Party of Japan, a center-left party [Gender imbalance 2020]. As an additional source of data, newspapers, official publications, and specialized journals were used to acquire secondary information.

¹ The female lawmaker rate is 25,00% (lower house) and 35,7% (upper house) (as of March 1, 2019) [Gender imbalance 2020].

Table 1: The Participant Details of the Interviews

Interviewee Number	Sex	Affiliation	Occupation
1	Female	Constitutional Democratic Party (Rikken Minshu-to)	Parliamentarian
2	Female	Democratic Party for the People (Kokumin Minshu-to)	Parliamentarian
3	Female	Japanese Communist Party (Nihon Kyōsan-tō)	Parliamentarian
4	Female	Komei Party (Komeito)	Parliamentarian
5	Female	Hosei University	Academic
6	Male	Temple University Japan	Academic

This study spans the period from 1980 to 2021. The year 1980 was chosen as the starting point, as this was the year Japan joined the Convention on the Elimination of Discrimination Against Women (CEDAW) [Hayashi 2013], which includes an item advocating for the equal opportunity for women to engage in politics [Liu & Boyle 2001]. Nevertheless, this research is mainly focused on the process after 2012, as this was the point at which the Womenomics policy was implemented, and thus the point at which women increasingly began joining the workforce [Chanlett-Avery & Nelson 2014].

Theoretical framework

Socioeconomic factors and patriarchy

The starting point for this piece is the study of women, as carried out in tandem with research into feminist theories and studies. Based on this approach, women's attitudes toward certain occupations are not fixed by biological characteristics, instead being stereotyped by social expectations that people will assume the cultural roles enforced upon them [Mikkola 2008]. The feminist movement, which was founded on the belief that women and men should have equal opportunities and rights, is commonly divided into three schools. The first of these is liberal feminism, which contends that women are commonly forced into inferior positions to males in terms of fundamental rights and freedoms, including citizenship and equal opportunities, and that their status should be made equal to men's [Dikici 2016; Tong 2018]. Liberal feminists say that it is this social disparity that limits women to the home, often defined as the "private" or "reproductive" environment, which then becomes a trap, limiting their options. Women thus remain condemned to inferior status in society as a result of ongoing restrictions and limitations. As a result, liberal feminists argue that women, even those confined in this "private domain," should be granted the same rights as men, including access to education, employment, and politics. However, the political implications of this idea have prevented many women from breaking free from their traditional positions [Tong 2018].

While liberal feminism seeks to achieve gender equality in the public sphere through the application of laws and regulations, radical feminists believe that the private sphere, where the patriarchy wields the most power and which is far more difficult to observe and govern, lies at the heart of feminist politics. The universality of patriarchy is the major argument raised by radical feminists, who note that the patriarchal structure of society discriminates against women regardless of nationality, ethnicity, or class. While Marxist and Socialist feminist ideas also employ similar

rhetoric about the oppression of women, there are differences between their concepts. Marxist feminists interpret women's oppression as being a result of economic oppression, rooted in worker abuse: they thus dispute radical feminism's claims that all women in all societies are crushed to the same degree, noting that while women may face common problems and experiences, such as sexual harassment and rape, their reactions tend to vary from society to society. Marxist theory, according to these socialist feminists, explains the economic exploitation of women while failing to focus on female oppression, which is caused by the patriarchal capitalist system. Socialist feminists note that even women who work for the government in the same position as men are also obliged to labor in the private sector, caring for children or doing housework, and that this dual work structure is imposed on women by the patriarchal structure [Dikici 2016; Güneş 2017].

Representation: descriptive and substantive

Based on a belief that women have distinct political objectives and behaviors to men, and hence constitute a separate political group, the necessity of women's representation becomes readily apparent. The theory of the politics of presence, which is this work's other theoretical framework, supports this, being predicated on the existence of a relationship between descriptive representation, that is, the number of women present in a political organization, and substantive representation, which specifies the effect those women have by being there. This suggests that women must achieve a specific proportional representation in order to actively participate in the political process in Japan, as they represent a distinct group identity in terms of their shared experiences with respect to issues such as child care, abortion access, and labor force participation. Based on this, gender disparities may still limit how far equality may progress in society, but equal political participation must be acknowledged as critical to progressing as far as possible down the road to equality [Lovenduski & Norris 2003; Mansbridge 1999; Wängnerud, 2009].

Critical mass

The inextricable link between representation and democracy is one of the most contentious topics surrounding women's representation. However, based on the equality principle and the need for effective engagement of women in politics, increasing the rate of female representation in politics is critical [Dahlerup 2006]. To make significant changes in the political decision-making process, women must achieve a critical mass, not only with respect to the number of women in parliament, but also in terms of effective involvement in political decision-making [Dahlerup 2006]. According to studies, the crucial ratio is at least 30%. When the proportion of female politicians reaches at least 30%, women can meaningfully participate in the political decision-making process; anything less than 30% representation means that women are confined to only a symbolic presence. In order to achieve this critical mass ratio and to include women in political life, several countries now use quota applications, and in Japan, at least 30% of the Diet members must be women in order to allow them to play an effective and substantive role [Dahlerup 2006]. Increased female political presence is a crucial step in addressing women's issues, based on the beneficial impact of substantive representation. Other research has also revealed that female candidates are more effective in dealing with women's concerns in parliament because they benefit from having similar experiences and are thus more sensitive to women's needs than male candidates [Mansbridge 1999]. This strongly suggests that more women should be engaged in political decision-making, and, more specifically, requires women to achieve a critical mass of representation in order to actively participate in the legislative process [Dahlerup 2006]. In this setting, women in Japan must reach a certain number in order to participate equally in politics and decision-making processes.

Findings and results

It was observed that the primary obstacle to comprehending the significance of women's political representation in Japan was the patriarchal social structure still present today, implying that there has not been any advancement in the representation of women in politics as a result of an inability to recognize the importance of women's involvement in politics. However, another reason women's political presence in Japan has not increased is the continued inability to eliminate the factors restricting politically minded women from participating in political life.

Factors leading to underrepresentation of women in Japanese politics

The sphere of politics is one of the many sectors that has contributed to Japan's ongoing and extensive gender disparity. Women in Japan received the right to vote at the same time as women in Norway and Sweden; however, since that time, Japan has significantly fallen behind these countries in terms of political representation for women.

Many variables in politics contribute to women's underrepresentation and failure to achieve the necessary degree of advancement. This section thus examines some of the reasons for the current state of stagnation.

The following questions were asked during the interviews with female politicians:

1) How did you get involved in politics?

2) It appears that running for office in Japan necessitates a significant quantity of financial resources.

How did you deal with this during your (first) run for office?

3) What kind of challenges have you faced in your political career as a woman?

4) Is the ratio of women politicians in Japan at the intended level, or is the rate of female representation in parliament still insufficient? What is the reason for this?

5) What factors have contributed to women's underrepresentation in politics in Japan?

6) Does your political party have a plan, project, or proposal to increase the number of female members of parliament?

The percentage of female representatives in politics was not at the required level according to all participants, with the optimum ratio of women in politics being most commonly set at 50%. However, due to the difficulty of achieving this ratio, all participants also agreed that women should account for at least 30% of the total, to promote diversity in parliament and to ensure that women are not a minority group with a purely symbolic presence. Part of the reason why few women participate in the Japanese legislative process has to do with "supply" and "demand": there are few women willing to enter politics, while public demand for female legislators is low. The fundamental causes of women's relative insignificance in politics are often defined as the social roles and behaviors demanded by society [Krook 2010], and this demand dimension was identified as the most crucial factor impeding their progress by all female MPs who took part in these interviews. Women in Japan, they claim, often have no political ambitions, and thus find it difficult to be politically motivated. On being asked how they personally became engaged in politics, only one said she became involved on her own initiative; all of the others had been invited by their parties to represent them. The biographies of two of the participants who got their start in politics in this way are thus offered below.

A representative from Komeito Party stated that;

"I was consulting with a private company before I became actively involved in politics. I received offers from my party because of my success in my work, and my political life began."

A representative from Constitutional Democratic Party stated that;

"I had an interest in politics at the local level. After adopting the law on gender equality, I received offers from my party, which I accepted."

1.1. Inadequate family support

Regarding family support, all women participants said their families had negative attitudes toward women becoming politicians. They added that there is a widespread belief that women cannot continue to serve as politicians while caring for their children. It indicates a clear correlation between gender attitudes in politics and sentiments in Japanese society.

The following is how the participants described the situation:

A representative from Democratic Party for People stated:

“When women deal with politics, they are afraid they cannot balance the family and their political life. Also, their spouse and their spouse’s families do not want them to be politicians.”

Some participants also shared personal examples, claiming that the family factor had a preventative effect on women.

A representative from Constitutional Democratic Party stated that:

“When I was first invited to enter politics, my family was very much opposed to the idea. Over time, however, I have made them comfortable with the idea that.”

Women’s loss of enthusiasm for politics can be attributed to their lack of political desires. Though most women would prefer not to participate in politics individually, several institutional and systemic barriers prevent them from doing so, as previously mentioned. There is a link between women’s political representation and the lack of gender equality at the income level. Being a politician necessitates a lot of campaigning and promotion, which necessitates much money. However, the wage disparity between men and women and the fact that women rarely reach the upper levels of corporations hurts women economically, stifling any political ambitions. Indeed, having a wealthy and well-known family appears to be a must for women to enter politics, as any political campaign will require significant financial assistance [Cigane & Ohman 2014].

1.2. Long working hours make it difficult to strike a work-life balance

Lengthy working hours have been linked to gender inequality in previous studies, with long working hours exacerbating the power and status gap between men and women at work. Long-hours culture tends to limit women’s professional options and contributes to general gender inequality and the gender pay gap. Women have difficulty reconciling their professional obligations with domestic responsibilities, such as housekeeping and child care [Nemoto 2013]. Following WWII, Japan witnessed fast economic expansion, and the Japanese have become known around the world for their great work ethic. In today’s society, diligence and discipline, as well as the practice of working long hours, are highly appreciated ideas.

However, these beliefs, as admirable as they may appear, have very serious social implications. Long-hours stress causes substantial physical and psychological problems in workers, which can lead to *karoshi*, or “overwork death” in extreme cases [Weller 2017]. Women, too, suffer from extended working hours, as they struggle to match a demanding work environment with family life and child care, and are frequently compelled to pick one over the other. After having children, many women quit their jobs and became housewives [Holloway 2010]. Working hours are seen as a major issue and stumbling block for women who want to be politicians. The participants all stated that their work hours were excessively long.

Representative from Democratic Party for People stated:

“You know that in Japan there are long shifts in all working areas. In politics, this is one of the long-term business areas. But this can sometimes create difficulties for women. You know that women have special periods each month and during this period we can have a lot of pain. I had to attend long-term meetings when I was new to politics, and I had one of these special periods and I had a lot of pain. All my colleagues were male around me, and I couldn’t explain my situation. I had a hard time.”

Representative from Constitutional Democratic Party stated:

“I have a little child. Especially in the summer, I have difficulty in balancing my responsibilities around child care and my job. There are festivals in almost every part of Japan. In my electoral district, there is a festival on the local level every day and these festivals continue until late at night. I leave my child at home and join these festivals every day until late. If I don't join, there is a perception in my constituency that I don't care about them. I don't have time for my child and he needs me. I find it difficult to balance home and work.”

1.3. The absence of female role models in politics

Some researchers are strong proponents of increasing the number of female politicians in Japan, claiming that by doing so, unfavorable stereotypes about women in politics will be challenged and dissipated, and a more positive attitude will emerge. It is also believed that successful female politicians may promote the interest in politics among young women. Furthermore, the existence of women in politics may alter the perception that women are unsuitable for politics [Wolbrecht and Campbell 2007]. In the context of Japan, some participants claimed that a lack of successful role models is one of the reasons why women are uninterested in politics, based on their own experiences. They also remarked that their presence inspires fresh female candidates for political office.

Representative from Democratic Party for People explained this situation as follows;

“When I first started in politics, a group engaged in agriculture in my constituency had prejudiced me because I was a woman, and there was no female politician to whom I could turn as a role model. But thanks to my work in this process, the prejudices stemming from being a woman against me have changed and positive thoughts about female politicians have emerged. We will have a female candidate at the age of 34 in the upcoming elections. There is no bias against her because during the 8 years I've been working, I have changed this prejudice.”

According to the representatives' statements, the lack of women politicians who can act as role models creates a vicious circle regarding women's political presence. At this stage, boosting the number of women in politics through policies such as gender quotas will provide an adequate atmosphere for the next generation of female politicians.

1.4. Political party structure and ideology

Political parties are one of the fundamental aspects that determine the candidates submitted for election in many kinds of politics, hence shaping a country's political agenda [Ballington, Davis, Reith, Mitchell, Njoki, Kozma, and Powley 2012]. Women's active engagement in legislative processes for gender equality and agenda can be ensured in this context by women holding significant roles in political parties [Caul 2001]. The Japanese political structure, particularly the organization of its political parties, is one of the elements influencing active involvement of women in politics. From the perspective of female politicians in Japan, the first element impacting parties is their ideological structures. The Liberal Democratic Party and the Komeito Party, which are currently in power in Japan, have conservative structures and represent relatively right-wing views, whereas the Constitutional Democrat Party and the Japanese Communist Party, which are currently not in power in Japan, represent more left-wing views [Dalton, 2015].

According to various studies, the majority of women elected in Europe and North America have come from political parties with leftist or centrist ideology. In Japan, political parties' views on women vary according to ideology, and these views are similar to those seen in many other nations in Europe and North America, where more conservative parties appear to take a position that is less supportive of gender equality [Lovenduski & Norris 2003]. The situation in Japan is similar, and the Liberal Democratic Party, which has been controlled for many years in Japan, has a lot of anti-gender rhetoric [Eto, 2016]. While increasing the number of women in politics is vital to assure women's participation in political decision-making, descriptive representation does not guarantee substantive

representation [Mansbridge 1999]. Parties' ideological approaches become even more crucial at this point. A political representative of the Japanese Communist Party explained how political parties' ideological approaches influence women's perspectives:

*"The increase in the number of women representatives in the Japanese political system may not be a remedy for the effective representation of women in parliament and the solution of women's problems. What is important here is the increase in the number of female representatives of the party. For example, according to the political representatives of the Liberal Democratic Party, the regulation should continue to be enforced based on the necessity for women to use their surnames after marriage. According to this party, this is not a problem."*²

Nevertheless, some study has found that conservative female politicians may help find answers to women's issues and that conservative female politicians are more sympathetic to women's problems than conservative male politicians [Campbell, Childs, & Lovenduski 2010]. According to the interviewees, women understand each other because they share comparable daily experiences. As a result, female politicians may be more effective than male politicians in addressing women's issues. However, it is impossible to be influential in politics without achieving a critical mass, and female politicians' techniques and rhetoric during political discussions differ from those of male politicians.

The scenario was described by a representative from Constitutional Democratic Party as follows:

"The political approaches of female politicians are different from male politicians. Female politicians have less partisan tendencies than male politicians. I think that with the increase in the number of female politicians in the parliament, a more cooperative political environment can be created that the dominant competitive discourse in politics will change."

A patriarchal social order exists in every area, and it is most visible in political parties. However, the overall environment precludes women from participating in practice politics, and their presence in politics is often limited to a symbolic level due to the male-dominated political system [Dalton 2015; Eto, 2010]. Political parties should be aware of the need to support female candidates to gain female voters.

According to a Komei Party political representative, the situation is as follows:

"My political life started upon the proposal from my party, and I had no difficulty in the process of being elected as a representative. However, male politicians do not allow female politicians to make high-level politics; even if women are elected, they cannot progress in their political careers."

According to the theory of presence, political representatives' approaches and priorities toward women and men on problems alter depending on their interests. A rise in the proportion of women in parliament is mirrored in corporate culture, political expression, and political goals in this setting [Dahlerup 1988 cited in Dahlerup 2006; Norris & Lovenduski 2003]. Our idea was paralleled in the discourses of all participants in this study. According to all of the political figures interviewed, Japan's male-dominated and competitive political atmosphere will likely evolve into one that allows for more significant compromise as women's representation in parliament increases.

According to Norris and Lovenduski [2003], a small minority group can only be symbolic; it is influenced by the mainstream group and must conform to it. In this context, due to the low number of women in the Japanese Diet, they are a minority and must follow the rules set by the men in their party.

² The politician tried to explain the effectiveness of political parties' ideologies in addressing issues affecting women. However, it is worth noting that politicians from the Liberal Democratic Party tend to hold conservative views, including a more traditional approach to gender roles and women's rights. Therefore, for them, the right of women to choose their surname poses an issue, as it challenges the traditional notion of the male surname as a family name. This perspective is consistent with the party's overall conservative stance on social issues.

1.5. Electoral systems

A country's electoral system is a key structural variable that both affects the need for female candidates in politics and influences women's representation in politics [Lovenduski & Norris 2003; Paxton, Kunovich, & Hughes 2007; Rosen 2013; Siaroff 2000], and Japan is no exception [Eto 2010; Miura 2018]. The existing literature highlights a number of factors relevant to this influence, with one of the primary causes of the underrepresentation of women in politics in Japan being identified as the electoral system there [Iwanaga 2008]. In Japanese political system, members are chosen to serve in the Diet, national parliament in Japan. The Diet consists of an upper house (the House of Councilors) and a lower house (the House of Representatives). The lower house is the most powerful of the two [Fahey 2009].

The electoral system used in Japan is a mixed one that combines single-member districts with proportional representation [Okura 2021]. Voters in Japan's mixed system cast two ballots: one for a candidate for a single member district (SMD) and the other for a political party in one of 11 districts with proportional representation (PR). Under this system, 295 candidates (or about 62% of the total 475 Lower House members) are elected from SMD areas, and 180 candidates (or about 38% of the total 475 Lower House members) are selected from PR blocs. The results of SMD elections have a greater impact on the overall result due to the higher percentage of SMD seats [Kubo & Lee 2017].

The first-past-the-post (FPTP) voting method is used for the SMD elections. According to this regulation, there is only one round of voting in an election, and the district's most popular vote-getter is declared the district's sole representative. A candidate must make sure that all of his or her opponents fall short in order to win the lone seat in the district [Salmond 2006]. The House of Representatives in Japan uses the majoritarian voting system known as first-past-the-post (FPTP) and the greater importance of FPTP in House of Representatives offers considerable barriers for women [Miura, 2018] because in this system, a candidate is chosen to represent a single-member constituency in the legislature by receiving the most votes in that constituency. Because of these factors, SMD elections are contested and challenging to win. In addition, a candidate's capacity to win votes is a key factor in determining his or her chances of winning in SMD elections, when each district voter casts a ballot for a single candidate. Candidates who have established a strong voter base in their districts (usually incumbents) typically have an advantage and access to resources needed to win an election, such as recognition among voters and an electoral fund, while female candidates seldom possess these advantages in Japan [Kubo & Lee 2017; Martin 2008].

The Japanese election system, according to all interviewees, is thus one of the variables limiting the current ratio of female representatives, an opinion expressed by the political representative from the Komeito Party as follows:

“General elections to the House of Representatives are the only way and a difficult way for those who want to embark on politics on their own. It is especially harder for women.”

Results

Women's participation in all parts of life, including economics and politics, is critical not only for promoting human rights but also for promoting sustainable development based on equality [Ballington et al., 2012]. However, in countries where the patriarchal social order is still outwardly dominant, women's inferior social, political, and economic conditions remain stubbornly entrenched. Despite the fact that most women currently prefer not to engage in politics on an individual basis, there are a number of institutional and systemic hurdles that hinder them from doing so in Japan even where they would otherwise make that choice. Women's political underrepresentation and the absence of gender equality in terms of income levels are closely related [Cigane & Ohman 2014]. Significant levels of campaigning and self-promotion are required to become a politician, which costs a lot of

money, and the wage gap between men and women, as well as the reality that few women work at the highest levels of corporations, means that, economically, women's conditions automatically stifle any aspirations for political office [Cigane & Ohman 2014]. As any political campaign requires major financial support, it is thus necessary for women to come from wealthy and well-known families if they want to enter politics [Cigane & Ohman 2014].

However, as political representatives must act as legislators, the presence of women in politics and their active participation in decision-making processes has the potential to bring about top-down change; any increase in the number of female political representatives means that women's active participation in politics would be better ensured, allowing women's issues to take their rightful place in politics and potentially improving economic, political, and social cohesion in Japan [Mansbridge 1999; Wängnerud 2009]. Women's participation in the Diet would enable a larger share of the agenda to be allocated to women's issues, according to the interviewees in this work. They claimed, however, that this was not currently possible due to the fact that female legislators are in the minority, forcing them to adhere to the current male-dominated political framework. According to Dahlerup [2006], increasing women's participation in politics will enhance women socially while also allowing political ideas and goals to be changed. This is where the notion that women can best represent women in politics comes from. according to Philips [1998], as childrearing, work and education, workforce involvement, sexual harassment, and violence all affect men and women differently. Female politicians are perceived to be in similar situations to their female counterparts, facing similar concerns and issues, which makes them arguably better qualified to deal with these issues than male politicians. Women in positions of power are thus assumed to encounter identical experiences and obstacles to women in other sectors of society [Phillips 1998]. Female representatives should thus be chosen to represent female voters, according to the interviewed representatives, as women representatives and women in other parts of society share similar experiences and difficulties, and women political representatives thus understand women's problems better than men.

Discussion

This paper investigated the reasons why equal representation of women in politics in Japan has not yet been achieved. In this context, interviews with Japanese women politicians and academics with expertise in Japanese politics were conducted, which made it clear that the lack of consideration for the significance of women in politics and a failure to address the reasons contributing to women's lack of involvement in politics were the main reasons why women in Japan are not represented in politics at the desired and necessary level. It was suggested that women in Japan who are interested in politics must go through a three-step process, with several distinct deterrents arising at each stage. In the first stage, personal reasons, such as inadequate support from family and spouses, have a significant impact, while in the second stage, systemic elements such as the long work hours prevalent in Japanese culture also have an impact on women's participation in politics. Due to the existing party structures and the male-dominated political system, however, even female politicians who has successfully completed the first two stages remain constrained in the third stage. To sum up, low female representation in politics is clearly due to a lack of political aspirations, as well as an absence of family and state support, a lack of female role models, long working hours, difficulties sustaining a positive balance between work and life, patriarchal constructions, the voting system, party ideologies, and the widespread discrimination against women in the workplace that still exists in modern-day Japan.

REFERENCES

- Ballington, J., Davis, R., Reith, M., Mitchell, L., Njoki, C., Kozma, A., & Powley, E. (2012). *Empowering women for stronger political parties: A Guidebook to promote women's political participation*. United Nations Development Programme.
- Campbell, R., Childs, S., & Lovenduski, J. (2010). Do women need women representatives? *British Journal of Political Science*, 40(1), 171–194.
- Caul, M. (2001). Political parties and the adoption of candidate gender quotas: A cross-national analysis. *The Journal of Politics*, 63(4), 1214–1229.
- Chanlett-Avery, E., & Nelson, R.M. (2014). *Womenomics in Japan: In Brief*. Washington, DC: Congressional Research Service.
- Cigane, L., & Ohman, M. (2014). *Political finance and gender equality*. International Foundation for Electoral Systems.
- Dahlerup, D. (2006). The story of the theory of critical mass. *Politics & Gender*, 2(4), 511–522.
- Dalton, E. (2015). *Women and politics in contemporary Japan*. Routledge.
- Dalton, E. (2019). Women in electoral politics. In *The Routledge Companion to Gender and Japanese Culture* (pp. 199–209). Routledge.
- Dikici, E. (2016). Feminizmin üç ana akımı: Liberal, Marxist ve Radikal feminizm teorileri [The Three Main Streams of Feminism: Liberal, Marxist and Radical Theories of Feminism]. *The Journal of Academic Social Science Studies*, 43(1), 523–532 (In Turkish).
- Eto, M. (2010). Women and representation in Japan: The causes of political inequality. *International Feminist Journal of Politics*, 12(2), 177–201.
- Eto, M. (2016). ‘Gender’ problems in Japanese politics: A dispute over a socio-cultural change towards increasing equality. *Japanese Journal of Political Science*, 17(3), 365–385.
- Fahey, R. (2019). Japan explained: The House of Councilors. *Tokyo Review*. Retrieved March 20, 2023, from <https://www.tokyoreview.net/2019/07/japan-explained-house-of-councilors/>
- Gender imbalance: Japan's political representation by women lowest in G20. (2020). *Nippon.com*. Retrieved March 16, 2023, from <https://www.nippon.com/en/japan-data/h00409/gender-imbalance-japan%E2%80%99s-political-representation-by-women-lowest-in-g20.html>
- Güneş, F. (2017). Feminist Kuramda Ataerki Tartışmaları Üzerine Eleştirel Bir İnceleme [A Critical Analysis on Patriarchy Discussions in Feminist Theory]. *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 27(2), 245–256 (In Turkish).
- Hayashi, Y. (2013). Implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women in Japan. *Journal of East Asia and International Law*, 6, 341–366.
- Holloway, S.D. (2010). *Women and family in contemporary Japan*. Cambridge University Press.
- Iwanaga, K. (2008). *Women's political participation and representation in Asia: Obstacles and challenges*. NIAS Press.
- Krook, M.L. (2010). *Quotas for women in politics: Gender and candidate selection reform worldwide*. Oxford University Press.
- Kubo, M., & Lee, A.R. (2017). Electing women to the Japanese lower house: The impact of the electoral system. *Asian Women*, 33(2), 69–99.
- Liu, D., & Boyle, E.H. (2001). Making the case: The women's convention and equal employment opportunity in Japan. *International Journal of Comparative Sociology*, 389–405.
- Lovenduski, J., & Norris, P. (2003). Westminster women: the politics of presence. *Political Studies*, 51(1), 84–102.
- Mansbridge, J. (1999). Should blacks represent blacks and women represent women? A contingent “yes”. *The Journal of Politics*, 61(3), 628–657.
- Martin, S.L. (2008). Keeping women in their place: Penetrating male-dominated urban and rural assemblies. In S. L. Martin & G. Steel (Eds.), *Democratic Reform in Japan: Assessing the Impact* (pp. 125–149). Boulder, CO: Lynne Rienner.

- Mikkola, M. (2011). Ontological commitments, sex and gender (pp. 67–83). Springer Netherlands.
- Miura, M. (2018). Persistence of Women's Under-Representation. In *Japan Decides 2017* (pp. 185–201). Springer.
- Murakami, Y. (2017). It takes more than words to raise gender equality. *The Japan Times*. Retrieved January 18, 2023, from <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/11/15/commentary/japan-commentary/takes-words-raise-gender-equality/>
- Nemoto, K. (2013). Long working hours and the corporate gender divide in Japan. *Gender, Work & Organization*, 20(5), 512–527.
- Okura, S. (2021). The Political Underrepresentation of People with Disabilities in the Japanese Diet. *Social Science Japan Journal*, 24(2), 369–396.
- Paxton, P., Kunovich, S., & Hughes, M.M. (2007). *Gender in Politics*. Annual Review of Sociology, 33, 263–284.
- Phillips, A. (1998). *The Politics of Presence*. OUP Oxford.
- Rosen, J. (2013). The effects of political institutions on women's political representation: A comparative analysis of 168 countries from 1992 to 2010. *Political Research Quarterly*, 66(2), 306–321.
- Rule, W. (1987). Electoral systems, contextual factors and women's opportunity for election to parliament in twenty-three democracies. *Western Political Quarterly*, 40(3), 477–498.
- Salmond, R. (2006). Proportional representation and female parliamentarians. *Legislative Studies Quarterly*, 31(2), 175–204.
- Schwab, K., Samans, R., Zahidi, S., Leopold, T.A., Ratcheva, V., Hausmann, R., & Tyson, L. D. (2017). *The Global Gender Gap Report 2017*.
- Sheel, R. (2003). Women in politics in Japan. *Economic and Political Weekly*, 4097–4101.
- Siaroff, A. (2000). Women's representation in legislatures and cabinets in industrial democracies. *International Political Science Review*, 21(2), 197–215.
- Siim, B. (2000). *Gender and citizenship: Politics and agency in France, Britain and Denmark*. Cambridge University Press.
- Takeda, H. (2018). Between reproduction and production: Womenomics and the Japanese government's approach to women and gender policies. *Journal of Gender Studies*, 21, 49–70.
- Thames, F.C., & Williams, M.S. (2010). Incentives for personal votes and women's representation in legislatures. *Comparative Political Studies*, 43(12), 1575–1600.
- Togebly, L. (1994). Political implications of increasing numbers of women in the labor force. *Comparative Political Studies*, 27(2), 211–240.
- Tong, R. (2018). *Feminist thought: A more comprehensive introduction*. Routledge.
- Wängnerud, L. (2009). Women in parliaments: Descriptive and substantive representation. *Annual Review of Political Science*, 12(1), 51–69.
- Weller, C. (2017). Japan is facing a 'death by overwork' problem – here's what it's all about. *The Independent*. Retrieved January 18, 2023, from <https://www.independent.co.uk/life-style/japan-is-facing-a-death-by-overwork-problem-here-s-what-it-s-all-about-a8009096.html>
- Wolbrecht, C., & Campbell, D.E. (2007). Leading by example: Female members of parliament as political role models. *American Journal of Political Science*, 51(4), 921–939.
- World Bank. (2021). *Proportion of Seats Held by Women in National Parliaments (%) - Japan*. Retrieved January 18, 2023, from <https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS?end=2021&locations=JP&start=1997&view=chart>

Поступила в редакцию: 23.02.2023

Received: 23.02.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-57-72

Буддийская кухня *футя рё:ри* в Японии: от традиционной кулинарии китайских монахов О:баку-дзэн до наших дней

А.П. Лугавцова

Аннотация. В статье рассматриваются буддийская вегетарианская кухня дзэнской школы О:баку – *футя рё:ри* – и ее история в Японии от зарождения в Нагасаки в среде китайских монахов до наших дней. Школа О:баку, третье направление японского дзэн-буддизма после Риндзай и Со:то:, появилась на Японских островах в период Токугава (1603–1868) благодаря прибытию китайских эмигрантов во главе с Ингэн Рю:ки (1592–1673) на острова в 1654 г. Несмотря на то, что в буддийском сообществе Японии О:баку не произвела существенной революции, ритуальная, бытовая и культурная стороны учения, пронизанные новизной и инаковостью, представляли в глазах японцев особый интерес, поскольку давали возможность прикоснуться к иной цивилизации, и значительно повлияли на складывание уникального облика эпохи Эдо. Это относится и к кухне *футя рё:ри*, которая, будучи частью буддийского учения, придерживалась тех же базовых принципов, что и японская буддийская кухня *сё:дзин рё:ри*, однако имела самобытные особенности, относящиеся как к меню, так и к церемониалу, сохранившиеся и сейчас, спустя три с лишним столетия.

В исследовании описываются истоки *футя рё:ри* в Японии в ее связи с учением О:баку-дзэн, ее традиционные черты, ставшие ключевыми характеристиками, а также ассимиляция *футя рё:ри* с инокультурной средой. Особое внимание уделяется описанию изначального меню, цветового, вкусового и методологического символизма кухни, правил подачи блюд *футя рё:ри*, которые, наряду с очевидными послаблениями в рационе (обильному использованию масла и крахмала кудзу), отличали ее от *сё:дзин рё:ри*. Автор делает вывод, что кулинария монахов О:баку привнесла в рацион японцев значительное количество новшеств, начиная от знакомства с фасолью, ростками бамбука, корнями лотоса, популяризацией альтернативной *тя-но ю* чайной традиции, и заканчивая введением в пищу новых вариаций уже привычных кушаний. В настоящее время *футя рё:ри*, обогатившуюся местными элементами, готовят не только в храмах О:баку, но и в светских ресторанах за пределами монастырских стен, и оценить вкус и гармонию вековых традиций двух стран и современных идей может любой гость, интересующийся вегетарианской кухней.

Ключевые слова: Япония, период Токугава, буддизм, О:баку, дзэн, кухня, *футя рё:ри*, *сё:дзин рё:ри*.

Автор: Лугавцова Алёна Петровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда 21-18-00074 «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов».

Для цитирования: Лугавцова А.П. Буддийская кухня *футя рё:ри* в Японии: от традиционной кулинарии китайских монахов О:баку-дзэн до наших дней // Японские исследования. 2023. № 2. С. 57–72. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-57-72

The history of Buddhist cuisine *fucha ryōri*: From Ōbaku Zen monk cuisine to modern days

A.P. Lugavtsova

Abstract. The article analyzes the Buddhist vegetarian cuisine of the Ōbaku Zen school called *fucha ryōri* and its history in Japan from its inception in Nagasaki with Chinese monks to the present day. The Ōbaku school, the third branch of Japanese Zen Buddhism, which appeared after Rinzai and Sōtō, was established in Japan during the Tokugawa period (1603–1868) by Chinese emigrants led by Ingen Ryūki (1592–1673), who arrived to the islands in 1654. Despite the fact that Ōbaku did not make a significant revolution in Japanese Buddhist community, its ceremonial, routine, and cultural aspects of the teaching, imbued with novelty and otherness, attracted Japanese people, since they made it possible to learn a different culture, and significantly influenced the unique image of the Edo era. This also applies to *fucha ryōri* cuisine, which, being part of the Buddhist teaching, adhered to the same basic principles as the Japanese Buddhist cuisine *shōjin ryōri*, but had distinctive features related to both the menu and the ceremonial, preserved even now, more than three centuries later.

The article describes the origins of *fucha ryōri* in Japan in its connection with the teachings of Ōbaku Zen, its traditional features that have become key characteristics, as well as the assimilation of *fucha ryōri* into a foreign cultural environment. Particular attention is paid to the description of the original menu, the color, taste, and methodological symbolism of the cuisine, the rules for serving *fucha ryōri* dishes, which, along with obvious indulgences in the diet (the abundant use of oil and *kuzu* starch), distinguished it from *shōjin ryōri*. The author concludes that the cooking of the Ōbaku monks brought a significant number of innovations to the Japanese diet, ranging from acquaintance with beans, bamboo sprouts, lotus roots, the popularization of the alternative tea tradition, and ending with the introduction of new variations of already familiar dishes into daily diet. At present, *fucha ryōri*, enriched with local elements, is prepared not only in the temples of Ōbaku, but also in secular restaurants, and any guest interested in vegetarian cuisine can appreciate the taste and harmony of the centuries-old traditions of the two countries and modern ideas.

Keywords: Japan, Tokugawa period, Buddhism, Ōbaku, Zen, cuisine, *fucha ryōri*, *shōjin ryōri*.

About author: Lugavtsova Alyona P., Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS) (address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Lugavtsova A.P. (2023). Buddiiskaya kukhnya *fucha ryōri* v Yaponii: ot traditsionnoi kulinarii kitaiskikh monakhov Ōbaku-zen do nashikh dnei [The history of Buddhist cuisine *fucha ryōri*: from Ōbaku Zen monk cuisine to modern days]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 2, 57–72. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-57-72

Acknowledgments: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation 21-18-00074 “Worlds of Mahayana Buddhism in the context of world civilizational processes”.

Введение

Футя рё:ри (普茶料理) – это буддийская вегетарианская кухня в китайском стиле, получившая в Японии распространение вместе с учением О:баку (黃檗), которое появилось на островах в период Токугава (1603–1868) благодаря китайским монахам-эмигрантам [Кабанов 1993, с. 285]. Это учение представляет собой последнюю традицию буддизма Махаяны, заимствованную непосредственно из Китая. Данный процесс имел многовековую историю: начавшееся с VI в. распространение буддизма на Японских островах было связано с проникновением его направлений из Китая (в древности временами через посредничество Кореи), и китайские буддийские традиции, перенятые напрямую у носителей, в основном переносились на японскую почву с сохранением доктринальных положений и ключевых особенностей. Однако, несмотря на то, что изначально Япония только непосредственно заимствовала китаизированный буддизм Махаяны, который пользовался огромной популярностью у властей и населения, материковые традиции через определенное время неизбежно приобретали новые черты, взаимодействуя с местными религиозными традициями, не обошло это стороной и О:баку. То же самое ожидало все составляющие учения, включая кухню, – сохранив в себе оригинальные черты, они не могли не преобразиться под влиянием окружения, став олицетворением феномена «китайского буддизма с японской спецификой», закономерного этапа дальнейшего развития буддизма Махаяны в Японии.

Бытовая сторона китайского буддизма, возможно, ярче всего реагировала на инокультурную среду, ведь для основной массы населения именно она была «лицом» пришлых религиозных школ. Именно с ней приходили знакомиться или просто поглазеть простые люди, где-то частично копировали и подражали, надеясь хотя бы так прикоснуться к мудрости учения Будды, в том числе и через приготовление пищи. Изначально вегетарианскую трапезу *футя рё:ри* китайские монахи разделяли после окончания поминальных и других обрядов, однако учение О:баку всецело поддерживало ценности минского буддизма, огромное значение придававшего общению с мирянами, поэтому зачастую и прихожане имели возможность приобщиться к монашеской кухне – для них готовили куда более пышный стол, который и составляет основу меню *футя рё:ри*. Само слово «*футя*» происходит от дзэнского понятия «вместе с мирянами пить чай» и также подразумевает трапезу в китайском стиле (каждое блюдо подается на общем большом блюде), которая начинается и заканчивается чаем, призванным завязать между обедающими дружеские теплые отношения [Koga 2019, p. 185]. Спустя несколько столетий кухня *футя рё:ри* по-прежнему популярна в Японии и сейчас сохраняет за собой статус одной из важнейших частей бренда «кухни Киото» (京料理, *кё: рё:ри*) – уникального направления японской кулинарии.

Истоки *футя рё:ри* – появление в Японии учения О:баку-дзэн

Школа О:баку, ставшая третьим направлением дзэн-буддизма наряду со школами Риндзай и Со:то:, представляла собой синкретическое соединение дзэнских и амидаистских подходов и практик. Ее основателем был китайский буддийский монах Иньюань Лунци (隱元隆琦, яп. Ингэн Рю:ки, 1592–1673), прибывший на острова вместе со своими учениками в 1654 г. В 1661 г. с позволения японских властей ими был построен храм Мампукудзи в г. Удзи преф. Киото, ставший базой для распространения новой школы по всей Японии [Кабанов 1993, с. 285]. Монахи О:баку по сути являлись «передатчиками» культурных идеалов минского Китая японцам через проповедование своего учения и активную творческую деятельность. Однако справедливо будет отметить, что синкретический характер философии и религиозной практики школы О:баку, для Китая своего времени не казавшийся чем-то уникальным, в Японии встретил

явное отторжение в силу неприятия подобного совмещения противоположных традиций буддизма. Школе О:баку не удалось произвести революцию в буддийском мире Японии, во многом, как отмечает А.М. Кабанов, благодаря тому, что монахи О:баку использовали в службах и текстах только классический китайский язык, недоступный простому японцу [Кабанов 1993, с. 285]. В дальнейшем, когда мода на экзотическую школу закономерно схлынула, обратный процесс «японизации» учения был настолько силен, что фактически поглотил О:баку, лишив ее самого главного – китайской самобытности, и японская цивилизация ассимилировала китайский буддизм, гармонично превратив его в элемент местной традиции – Риндзай-дзэн. Тем не менее, появление минского китаизированного буддизма в лице новой буддийской традиции на территории Японии в эпоху Эдо наложило существенный отпечаток на изменение национальной японской культуры. Неразрывная связь с Китаем, помешавшая О:баку более широко распространить свое учение в религиозном смысле, парадоксальным образом подняла его популярность в другом отношении – ритуальная, бытовая и культурная стороны учения, пронизанные новизной и инаковостью, представляли в глазах японцев особый интерес, поскольку давали возможность прикоснуться к иной цивилизации. Так, храмы О:баку периода Эдо закономерно сохранили кулинарные обычаи минского Китая, о которых стоит сказать отдельно.

В школе О:баку монастырскую жизнь регулировал созданный в 1673 г. кодекс «О:баку синги» (黄檗清規, «Чистейшие правила учения О:баку») [Baroni 2000, p. 88]. Монахи вставали рано, утренняя служба проводилась еще до рассвета, потом начиналась медитация. Завтрак подавали на рассвете (как только повар мог разглядеть свои руки), затем монахи медитировали до обеда и ели. После этого до позднего вечера они занимались различными работами в храме и за его пределами и собирались для вечерней службы. Если оставалось что-то от двух предыдущих приемов пищи, проходила еще одна небольшая трапеза, без каких-либо ритуалов, потом – снова медитация и поучения до отхода ко сну в девять часов вечера. Поскольку Ингэн желал укрепить единство общины, монахи из остальных храмов комплекса также часто приглашались разделить трапезу с монахами из главного храма.

Повседневное питание монахов, конечно, было достаточно скромным, разнообразные блюда из меню *футя рё:ри*, прославившие школу О:баку, подавались только по праздникам, либо если находился благодетель, заказывавший вегетарианский пир. Однако именно эти отклонения от привычного рациона привлекли внимание японских монахов и превратились в объект нещадной критики как нарушение заповедей. Зачастую за стиль питания монахов О:баку огульно называли толстяками – мол, они весь день только и делают, что обжираются, нарушая все буддийские обеты. Конечно, у подобной критики были основания, поскольку в дзэнских храмах Японии и Китая в качестве ужина зачастую выступал *якусэки* (薬石) – «лечебный камень», ведь монахи должны были поститься по вечерам и, спасаясь от голода и холода, клали на живот нагретый камень. Считалось, что эта практика предупреждала болезни, связанные с недостаточным питанием [Baroni 2000, p. 100]. Тот факт, что монахи пришлого учения не соблюдали давнюю традицию, позволяя себе излишества, давал недоброжелателям лишний повод убедиться в «загрязненности» новой школы.

Несмотря на критику отдельных представителей японского буддийского сообщества, разнообразие и самобытность китайской кухни, привезенной монахами О:баку, не могли не отразиться на пищевой культуре японцев. Последователи учения даже утверждают, что именно с именем наставника Ингэн связано вхождение в обиход японцев сейчас широко известных и любимых блюд: фасоли, арбузов, корня лотоса, ростков бамбука¹. Так это или нет,

¹ 黄檗宗とは / 黄檗山萬福寺 [О школе О:баку / Храм Мампукудзи на горе О:баку] // Храм Мампукудзи: официальный сайт. <http://www.obakusan.or.jp/oubaku.html> (дата обращения: 15.02.2023).

сложно утверждать наверняка, однако название фасоли (隱元豆, *ингэн-мамэ*), содержит те же иероглифы, что и имя наставника, и, по-видимому, действительно произошло от имени Ингэн Рю:ки.

Характеристика и отличительные особенности *футя рё:ри*

Естественно, еще до проникновения в Японию минского буддизма в лице О:баку в монастырях придерживались особого рациона, который соответствовал доктринам учения Будды. Уже в XIII в. основатель школы Со:то: До:гэн (道元, 1200–1253) выработал правила *сё:дзин рё:ри* – японской буддийской вегетарианской кухни. В *сё:дзин рё:ри* блюда готовились без ингредиентов животного происхождения, поскольку монахи строго соблюдали запрет на причинение вреда живым существам. В пищу шли, в основном, овощи, бобовые и злаковые продукты, которые в качестве подаяния монахи получали от мирян². При приготовлении пищи, помимо воздержания от использования мясных продуктов, следовало придерживаться следующих правил: не задействовать в готовке пять овощей с острым ароматом³, сочетать в готовой еде шесть вкусов⁴, пять цветов (зеленый, красный, желтый, белый, черный) и пять методов приготовления (блюда могли быть из сырых, соленых или ферментированных продуктов, могли вариться, тушиться, обжариваться на гриле или обжариваться в большом количестве масла в глубокой посуде) [Marra 2011, pp. 226–227].

Футя рё:ри, также относящаяся к буддийской кухне, во многом схожа с *сё:дзин рё:ри*, разделяет запрет на использование продуктов животного происхождения и цветовой, вкусовой и методологической символизм подачи. Поскольку в чаньской буддийской традиции очень сильны тенденции к синкретизму, в кулинарии О:баку также прослеживаются даосские и конфуцианские мотивы. Даосизм рекомендует придерживаться сдержанного потребления зерновых и употреблять в пищу продукты, богатые космической энергией, – жареные и запеченные овощи или сушеные и печеные фрукты. Конфуцианство привнесло в кухню принцип равновесия и его выражение в пяти элементах, которые обозначали времена года, направления, цвета и прочие важные характеристики мира феноменов. В пяти цветах, применяющихся и в *сё:дзин рё:ри*, зеленый символизировал дерево, красный – огонь, желтый (золотой) – землю, обычно располагаясь в центре, белый (серебряный) – металл, черный (синий) – воду. Соответственно, пять цветов прослеживаются в выборе ингредиентов для *футя рё:ри*: морская капуста или водоросли (черный цвет), японский сельдерей, или *удо* (белый), морковь (красный), жареный тофу и ростки бамбука (желтый) и китайские листовые овощи, к примеру, пекинская капуста (зеленый) [Marra 2011, p. 227; Stinchecum 1986, p. 6]. Однако, в отличие от сдержанной *сё:дзин рё:ри*, *футя рё:ри* взяла от породившей ее школы менее строгий подход к еде – вероятно, сказывалось влияние амидаизма, который видел залогом спасения только искреннюю веру в силу будды Амида (Амитабхи), а не фанатичное следование заповедям, и позволял определённые излишества. *Футя рё:ри* в изобилии использовала растительное масло и крахмал кудзу⁵, что делало ее намного питательнее и

² 日本仏教と精進料理の発展 [Японский буддизм и развитие *сё:дзин рё:ри*] // <http://tenzo.net/rekisi3/> (дата обращения: 09.02.2023); 精進料理の歴史を学ぶ [Исследуем историю *сё:дзин рё:ри*] // <http://tenzo.net/rekisi1/> (дата обращения: 11.02.2023).

³ Под 五葷 (кит. *ухунь*, яп. *гокун*) подразумевались как конкретные пять овощей (черемша, чеснок, душистый лук, рута, кориандр), так и различные сорта лука и чеснока, которые при употреблении оказывали излишне возбуждающий эффект и мешали медитации монахов.

⁴ До:гэн к основным пяти вкусам (сладкому, горькому, кислому, соленому, острому) добавил шестой, так называемый пресный.

⁵ Кудзу (葛), или пуэрария дольчатая – вид растений из рода Пуэрария семейства Бобовых, из корней которого в Китае и Японии получают кулинарный крахмал.

вкуснее; кроме того, различался и стиль подачи. В период Эдо люди обычно ели каждый со своего подноса, а *футя рё:ри* подавалась на общем большом блюде, и обедающие, сидя вокруг квадратного стола, сами накладывали себе еду⁶. Поскольку начальной точкой для *футя рё:ри* стал торговый город Нагасаки, где высадились монахи О:баку во главе с Ингэн, она определенным образом впитала в себя влияние жизненного стиля и рациона китайских купцов, которые любили роскошные трапезы с обилием свинины, жареных блюд и томленых пельменей. Более того, в Нагасаки уже тогда сложилась своя кулинарная традиция, *сиппоку рё:ри* (卓袱料理), в которой сошлись элементы китайской, голландской, португальской, испанской и японской кухонь. Для нее считалось нормой трапезничать вместе за общим столом из больших тарелок, разделяя одно блюдо на всех. В этом отношении *футя рё:ри* и *сиппоку рё:ри* оказались настолько созвучны, что *футя рё:ри* стали называть «*сиппоку рё:ри* без продуктов животного происхождения» (и сакэ) [Marra 2011, pp. 225–226]. Таким образом, историческое наследие подразумевало обильное использование масла в *футя рё:ри*, а также разнообразие мучных изделий. Также Нагасаки был важным портом с точки зрения ввоза сахара, что не могло не сказаться на предпочтениях – местные жители обожали сладости. Не обошли эти пристрастия и *футя рё:ри* – десерты являются довольно важной завершающей частью трапезы. Еще одной ключевой особенностью *футя рё:ри* являлась ее сильнейшая связь с культурой чаепития *сэнтя*, которая будет рассмотрена далее. Чай часто сопровождался легкими блюдами *дяньсинь*⁷ (кит. 點心), которые подавались на общий стол для всех обедающих и были приготовлены в соответствии с рецептами *футя рё:ри*. Также чай подавали на неформальных встречах и во время некоторых праздников вместе со сладостями – сладкими пирожками и аналогами «лунных пряников» [Marra 2011, p. 226].

Типичный пример меню *футя рё:ри* до сих пор состоит из двух видов супов и сезонных овощных блюд, открывает и закрывает трапезу чай. Блюда подаются одно за другим на больших блюдах или в больших чашах, откуда их могут брать все гости. Индивидуальные маленькие порции подают на небольших тарелках [Koga 2019, p. 186]. Перед трапезой произносится славословие, где выражается благодарность тем, кто приготовил пищу, и подчеркивается ее ценность. На официальном сайте главного храма школы О:баку Мампукудзи приводится следующий текст: «Возблагодарим же эту пищу, которая поддерживает жизнь в стольких людях. Мы принимаем эту пищу, неустанно размышляя, праведны ли наши дела, и вкушаем ее с правильным устремлением до конца, сколько бы ее ни было и какая бы она ни была. Главная радость от пищи – в том, что она хранит наше тело и дух здоровыми, и помогает достигнуть цели, исполнить долг неустанного продвижения по пути Учения»⁸.

Обычно в меню входят следующие блюда.

Сюнкан (筍羹) – это ассорти из множества блюд (вареных, жареных, тушеных, томленых) из свежих и сушеных овощей, бобовых, тофу, печенья фу⁹, которое подается на большом блюде (Илл. 1). Если же *сюнкан* для особого случая вышел настолько огромным, что не вмещается на одно блюдо, его подают на нескольких. Помимо разложенных вареных, тушеных, жареных блюд встречается также вариант подачи *сюнкана* с кисло-сладкими суси, предназначенными для снятия неприятного привкуса во рту от наслоения вкусов. В состав *сюнкана* очень часто входят *модоки рё:ри* (もどき料理) – овощные блюда, имитирующие по виду и даже вкусу рыбные,

⁶ 普茶料理 [Футя рё:ри] // 公益財団法人 世界緑茶協会 [Всемирная ассоциация зеленого чая] <https://www.o-cha.net/teacha/bunka/fucharyouri.html> (дата обращения: 20.01.2023).

⁷ Представляют собой разложенные по нескольким блюдам небольшие порции десерта, фруктов, овощей или морепродуктов.

⁸ 普茶料理について / 黄檗山萬福寺 [О футя рё:ри / Храм Мампукудзи на горе О:баку] // Храм Мампукудзи: официальный сайт <https://www.obakusan.or.jp/eat/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹ Фу (麩) – губчатое печенье из клейковины пшеничной муки.

поскольку морепродукты в буддийской кухне не используются¹⁰. Типичным кушаньем такого рода можно назвать *хирю:дзу* (飛竜頭, «парящая голова дракона»). Его готовят следующим образом: отжатый тофу разминают вместе с ямсом и приправами, затем смешивают с нарезанным тофу, ростками бамбука, морковью, сушеными грибами сиитакэ, корнем лопуха, грибами кикиурагэ, обжаривают получившуюся массу в масле и варят в бульоне из морской капусты. Название «*хирю:дзу*» блюдо получило потому, что его способ приготовления напоминал готовку португальских сладостей из фруктов и муки «*фильос*». Когда тесто выливали в масло, оно по форме было схоже с парящей драконьей головой, отсюда и пошло название. В Канто его также называют «*гаммодоки*» (かさんもどき, «имитация гуся»), поскольку его вкус напоминает вкус гусятины. Помимо *хирю:дзу*, в *сюнкана* встречаются и другие «имитационные» блюда. Из тофу, ямса и нори повара О:баку готовят искусную имитацию *унаги-кабаяки*¹¹, из момэн до:фу¹² и японского горного ямса с крахмалом эритрониума¹³ – имитацию *тикува*, трубочек из рыбного мяса, из китайского ямса и кукурузного крахмала – имитацию *камабоко*, рулетов из рыбного пюре и (Илл. 2) и т. д. [Koga 2019, p. 188].

Умпэн (雲片) – блюдо из оставшихся после готовки обрезков овощей, которые поджариваются, а потом томятся до густоты с добавлением порошка кудзу – очень показательный пример кухни *футя рё:ри*, которая, основываясь на буддийском учении, старается использовать ингредиенты максимально полно (Илл. 3)¹⁴. При подаче должен соблюдаться цветовой символизм кухни: за зеленый цвет отвечают зеленые бобы, за красный – морковь, за желтый – плоды гинкго, за белый – корень лотоса или ростки бамбука, за черный – грибы сиитакэ или кикиурагэ. В конце готовое блюдо посыпается маковыми зернышками. Часто *умпэн* в храмах О:баку подают поверх лапши [Koga 2019, pp. 187–188].

Мафу (麻腐) – это блюдо называют предком знаменитого *гома до:фу* (кунжутного тофу) (Илл. 4)¹⁵. Вываренный добела кунжут смешивают с крахмальным порошком из растения кудзу и готовят на огне, тщательно перемешивая. Это долгий и достаточно трудоемкий, почти медитативный процесс. Ингредиенты растирают в глиняной ступке, куда в процессе пять-шесть раз наливают бульон, после чего добавляют столько же крахмала кудзу, сколько было кунжута, и продолжают варить, помешивая, на медленном огне, около двух часов, затем разливают в формы для застывания¹⁶. В конце смешивают соевый соус и васаби и подают с охлажденным *мафу*.

Юдзи (油茲) – это тэмпура кухни О:баку, где в ингредиенты или тесто для жарки добавляют различные приправы, соль и сахар (Илл. 5). Разница *юдзи* и обжаренных для *сюнкана* овощей в том, что в *юдзи* используется тесто для глазури уже с приправами, потому что по правилам *футя рё:ри* во время трапезы приправ на столе быть не должно [Koga 2019, p. 188]. Для обжарки используются овощи, фрукты, бобовые, тофу и т.д. Типичными вариантами *юдзи* являются

¹⁰ 普茶料理について / 黄檗山萬福寺 [О *футя рё:ри* / Храм Мампукудзи на горе О:баку] // Храм Мампукудзи: официальный сайт <https://www.obakusan.or.jp/eat/> (дата обращения: 15.02.2023).

¹¹ *Кабаяки* (蒲焼) – способ приготовления рыбы, где выпотрошенная и разделанная надвое тушка рыбы (обычно угря) жарится на углях или на гриле под специальным соусом.

¹² Момэн до:фу (木綿豆腐, «хлопковый» или «полотняный» тофу) – соевый творог, из которого удалена часть влаги, но он все еще содержит достаточное ее количество. Отличается от кинугоси тофу (絹ごし豆腐, «шелковый» тофу) более плотной и грубой консистенцией.

¹³ Эритрониум японский (片栗, катакури) – вид цветковых растений рода Кандык, из луковиц которого получают кулинарный крахмал.

¹⁴ 中国で生まれ京に伝わった精進料理 [Зародившаяся в Китае и перешедшая в Японию *сё:дзин рё:ри*] https://www.okeihan.net/navi/kyoto_tsu/tsu202203.php (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁵ 普茶料理について / 黄檗山萬福寺. [О *футя рё:ри* / Храм Мампукудзи на горе О:баку] // Храм Мампукудзи: официальный сайт. <https://www.obakusan.or.jp/eat/> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁶ 黄檗料理 [О:баку *рё:ри*] // 日本大百科全書 (ニッポニカ) [Энциклопедия Ниппоника]. <https://kotobank.jp/word/黄檗料理-449254>. (дата обращения: 27.01.2023).

сладкие пирожки с бобовой начинкой в форме персика, считающегося символом долголетия, которые кладут друг на друга и обжаривают в глазури, вымоченные от соли сливы *умэбоси*, обмоченные в сладком сиропе и жареные в тесте¹⁷.

Синцай (浸菜) – это одно из блюд с «пресным» вкусом, где на большом блюде подаются овощи с японской заправкой, вареные в сое и маринованные овощи (Илл.6). Его готовят с замыслом максимально сохранить первоначальный вкус сезонных овощей, а в качестве приправ может использоваться кунжут, тофу, грецкий орех, уксусное мисо, морская капуста и др. Считается, что именно это блюдо из кухни О:баку послужило прообразом многих холодных овощных закусок, которые сегодня едят в Японии [Koga 2019, p. 188].

Кэнтян/кэнтин (卷繊) – это блюдо, где нарезанные отсортированные овощи заворачивают трубочками в пенку из соевого молока и варят либо жарят (Илл. 7). *Кэнтян* отличается разнообразием вариантов приготовления: тофу обжаривают в растительном масле, затем заворачивают в пенки *юба*¹⁸ и варят; тофу заворачивают в *юба* и жарят; ингредиенты не заворачивают в *юба*, а сразу варят в бульоне из морской капусты. В храмах О:баку сезонные овощи и тофу варят, либо тушат или жарят, сверху обмазывая сладкой бобовой пастой [Koga 2019, p. 189].

Сумэ (寿免) – это легкий овощной суп, который имеет так называемый пресный или слабый вкус (Илл.8). Этот пресный вкус, добавленный До:гэном, по сути обозначает отсутствие вкуса самого блюда, только сохранность вкуса его ингредиентов. Основой *сумэ* служит бульон из морской капусты комбу, в качестве дополнительных ингредиентов используются обжаренный с кунжутом ямс или белый огурец то:ган, вермишель *харусамэ*¹⁹, *юба*. *Сумэ* с последними двумя добавками считается имитацией известного блюда китайской кухни – супа из акульих плавников [Koga 2019, p. 187].

Ханцу: (飯子) – это рис, который едят в конце трапезы. Его выносят в небольших кадках *хинтан* (行堂), откуда гости распределяют его между собой (Илл. 8)²⁰. Особенность риса *футя рё:ри* – гостям предлагается множество разных вариантов риса, приготовленного с сезонными овощами. В качестве добавки к рису могут служить ростки бамбука, засоленные лепестки сакуры, различная зелень, каштаны, грибы, батат, паста адзуки и гинкго, чайные листья, ягоды гардении и многое другое [Koga 2019, p. 188].

Суйго (水果) – это десерты *футя рё:ри*, куда входят сезонные фрукты, сладкие пирожки мандзю (饅頭), желе кантэн (寒天) на основе агар-агара, получаемого из красных водорослей [Koga 2019, p. 189] (Илл. 9)²¹.

Отдельного упоминания при описании меню *футя рё:ри* заслуживает *сэнтя*, или «кипяченый чай» (яп. 煎茶), история в Японии которого также неразрывно связана с монахами О:баку, в частности, бывшим монахом О:баку Байсао: (売茶翁, 1675–1763). Эта чайная традиция, в которой сам Байсао: находил отражение своих духовных идеалов, привела к созданию полноценной альтернативы японской церемонии (茶の湯, *тя-но ю*) с использованием порошкового чая, благодаря чему многие его современники и их потомки заново полюбили чаепитие в духе китайских мудрецов древности. До прибытия Ингэн и распространения *футя*

¹⁷ 普茶料理について / 黄檗山萬福寺. [О *футя рё:ри* / Храм Мампукудзи на горе О:баку] // Храм Мампукудзи: официальный сайт. <https://www.obakusan.or.jp/eat/> (дата обращения: 15.02.2023); 中国で生まれ京に伝わった精進料理 [Зародившаяся в Китае и перешедшая в Японию *сё:дзин рё:ри*]. https://www.okeihan.net/navi/kyoto_tsu/tsu202203.php (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁸ Юба (湯葉) – пенка кипяченого соевого молока.

¹⁹ Харусамэ (春雨) – тонкая вермишель из бобовой муки.

²⁰ 中国で生まれ京に伝わった精進料理 Chu:goku de umare [Зародившаяся в Китае и перешедшая в Японию *сё:дзин рё:ри*]. https://www.okeihan.net/navi/kyoto_tsu/tsu202203.php (дата обращения: 27.01.2023).

²¹ 普茶料理について / 黄檗山萬福寺 [О *футя рё:ри* / Храм Мампукудзи на горе О:баку] // Храм Мампукудзи: официальный сайт <https://www.obakusan.or.jp/eat/> (дата обращения: 15.02.2023).

рё:ри чай в Японии употреблялся в ходе сложного ритуализированного действия, которое требовало значительных усилий по подготовке и никак не могло быть частью ежедневного принятия пищи. Для приготовления чая по образцу китайских монахов не требовалось строить чайный домик или закупать утварь мастеров древности, достаточно было единственного чайника, куда в кипящую воду бросали листья, а потому чайнику еще раз давали закипеть. *Сэнтя* в противовес *тя-но ю* готовился каждым человеком индивидуально, иногда даже просто ради удовольствия, порой его пили вне дома, на пикниках в живописных местах. Наслаждение одновременно вкусом чая и красотой первозданной природы считалось существенным подспорьем в повышении духовной осознанности участников чаепития [Graham 1999, pp. 66–73]. В конце жизни Байсао: даже написал «Краткие записи о семенах чая с Горы цветущих слив» (梅山種茶譜畧, «*Байдзан сютя фурыяку*») (1748). Эта книга впервые в Японии смело подтверждала превосходство *сэнтя* над *тя-но ю* [Waddell 2008, p. 155]. В своих комментариях, полных презрения и к мастерам *тя-но ю*, и к их мирским последователям, Байсао: успешно проводил параллели между *сэнтя* и моральной недосыгаемостью системы ценностей китайских интеллектуалов, фактически приравнивая достоинства чая к противоречивым политическим и социальным проблемам. Таланты Байсао: в поэзии и каллиграфии, сила и чистота его духа, нестандартный поиск духовного просветления посредством *сэнтя* впечатлили не только его друзей, но и жителей Киото в целом. Он стал источником вдохновения для тех, кто жаждал свободы и самовыражения в японском обществе, где царила строгая иерархия и материализм, и его стиль чайной церемонии впоследствии распространился по всей стране [Graham 1999, pp. 66–73].

Футя рё:ри за пределами монастырских стен

Кухня монахов *О:баку* даже после того, как учение частично утратило свою первоначальную инаковость, продолжает пользоваться популярностью в Японии и по сей день. Помимо храмов школы, китайскую монастырскую вегетарианскую кухню готовят и в мирских ресторанах Японии, придав ей уникальный налет уже японской светской кухни, о чем свидетельствуют два рассказа о посещении токийского ресторана «Бон», открытого в 1972 г., с разницей более чем в тридцать лет. Аманда Мэйр Стинчхам в статье для *New York Times* так описывает свои впечатления от похода в «Бон» в январе 1986 г.: «...Пышность полного обеда *футя рё:ри* почти невозможно описать словами – густой чай с шапкой пузырьков, приготовленный в ходе чайной церемонии, крохотная закуска в форме сезонной травы или цветка, прозрачный бульон, где плавают несколько виртуозно нарезанных тончайших ломтиков гриба или листа бамбука, *кути-кавари* (действительно, «смена вкусов» – овощное блюдо, где ингредиенты и способ приготовления меняются в зависимости от времени года) и *умпэн* (густой суп из обрезков овощей, оставшихся в ходе готовки). За всем этим подают *нимоно* (буквально – вареная еда, блюдо из сезонных овощей, приготовленных в прозрачном бульоне с насыщенным вкусом), кунжутный тофу (нежнейшая паста с шелковой текстурой, похожая на бобовый творог, но благоухающая кунжутом, который растирается вместе с тофу в ступке на этапе приготовления), *агэмоно* (букв. жареная пища, аналог тэмпуры), густой мисо-суп с овощами и тофу, маринованные овощи, рис и фрукты. Сюда можно приходить в разные времена года и постоянно пробовать новые блюда! Кроме того, нам довелось попробовать желе из крахмала кудзу, подслащенное спелым кумкватом, который, по уверениям персонала, исключительно хорош для горла холодными зимними днями; *сасими*, сделанное из конняку²²,

²² Конняку (コンニャク) – вид многолетних растений рода *Аморфофаллус* семейства *Ароидные*. Из клубнелуковиц конняку получают так называемую муку конняку, коньяковую камедь и коньяковый глюкоманнан. Эти вещества используются как желеобразующие наравне с пектином, агар-агаром и желатином.

упругого, но скользкого, типично японского блюда, ценимого не только за консистенцию и неповторимую текстуру, но и за изысканный вкус. Потом мы отведали пирожок из лилейного корня, обжаренного в гречишном масле, и орехи, приготовленные в пасте мисо внутри кожуры юдзу, выдержанные там несколько месяцев до гармоничного смешения вкусов. После этого подали тэмпуру, увенчанную тонкими бледными побегами грибов энюки, удивительно напоминающими обледенелые ветки за окном...» [Stinchecum 1986, p.6].

Спустя тридцать три года, в январе 2019 г., авторы Vegewel.com, навигатора по вегетарианским ресторанам Японии, также посетили «Бон» в новогодние праздники и насладились январским меню – «*Футя ранней весны*»: «...Сначала нам подали чай месяца – фукутя со сливой и сушеной капустой комбу и десерт *хигаси* с вытесненной на нем надписью «Кирику», что обозначает Амиду, божество-покровителя года собаки. Когда мы отведали их, то преисполнились светлой радости. Сняв крышку с коробки бэнто, мы поразились тому, какое разнообразие красок таилось внутри. Блюда были сервированы в соответствии с сезоном и умело украшены соответствующим образом – к примеру, листьями папоротника и цветущей веточкой сливы. Горячее блюдо – колоказию²³ в соусе из кудзу в стиле Киссё – рекомендовали съесть, пока не остыло. Оно представляло собой сладкие пирожки из клубней колоказии, поданные с густым крахмальным соусом из порошка кудзу, имитирующим акулий плавник. Сверху для украшения лежал маленький турнепс и тонкий срез моркови в форме цветка сливы. Затем шла тэмпура и тонкий инанива-удон²⁴. Тэмпуру в *футя рё:ри* называют «юдзи». Не слишком сладкий, но густой и наваристый бульон из овощей был превосходным, а лапша *со:мэн*²⁵ глубокой обжарки, выложенная в форме веера, представляла собой настоящее произведение кулинарного искусства. Напоследок был десерт – соевый тофу на миндальном молоке и сезонные фрукты. По количеству блюд обеда хватило бы на голодного мужчину, а по вкусу он был просто непревзойденно хорош...»²⁶.

Как и в храмах О:баку, для того, чтобы насладиться подобной трапезой, необходимо обратиться с заказом заранее. От некоторых значимых ритуалов *футя рё:ри* в ресторане за пределами храма сочли необходимым отказаться, предпочтя более привычные японцам обычаи – гостям не подают кушанья на общем блюде, призванном укрепить единство, а сервируют на каждого индивидуально. Кроме того, дух времени также диктует свои правила: следуя запросам клиентов, в ресторане при необходимости стараются убрать из рецептуры аллергены (к примеру, пшеничный глютен исключается путем использования рисовой муки для блюд глубокой обжарки) и пять овощей, которые нельзя употреблять в пищу монахам. Сладости являются неотъемлемой частью *футя рё:ри* со времен ее зарождения в Японии, однако японская привычка к умеренности и здесь берет свое – белый рафинированный сахар с его яркой сладостью заменяется свекольным, что позволяет сохранить вкус блюд и делает их намного полезнее²⁷.

²³ Таро, или колоказия съедобная (サトイモ) – многолетнее растение, вид рода Колоказия семейства Ароидные, клубни которого употребляются в пищу в вареном или жареном виде.

²⁴ Инанива-удон (稲庭うどん) – тонкая сушеная лапша удон, которая изготавливается вручную в префектуре Акита из пшеничной муки с добавлением крахмала и соли.

²⁵ Со:мэн (素麺) – длинная, очень тонкая лапша из пшеничной муки, которая изготавливается путем растягивания теста с помощью растительного масла. Обычно подается в холодном виде с овощами.

²⁶ 誰もが共に食を楽しむ精進料理＝普茶料理(ふちゃりょうり) ～ジョン・レノンとオノ・ヨーコ夫妻も訪れた普茶料理 梵(ぼん) [Сё:дзин рё:ри для всех – футя рё:ри в ресторане «Бон», который посещали Джон Леннон и Йоко Оно] <https://vegewel.com/ja/style/bon> (дата обращения: 24.01.2023).

²⁷ 誰もが共に食を楽しむ精進料理＝普茶料理(ふちゃりょうり) ～ジョン・レノンとオノ・ヨーコ夫妻も訪れた普茶料理 梵(ぼん) [Сё:дзин рё:ри для всех – футя рё:ри в ресторане «Бон», который посещали Джон Леннон и Йоко Оно]. <https://vegewel.com/ja/style/bon> (дата обращения: 24.01.2023).

Илл. 1. Сюнкан. Источник: <https://4travel.jp/travelogue/10625439>.

Илл. 2. Кабаяки-модоки. Источник: <http://www.zekkeikana.com/gourmet/ban/ban11.html>

Илл. 3. Умэн. Источник: <http://www.zekkeikana.com/gourmet/ban/ban11.html>.

Илл. 4. Мафу. Источник: <http://www.zekkeikana.com/gourmet/ban/ban11.html>.

Илл. 5. Юдзи. Источник: https://sencha-note.com/fucha/#index_id0

Илл. 6. Синцай. Источник: https://sencha-note.com/fucha/#index_id0

Илл. 7. Кэнтян. Источник: https://sencha-note.com/fucha/#index_id0

Илл. 8. Ханцу: (слева), сумэ (справа). Источник: <https://4travel.jp/travelogue/10625439>

Илл. 9. Суйго. Источник: https://sencha-note.com/fucha/#index_id0

Заключение

Вегетарианская кухня *футя рё:ри* по праву может считаться важным элементом современного буддийского мира Японии. Отдавая дань доктринам учения Будды в целом и добросовестно сохраняя китайские традиции непосредственно своей родной школы О:баку, она, тем не менее, давно вышла в народ, за пределы храмов и монастырей, и живет полноценной отдельной жизнью, пользуясь популярностью не только у религиозно настроенных людей, но и у приверженцев здорового образа жизни, и у туристов, и у тех, кто просто интересуется вегетарианской кухней по той или иной причине. Поддерживая неизменные базовые принципы, но по мере возможности чутко отвечая на индивидуальные запросы каждого клиента, кухня *футя рё:ри* в какой-то степени символизирует современный буддизм Махаяны – бережно относящийся к своим истокам, но гибкий и ориентированный на человека, открытый к взаимодействию с другими религиозными традициями и со светским обществом. Возможно, именно этот набор замечательных свойств способствует тому, что спустя три сотни лет после появления в Японии школы О:баку ее вкуснейшая кухня, обогатившаяся местными элементами, до сих пор пользуется народной любовью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кабанов А.М. Буддизм в эпоху Токугава // Буддизм в Японии. Под ред. Т.П. Григорьевой. Москва: Наука. 1993.

REFERENCES

Kabanov, A.M. (1993). Buddizm v epokhu Tokugava [Buddhism in the Tokugawa Era]. In T.P. Grigorieva (Ed.), *Buddizm v Yaponii* [Buddhism in Japan] (pp. 278–301). Moscow: Nauka. (In Russian).

* * *

Baisaō, Waddell, N. (2008). *The Life of Baisaō, the Old Tea Seller: Life and Zen Poetry in 18th Century Kyoto*. Berkeley: Counterpoint.

Baroni, H. (2000). *Ōbaku Zen: The Emergence of the Third Sect of Zen in Tokugawa Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Graham, P. (1999). *Tea of the Sages: The Art of Sencha*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Koga, K. (2019). Fucha ryōri ni kansuru kōsatsu (fucharyōri to Nagasaki no kankei ni tsuite) [Consideration on Fucha-ryori (Relationship between Fucha-ryori and Nagasaki)]. *Nagasaki joshi tanki daigaku kiyō*, 43, 185–190. (In Japanese).

Marra, C. (2011). Fucha Ryōri: The Monastic Cuisine of the Ōbaku-Zen School. *The Journal of Nagasaki University of Foreign Studies*, 15, 215–32.

Stinchecum, A. (1986). Fare of the Country; Japan's Fucha Ryori, a Meal Fit for a Monk. *New York Times*, Section 10, 6.

Поступила в редакцию: 11.03.2023

Received: 11.03.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86

Нерешенные проблемы Окинавы: к пятидесятилетию возвращения префектуры в состав Японии

Ж.М. Баженова, Е.А. Горячева

Аннотация. Статья посвящена анализу современных проблем японской префектуры Окинава, истоки которых следует искать в послевоенной истории островов Рюкю, находившихся в 1945–1972 гг. под фактической оккупацией США. Авторы рассматривают ряд проблем, остающихся нерешенными после возвращения Японии в 1972 г. всех юридических и административных прав на Окинаву: экономическое отставание Окинавы от так называемой основной территории Японии и высокую концентрацию американских военных баз и американских военнослужащих, что к тому же оказывает негативное влияние на экологию префектуры и безопасность ее населения. В настоящее время на территории префектуры размещены более 70% всех американских военных объектов, находящихся на территории Японии. В контексте формирующегося комплекса угроз для региональной и национальной безопасности, связанных с Китаем, который наращивает военную мощь и претендует на часть островных территорий Японии, с опасениями по поводу изменения глобального мирового порядка из-за проведения Россией Специальной военной операции на Украине, а также с резким обострением ситуации вокруг Тайваня, власти Японии будут последовательно продолжать выполнение союзнических обязательств перед США. На этом фоне маловероятным представляется сокращение в дальнейшем американского военного присутствия на Окинаве, напротив, прогнозируется дальнейшая милитаризация островов. Между тем, префектуральные власти и жители островов опасаются, что, в случае возникновения военного конфликта Окинава станет главной мишенью для ударов противника. Итоги опросов общественного мнения жителей префектуры, проводимых с 1970-х гг. по настоящее время, показывают, что при сохранении высокого уровня поддержки возвращения в состав Японии неизменным остается недовольство по поводу нахождения баз Вооруженных сил США на территории Окинавы: большинство окинавцев выступают либо за полное удаление военных объектов с острова, либо за справедливое разделение бремени с остальными префектурами, подчеркивая свою национальную самобытность.

Ключевые слова: Окинава, Япония, базы ВС США, возвращение Окинавы, японо-американские отношения, государственная политика Японии.

Авторы: *Жанна Михайловна Баженова*, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). ORCID 0009-0003-4451-496X; E-mail: bjannam@mail.ru

Елена Александровна Горячева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). ORCID 0000-0001-9357-5425; E-mail: solo888@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ж.М. Баженова, Е.А. Горячева. Нерешенные проблемы Окинавы: к пятидесятилетию возвращения префектуры в состав Японии // Японские исследования. 2023. № 2. С. 73–86. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86

Unresolved problems of Okinawa: Towards the 50th anniversary of Okinawa Prefecture's reversion to Japan

Z.M. Bazhenova, E.A. Goriacheva

Abstract: The article addresses the current problems of the Japanese prefecture of Okinawa, the origins of which should be sought in the post-war history of the Ryukyu Islands, which were put under the occupation of the United States in 1945–1972. The authors have identified several problems that remain unresolved after Japan regained all legal and administrative rights to Okinawa in 1972. These issues include the economic development of Okinawa lagging behind the so-called “Japan proper” and the high concentration of American military bases and American servicepersons, which also exerts negative influence on the environmental and security situations in the island. Currently, more than 70% of all US military bases in Japan are located in Okinawa Prefecture. Against the background of emerging threats to regional and national security of Japan, which are associated with China’s growing military power and its territorial claims against Japan, as well as fears of change of the global order due to Russia conducting the special military operation in Ukraine and the escalation of tensions over Taiwan, the government of Japan tends to continue fulfilling their allied obligations to the United States. In this regard, the reduction of US military presence in Okinawa seems unlikely. On the contrary, future militarization of the region is to be expected. Meanwhile, prefectural authorities and the islands’ residents fear that, in the case of a military conflict, Okinawa will be the main target of enemy strikes. The results of public opinion polls of Okinawa residents, which have been conducted since the 1970s to the present times, show that, while the level of public support for the reversion of Okinawa to Japan is high, at the same time, dissatisfaction with the presence of US military bases in Okinawa persists. Most Okinawans support either a complete withdrawal of military facilities from the territory of the prefecture, or a fair division of the burden of US military bases’ presence with other prefectures, emphasizing their own distinct identity.

Keywords: Okinawa, Japan, US military bases, Okinawa reversion, Japan-US relations, national policy of Japan.

Authors: Zhanna M. Bazhenova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Scientific Secretary of the Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far Eastern Branch of the RAS (89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690001 Russian Federation). ORCID 0009-0003-4451-496X; E-mail: solo888@yandex.ru

Elena A. Goriacheva, Research Fellow, Center of Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690001 Russian Federation). ORCID 0000-0001-9357-5425; E-mail: solo888@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Bazhenova Z.M., Goriacheva E.A. (2023). Nereshennyye problemy Okinavy: k pyatidesyatiletiiyu vozvrashcheniya prefektury v sostav Yaponii [Unresolved problems of Okinawa: Towards the 50th anniversary of Okinawa Prefecture's reversion to Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 2, 73–86. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86

Введение

В мае 2022 г. на Окинаве прошли торжества по поводу 50-летней годовщины возвращения префектуры в состав Японии. После окончания Второй мировой войны Япония, как проигравшая сторона, оказалась под оккупационным режимом союзных сил, прежде всего, США. Сан-Францисский мирный договор, подписанный 8 сентября 1951 г. и ратифицированный

Японией 28 апреля 1952 г., возвращал ей государственный суверенитет в границах «основной территории» – островов Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку. При этом она была вынуждена согласиться на включение в Договор ст. 3, согласно которой о-ва Рюкю (за исключением архипелага Амами) передавались под доверительное управление ООН с закреплением за США права осуществлять всю и любую административную, законодательную и судебную власть над территорией и обитателями этих островов, включая территориальные воды. Однако оговорка о сохранении «остаточного суверенитета» над Рюкю оставляла возможность на возвращение архипелага под юрисдикцию Японии. Эта возможность была реализована после подписания 17 июня 1971 г. «Соглашения между Японией и Соединенными Штатами Америки касательно островов Рюкю и Дайто», предусматривающего «отказ США в пользу Японии от всех прав и интересов, предоставленных им ст. 3 Сан-Францисского договора»¹. Соглашение вступило в силу 15 мая 1972 г., спустя два месяца после обмена в Токио ратификационными грамотами.

Следствием продолжавшейся в течение 27 лет оккупации США Окинавы стало тяжелое бремя его наследия, которое ощущается и в настоящее время. Целью нашего исследования является определение главных проблем, остающихся нерешенными в течение пяти десятилетий и лежащих в основе современного диспаритета Окинавы с остальными префектурами Японии. К таким проблемам мы относим экономическое отставание Окинавы от основной территории², высокую концентрацию американских военных баз и связанные с ней актуальные вопросы обеспечения региональной, национальной безопасности и экономической автономии префектуры.

На достижение цели исследования направлено решение следующих задач: выявление основных экономических проблем Окинавы; определение роли военных баз США, размещенных на Окинаве в контексте формирующегося комплекса угроз для региональной и национальной безопасности, связанных с Китаем, наращивающим свою военную мощь и претендующим на часть островных территорий, опасениями Японии по изменению глобального мирового порядка из-за проведения Россией СВО на Украине и резким обострением ситуации вокруг Тайваня. В рамках поставленных задач интерес также представляет мнение окинавцев по поводу воссоединения с основной территорией страны (沖縄返還オキナワ хэнкан, или «возвращения Окинавы»), военных баз и будущего развития префектуры.

Современные проблемы экономики Окинавы

Послевоенное экономическое развитие Окинавы оказалось подчинено стратегическим целям США в АТР, для которых приоритетом выступала реализация крупномасштабной программы строительства военных баз, утвержденная в мае 1949 г. Однако необходимость в поддержке местного населения заставляла американские власти разрабатывать проекты строительства с учетом интересов островитян, предусматривая создание максимальных возможностей для их трудоустройства, использование материалов и услуг, предлагаемых местными компаниями, строительство инфраструктуры (дороги, мосты, гавани, электростанции т.п.), которая могла бы эксплуатироваться как военными, так и гражданскими организациями. Это способствовало росту экономической активности на Окинаве и стимулированию развития

¹ Japan and United States of America. Agreement concerning the Ryukyu Islands and the Daito Islands // Сайт ООН. <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20841/volume-841-i-12037-english.pdf>, p. 275. (дата обращения: 06.03.2023).

² Хондо (本土, дословно «основная территория») – термин, закрепившийся в общественном дискурсе и законодательных актах для обозначения территории Японии за пределами Окинавы (см. 沖縄の復帰に伴う特別措置に関する法律 [«Закон о специальных мерах по развитию Окинавы»]. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=346AC000000129&openerCode=1>) (дата обращения: 01.06.2023.).

отраслей, способных вносить вклад в местную экономику спустя длительное время после окончания строительства баз. Закономерно, что на начальном этапе оккупации экономическая зависимость Окинавы от военных баз США была очень высокой, тогда как на более позднем этапе она сокращалась. В работе Мияги Осаму «“Американский мирок” Окинавы в документах» приводятся следующие данные: в 1955 г. поступления от баз в общих доходах префектуры составляли 66,7%, в 1965 г. – 0,6%, а в 1972 г., когда состоялось возвращение под административное управление Японии – уже 15,5%³.

После возвращения Японии всех юридических и административных прав на Окинаву ключевой проблемой японского правительства стало сокращение социально-экономического разрыва между префектурой и основной территорией страны с целью будущего самостоятельного развития Окинавы. Для решения проблемы отставания властями Японии совместно с префектуральным правительством был разработан целый комплекс мер, законодательно оформленных в виде принятого в 1971 г. «Закона о специальных мерах по развитию Окинавы». Реализация этих мер предусматривалась в рамках десятилетних планов. За прошедший с момента принятия первого плана период инвестиции из государственного бюджета Японии в развитие префектуры составили 13,5 трлн иен. Объем средств, выделяемых центральным правительством Японии в пересчете на 1 жителя префектуры, в 2019 г. составил 255 000 иен, это наибольший показатель среди всех регионов Японии. В то время как другие префектуры получают бюджетные средства по линии каждого из соответствующих министерств и ведомств, субсидии для Окинавы выделяются префектуре единым блоком по линии Кабинета министров. В 2018 фин. г. валовой региональный продукт Окинавы в номинальной стоимости составил 4,505 трлн иен, что в 9,8 раз больше, чем в 1972 г. С другой стороны, несмотря на то, что на Окинаве средний подушевой доход с 1972 г. до 2020 г. вырос значительно, чем по всей Японии (не в 4,2, а в 5,1 раз), он все равно остается на уровне около 80% процентов от среднего показателя подушевых доходов по стране (3,74 млн иен в год против среднеяпонского показателя 4,87 млн иен в год). Согласно данным за 2016 г., уровень бедности семей с детьми составлял 29,9%, что в 2 раза превышает средний показатель по стране, а уровень зачисления школьников в университеты по данным 2019 г. составил 39,65% – самый низкий показатель в стране. Таким образом, в префектуре по-прежнему остро стоят вопросы неравенства с основной территорией страны по уровню благосостояния и доступности высшего образования⁴. Уровень безработицы на декабрь 2022 г. в префектуре составил 3,5% (общенациональный уровень – 2,5%); особенно высок уровень безработицы среди молодежи – 7,2% (средний по Японии – 3,4%)⁵.

Осталась нерешенной и проблема структурной слабости экономики Окинавы и низкого уровня самообеспечения ресурсами. Особенностью экономики префектуры по сравнению с другими регионами Японии, неизменно проявляющей себя с 1972 г., является ярко выраженное преобладание третичного сектора над вторичным. Соотношение ВВП вторичного сектора к третичному составляло в 2019 г. на Окинаве 17,4% к 82,1%, тогда как по всей Японии – 25,6% к 72,5%⁶.

³ Карубэ Кэнсуке. Тяжкая ноша на плечах окинавской экономики со времени возвращения Японии: когда же будет как на «Большой земле»? // Nippon.com. <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a08203/> (дата обращения: 05.03.2023).

⁴ 収入だけじゃない全国との格差 [Разница с общенациональным показателем не только в доходах] // Асахи симбун. 30.12.2021.

⁵ 令和4年12月の雇用状況 [Ситуация с трудоустройством на декабрь 2022 г.] // Сайт администрации префектуры Окинава. <https://www.pref.okinawa.jp/site/shoko/koyo/kikaku/toukei/h24/r04-12.html> (дата обращения: 05.03.2023).

⁶ 沖縄県経済の概況 (令和4年10月) [Обзор экономики префектуры Окинава (октябрь 2022 г.)] // Сайт общего управления делами Окинавы Кабинета министров Японии. https://www.ogb.go.jp/soumu/soumu_sinkou/003093 (дата обращения: 07.03.2023).

Экономика Окинавы характеризуется как экономика «3-К»: *ко:кё: дзигё:; канко.; кити* (公共事業, 観光, 基地) – строительство общественных инфраструктурных объектов, туризм, базы. С момента возвращения основной статьей дохода остаются бюджетные ассигнования [Takara 2017, p. 106].

Вторым важным фактором роста экономики Окинавы является туризм, на который приходится около четверти валового регионального продукта. В 1972 г. префектуру посетили 560 тыс. туристов, в 1975 г. на международную выставку Okinawa Ocean Expo приехали около 1,5 млн гостей. С этого времени количество поездок увеличивалось в среднем на 1 млн каждые семь лет, достигнув в 2019 г. показателя в 9,47 млн человек. Однако туристическая отрасль демонстрирует крайнюю уязвимость перед внешними шоками, такими, например, как пандемия. В период первой волны коронавирусной инфекции в 2020 г. число туристов на Окинаве уменьшилось на 70,35 % (на 7 147 200 человек) по сравнению с пиковым 2019 г., а в 2021 г. впервые границы префектуры не пересек ни один иностранный турист⁷. Нельзя не отметить и тот факт, что масштабное развитие туристической отрасли оказывает огромное давление на водные ресурсы островов, и приводит к увеличению загрязнений и деградации окружающей среды.

Если говорить о месте военных баз в экономике префектуры, то в настоящее время доля «доходов от баз»⁸ в ВВП Окинавы ниже 5%. Но хотя базы генерируют занятость местного населения и создают спрос, они не могут считаться хозяйствующим субъектом, действующим по рыночным законам. По мнению губернатора Окинавы Тамаки Дэнни, возвращение земель, в настоящее время используемых под базы США, могло бы принести в казну префектуры доход в 900 млрд иен (6,9 млрд долларов), более чем в три раза выше, чем приносят базы на текущий момент, и трудоустроить в 9 раз больше человек, чем в настоящее время работает на базах⁹. Кроме того, высокая доля земель, принадлежащих военным, обуславливает самую высокую стоимость земли в Японии, за исключением районов Токио, Осака и Нагоя. Отсутствие правовых возможностей для доступа префектурального правительства к альтернативному использованию земли и ограниченные возможности развития урбанистической зоны сокращают перспективы Окинавы по диверсификации, а значит – и автономизации экономики. При этом, несмотря на неоднократные заявления представителей центрального правительства о том, что они желали бы видеть Окинаву более самостоятельной, очевидно их стремление к сохранению централизованной системы регионального управления, основанной на политике экономического стимулирования префектуры из центра, которая позволяет создать условия для стабильного функционирования там американских военных объектов.

Окинава – краеугольный камень японо-американского альянса

Потерпев поражение в Тихоокеанской войне, Япония на протяжении уже почти восьми десятков лет последовательно выступает союзницей Соединенных Штатов в АТР. В основе японо-американского альянса лежит Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности 1960 г., который предоставляет США право создавать военные базы и размещать

⁷ 沖縄を訪れた観光客 2021年は301万人.2年連続前年割れ.コロナ前の70%減、1991年と同じ水準 [Число посетивших Окинаву туристов составило 3,01 млн чел в 2021 г. Спад два года подряд, на 70% меньше, чем до пандемии, на уровне 1991 г.] // Окинава Таймс. 26.01.2022.

⁸ Данные доходы складываются из прибылей от сдачи в аренду земель, строительных работ, ремонта и обслуживания техники, продажи американским военным потребительских товаров, индустрии развлечений (кафе, баров, «кварталов красных фонарей»).

⁹ Okinawa marks 50 years since reversion from U.S. rule // The Japan Times. 15.05.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/05/15/national/okinawa-reversion-anniversary/> (дата обращения: 08.10.2022).

свои воинские контингенты на японской территории для обеспечения защиты страны от вооруженного нападения.

Основное бремя по выполнению условий японо-американского альянса с японской стороны, связанных с размещением американских военных объектов, несет префектура Окинава, «принимая у себя» 70,3% всех американских военных баз, расположенных на территории Японии. Наибольшая концентрация военных объектов наблюдается на территории о-ва Окинава, где они занимают 14,6% площади, в том числе земли сельхозназначения. Ряд авиабаз, включая самые крупные – Кадэна и Футэмма – расположены прямо в черте густонаселенных городов. В ведении американских военных находятся 29 акваторий, где не разрешается осуществлять коммерческое рыболовство и разведение морских водорослей, и 20 воздушных зон, используемых либо только американцами, либо ими же совместно с Силами самообороны Японии¹⁰. В префектуре дислоцируется 47 тыс. американских военнослужащих, членов их семей и обслуживающего персонала. С высокой концентрацией американских баз на Окинаве связывают целый ряд негативных для среды обитания последствий: загрязнение почвы и водоемов различными токсинами, повышенный уровень шума от боевых самолетов, угроза жизни и здоровью местных жителей в результате крушения военной техники или преступлений, совершаемых американскими военнослужащими.

Одной из главных целей широкомасштабного общественного движения за возвращение Окинавы в состав Японии¹¹, развернувшегося в период американской оккупации, была ликвидация или значительное сокращение там числа военных баз. Большинство принципиальных договоренностей, касающихся баз, было достигнуто в ходе встреч Никсон – Сато в 1969 г. Большим достижением считается то, что в совместном коммюнике закреплялось согласие США вывезти с Окинавы к моменту передачи островов весь ядерный арсенал [Стрельцов 2017, с. 607]. В остальном предполагалось, что США продолжат управлять своими объектами на Окинаве, которые, однако, теперь подпадают, как и прочие военные объекты США на основной территории Японии, под действие японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности. По положениям договора, правительство Японии берет на себя прямую ответственность (в том числе финансовую) за приобретение необходимых для этих объектов земель и ведет переговоры с землевладельцами.

В 1970 г. на основной территории Японии располагалось 149 военных объектов США, 32 из которых классифицировались как «крупные», включая 6 аэродромов, 2 военно-морские базы, 2 полигона для бомбометания, 6 складов боеприпасов и тактический полигон. На этих объектах было расквартировано 40 тыс. военнослужащих. В то же время на островах Рюкю (преимущественно на о. Окинава) размещалось 134 военных объекта, 19 из которых считались «крупными»: 3 военно-воздушные базы, 2 тактических полигона, 2 лагеря морской пехоты, большой логистический парк и прилегающий к нему порт, небольшая база ВМС. На этих объектах несли службу 45 тыс. человек. Таким образом, на Окинаве на менее чем 48% от общего числа американских объектов в Японии размещались 52% от общего количества американских военнослужащих. Сразу после возвращения, по данным на март 1973 г., на всей территории Японии, включая префектуру Окинава, располагалось 172 военных объекта США с общей площадью 548 335 кв. м. Из них 89 объектов на площади около 264 400 кв. м располагались на основной территории Японии, а 83 объекта на площади 283 870 кв. м – на Окинаве. Примечательно, что, если количество американских военных объектов на Окинаве сократилось по данным на тот момент на 44,8%, площадь занятых ими земель уменьшилась всего на 12,1% [Purves 2001, p. 74–75]. К настоящему времени площадь, занимаемая базами

¹⁰ Shomoji Yoshiro. Futenma: Tip of the Iceberg in Okinawa's Agony // The Asia-Pacific Journal. Vol. 9, Issue 43, № 3, October 24, 2011. <https://apjpf.org/2011/9/43/Yoshio-SHIMOJI/3622/article.html> (дата обращения: 21.02.2023).

¹¹ Сококу фукики ундо (祖国復帰運動, досл. «движение за возвращение на родину»).

США на Окинаве, уменьшилась на 30% по сравнению с 1972 г., (в 1972 г. базы занимали 28,66 гектара, а по состоянию на 2022 г. – 16,87 гектаров)¹².

За прошедшие с момента возвращения Окинавы 50 лет в регионе Северо-Восточной Азии произошли глобальные трансформации. В настоящее время самые серьезные опасения у правительства Японии вызывает наращивание вооруженной мощи Китая, который в новой Стратегии национальной безопасности Японии, принятой в декабре 2022 г., представлен как «самый беспрецедентный стратегический вызов» для Японии за всю ее послевоенную историю¹³. Откровенная демонстрация КНР своей военной силы в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, неоднократные вторжения в воздушные и морские пространства спорных островов Сэнкаку (Дяоюйдао), резкая эскалация обстановки вокруг Тайваня вынуждает Японию усиливать военное сотрудничество с США. В этих обстоятельствах стратегическая значимость островов Рюкю в силу их географической близости к Тайваню вновь становится крайне важной в деле обеспечения национальной безопасности Японии. В начале января 2023 г. японские и американские дипломатические источники заявили о намерении разместить на Окинаве подразделение быстрого реагирования корпуса морской пехоты для защиты отдаленных островов юго-западной Японии. К 2026 г. в рамках реорганизации корпуса морской пехоты в префектуре на фоне активизации военной деятельности Китая в Восточно-Китайском море планируется подготовить морской литоральный полк (Marine Littoral Regiment, MLR)¹⁴. Состоящие из примерно 1800–2000 человек на единицу, оснащенные морскими ударными ракетами, установленными на беспилотных вариантах легких тактических машин, эти подразделения способны быстро развертывать небольшие группы морских пехотинцев для создания опорных пунктов против атакующих врагов.

Процесс дальнейшей милитаризации префектуры, затронувший и самые удаленные группы островов Яэяма и Мияко, происходит в том числе и за счет размещения подразделений Сил самообороны Японии. С 2016 г. на них были развернуты несколько дополнительных наземных и военно-воздушных частей, включающих подразделение ВВС в Наха и подразделение наблюдателей на о. Ёнагуни в 2016 г., группу обнаружения воздушных целей и наведения средств ПВО в г. Наха в 2017 г., базы сухопутных сил на о-вах Амами и Мияко – в 2019 г., противокорабельную ракетную защитную батарею на о. Мияко в 2020 г. В 2022 г. запланировано разместить на о. Исигаки подразделение противовоздушной и противокорабельной обороны вместе с 570 пехотинцами¹⁵.

В общественных кругах Окинавы, хотя и признают всю серьезность сложившейся в регионе геополитической ситуации, особенно обострившейся после начала российской СВО на Украине, не верят в эффективность размещения крупной вооруженной группировки на своей территории, в возможность военных защитить мирное население в случае начала боевых действий, справедливо полагая, что Окинава с плотной концентрацией военных объектов и живой силы станет главной мишенью для удара противника. Празднование 50-летней годовщины возвращения Окинавы проходило под эгидой демилитаризации и удаления американских баз с острова. В интервью 9 мая 2022 г., посвященном возвращению Окинавы, губернатор префектуры Тамаки Дэнни отмечал: «В момент возвращения Окинава надеялась, что бремя баз будет снижено хотя бы до среднего по Японии уровня, но и сегодня

¹² 沖縄復帰50年。 県内総生産10倍に。なお本土と経済格差。米軍施設は依然集中。データで見る沖縄の半世紀 [50 лет после возвращения Окинавы. ВВП префектуры вырос в 10 раз] // Санкэй. 05.05.2022.

¹³ National Defense Strategy. December 16, 2022. https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (дата обращения: 07.06.2023).

¹⁴ U.S. Marines to set up unit in Okinawa for defense of remote Japanese islands // The Japan Times. 10.01.2023. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/10/national/okinawa-unit-marines/>. (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁵ As tensions in East Asia mount, Japan looks to beef up Okinawa defense // The Japan Times. 1.03.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/03/01/national/nansei-islands-sdf-explainer/> (дата обращения: 12.06.2022).

ситуация далека от желаемой»¹⁶. В отсутствии прогресса в решении проблемы он обвиняет сложившийся алгоритм принятия решений, когда все вопросы обсуждаются в двустороннем формате США – Япония, а местное правительство «выпадает» из процесса. Д. Тамаки также прокомментировал рост общественной поддержки усилий правительства по укреплению национальной обороны на волне украинского кризиса и высказал на этот счет свою озабоченность: «Для изменения статус-кво была применена сила... Использование еще большей силы для противостояния может вызвать неожиданный конфликт. Мы, безусловно, должны избежать сценария, при котором Окинава станет мишенью, или любых действий, которые могут увеличить эти риски»¹⁷.

13 мая 2022 г. Окинавская префектуральная ассамблея провела специальную сессию, посвященную 50-летней годовщине возвращения под административный контроль Японии. Впервые в истории было принята декларация о намерении с обращением к премьер-министру, кабинету министров и лидерам верхней и нижней палат парламента Японии. В декларации, в частности, говорилось: «Неизменно придерживаясь решения никогда больше не вступать в войну, мы будем создавать сильную экономику, основанную на принципах независимости. Мы превратим Окинаву в префектуру, жители которой будут процветать... Мы вновь заявляем, что будем упорно работать на развитие нашего общества и добиваться снижения бремени баз, в том числе путем предотвращения инцидентов, связанных с присутствием американских военных». В документе содержатся призывы к правительству Японии закрыть и передать Окинаве базу Футэмма, значительно сократить и оптимизировать американский обслуживающий персонал, фундаментально переработать японо-американское Соглашение о статусе вооруженных сил¹⁸. Достижение экономической независимости связывается в том числе и с использованием земель, освобожденных от баз, а также с созданием новых индустрий, которые вносили бы вклад в процветание Японии как морской державы¹⁹.

Позиция правительства Японии по проблеме американских баз на Окинаве остается практически неизменной на протяжении нескольких десятилетий. Так, на торжественной церемонии, посвященной 50-летию возвращения, премьер-министр Кисида Фумио признал тяжесть той ноши, которую длительное время несет Окинава, принимая множество военных баз, и заверил, что «будет неуклонно добиваться видимых результатов по снижению этого бремени, одновременно поддерживая политику сдерживания, которую обеспечивает японо-американский альянс». По поводу слабости экономики региона, где среднедушевой доход остается самым низким в Японии, Ф. Кисида сказал, что правительство «будет работать над тем, как раскрыть максимальный потенциал Окинавы и воплотить в жизнь сильную экономику Окинавы»²⁰.

Однако, как указывалось выше, высокая доля правительственных субсидий в бюджете префектуры тесно связана с присутствием на Окинаве баз США. Еще в подготовленной в 1984 г. Исследовательским отделом Банка Рюкю «Послевоенной экономической истории Окинавы» отмечалось, что экономическая политика правительства Японии в отношении Окинавы зиждется на постулате о том, что сохранение на территории префектуры

¹⁶ Masakazu Umeda. Okinawa's military presence still exceeds Japan's—Interview with Gov. Tamaki on reversion: economy “halfway there” // Ryukyu Shimpō. 10.05.2022. <http://english.ryukyushimpō.jp/2022/05/17/34677/> (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁷ Masakazu Umeda. Okinawa's military presence...

¹⁸ SOFA – Status of Forces Agreement – Соглашение о статусе вооруженных сил – договор, определяющий правовое положение вооруженных сил, размещенных на территории другого государства.

¹⁹ Okinawa Prefectural Assembly Approves Written Opinion on 50th Anniversary of Okinawa's Reversion // Ryukyu Shimpō. 10.05.2022. <http://english.ryukyushimpō.jp/2022/05/17/34674/> (дата обращения: 14.07.2022).

²⁰ Okinawa marks 50 years since reversion from U.S. rule // The Japan Times. 15.05.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/05/15/national/okinawa-reversion-anniversary/> (дата обращения: 08.10.2022).

баз ВС США является абсолютным условием получения префектурой экономической поддержки, и что данная политика не изменилась и по сей день. Наглядным примером служит тянущаяся с 1996 г. история с переносом авиабазы Футэмма (г. Гинован) в р-н бухты Хэноко г. Наго. В зависимости от позиции префектуры правительство Японии использует метод кнута и пряника, увеличивая или уменьшая сумму бюджетных ассигнований. Так, когда в 2012–2013 гг. губернатор Окинавы Накаима Широкадзу поддерживал перемещение базы Футэмма в Хэноко, правительство Японии специально акцентировало интересы Окинавы при подготовке бюджета на 2014 фин. г. и заявило о намерении выделять ежегодно до 300 млрд иен на развитие Окинавы на период до 2021 г. Однако, когда в 2014 г. губернатором Окинавы был избран Онага Такэси, выступавший против релокации базы, власти Японии начали последовательно сокращать бюджет на развитие Окинавы (рис. 1). При губернаторе Д. Тамаки²¹, продолжающем курс Т. Онага, в 2022 г. впервые за последнее десятилетие уровень финансовой поддержки префектуры упал ниже уровня 300 млрд иен, составив 268,4 млрд иен.

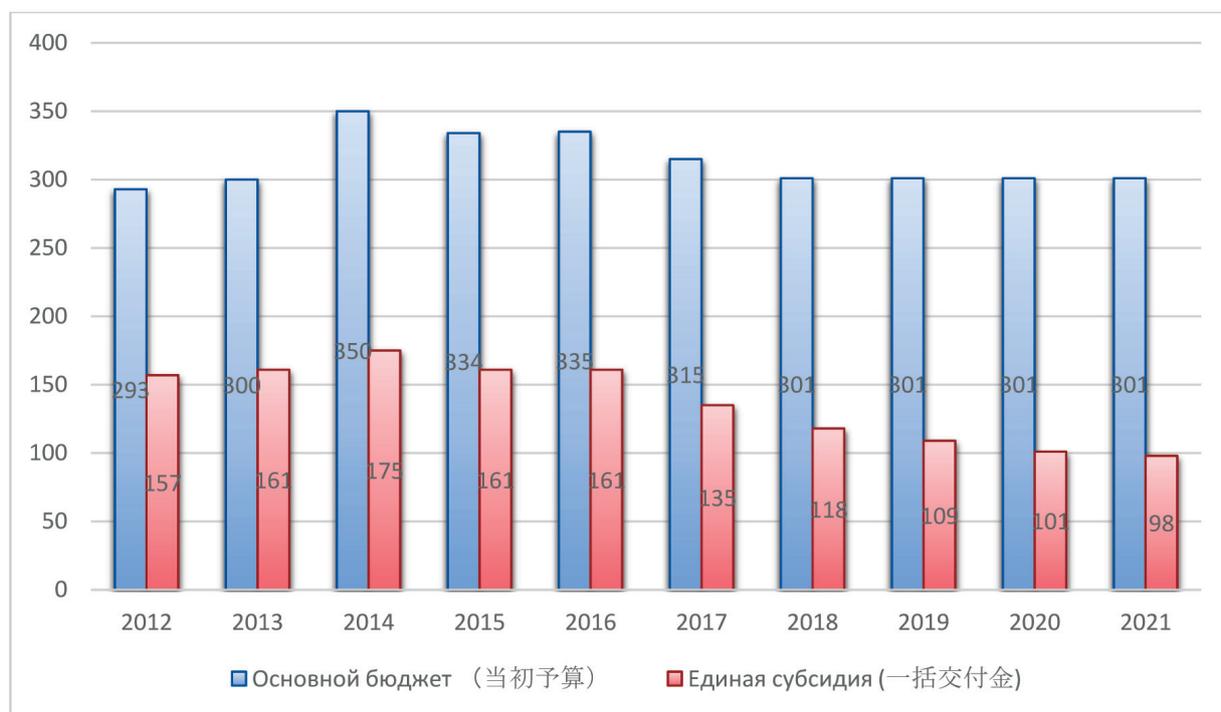

Рис. 1. Динамика финансовой поддержки Окинавы со стороны правительства Японии в зависимости от политических взглядов действующих губернаторов Окинавы (2012–2021 гг.), млрд иен²².

Составлено по: 沖縄の一括交付金が最少981億円。内閣府の概算要求総額は108億円減り2998億円 [Единая субсидия для Окинавы составляет не менее 98,1 млрд иен. Общий бюджетный запрос Кабинета министров сократился на 10,8 млрд иен до 299,8 млрд иен] // Окинава Таймс. 01.09.2021.

²¹ Тамаки Дэнни был переизбран на второй срок, одержав победу в губернаторских выборах в сентябре 2022 г. Он получил новый мандат за свои усилия по ликвидации плана по перемещению базы Футэмма в пределах префектуры. Д. Тамаки, поддержанный оппозицией, победил бывшего мэра Гинован Ацуси Сакиму, 58 лет, которого поддерживала правящая коалиция Либерально-демократической партии и Комэйто. А. Сакима выступал за релокацию Футэмма из г. Гинован в район Хэноко.

²² Х. Накаима был губернатором Окинавы в 2006–2014 гг., Т. Онага – в 2014–2018 гг., Д. Тамаки – с 2018 г. по настоящее время; выиграл очередные выборы в сентябре 2022 г.

Общественное мнение Окинавы о возвращении, военных базах и будущем префектуры

Выступая во время американской оккупации единым фронтом в борьбе за возвращение Окинавы под юрисдикцию Японии, окинавцы надеялись, что они вернут себе возможность управлять собственной территорией, обретут все права, гарантированные японской конституцией, но самое главное – смогут избавиться от военных баз. Множество опросов общественного мнения, проведенных в период между подписанием коммюнике Никсон – Сато (1969 г.) и возвращением в состав Японии (1972 г.), показали, что подавляющее большинство окинавцев желают быть под управлением Японии. В то же время, как свидетельствовал опрос, организованный канцелярией премьер-министра в 1969 г., 4/5 жителей основной территории Японии также хотели бы скорейшего возвращения Окинавы [Mendel 1975, p. 399]. Данные опроса, проведенного газетой «Асахи симбун» (опрос проводился и на основной территории Японии, и на Окинаве в сентябре 1969 г.), продемонстрировали равную степень поддержки идеи возвращения, но более сильно выраженную неприязнь в отношении Договора безопасности с США на Окинаве, чем на основной территории Японии²³. Реакция на конкретные условия Соглашения о возвращении (сохранение баз на территории префектуры, выплата японским правительством компенсации в размере 320 млн долл. за американские объекты, неясность с конкретными обязательствами по выводу ядерного оружия и других опасных видов вооружений) была противоречивой, но проведенный в ноябре 1969 г. газетой «Майнити симбун» опрос показал, что 80% окинавцев в целом поддерживают соглашение. Этому не противоречили и данные газеты Japan Times – 32% островитян были частично разочарованы соглашением, и 11% – полностью недовольны им [Mendel 1975, p. 399]. Тем не менее, в обществе Окинавы доминировало стремление к демилитаризации островов. В ходе опроса, проведенного телерадиовещательной корпорацией NHK на Окинаве в августе 1972 г., 62% респондентов высказались за полное удаление всех баз либо немедленно, либо поэтапно в течение нескольких лет, 19% выступили за сокращение их количества, и только 8% желали бы их сохранения на нынешнем уровне или даже создания новых объектов. Более половины респондентов выразили опасение, что США сохранят здесь ядерное оружие, несмотря на уверения официальных властей в обратном. 56% опрошенных полагали, что американские базы наносят вред Окинаве, и только 7% признавали пользу от их присутствия, а 19% респондентов были уверены, что без них нельзя обойтись в деле защиты Японии [Mendel 1975, p. 407].

Несмотря на идейный лозунг о воссоединении с «родиной» (祖国), окинавцы осознавали собственную культурную идентичность. Об этом свидетельствуют данные исследования газеты «Майнити симбун», проведенного в начале апреля 1971 г. В ходе опроса как жители основной территории, так и окинавцы согласились с утверждением о том, что паттерны их мышления и поведения различаются, и предположили, что понадобится от трех до десяти лет, чтобы они смогли полностью понимать друг друга. Большинство окинавцев (71%) придерживались мнения о том, что японцы не знают всех трудностей, которые им пришлось вынести за период оккупации, многие также полагали, что и до войны правительство страны игнорировало потребности и желания жителей префектуры и что оно вполне может действовать подобным образом и в будущем. Почти 90% респондентов заявили о необходимости сохранить окинавские культурные традиции, и почти такой же процент опрошенных высказал опасение о том, что после возвращения в префектуру придет крупный японский бизнес, который скупит землю и местные компании [Mendel 1975, p. 400]. Очевидно, что, несмотря на искреннее желание вернуться под контроль Японии, окинавцы испытывали двойственное отношение

²³ Только 24% окинавцев полагали, что Договор безопасности служит интересам Японии, в отличие от 37% японцев; не определились в этом вопросе 39% окинавцев против 24% японцев.

к правительству страны и японцам в целом, и не стремились отказываться от собственной идентичности.

Сложные экономические условия, в которых проходило возвращение, обуславливали определенный пессимизм окинавцев в отношении будущего развития префектуры. В мае 1972 г. NHK провела опрос, согласно которому 38% опрошенных ожидали, что Токио приложит все усилия для улучшения жизни на Окинаве, в то же время 46% выразили на этот счет свои сомнения. Вопрос о том, будет ли Окинава в будущем процветать, вызвал неоднозначную реакцию, но только 17% респондентов высказались в пользу того, что наибольший вклад в решение этой задачи должны сделать сами жители префектуры, тогда как 50% полагали, что все обязанности по развитию префектуры, либо значительную их часть должно взять на себя правительство Японии [Mendel 1975, p. 401]. Спустя год менее половины окинавцев (45%) верили, что Окинава сможет «стоять на собственных ногах» в будущем, в то время как жители «основной территории» были гораздо более оптимистичны в этом отношении – 67% высказались «за» [Mendel 1975, p. 404].

Пессимистичный настрой сохранялся и к моменту пятой годовщины возвращения. Согласно опросам, проведенным местными газетами в 1977 г., только 40% жителей Окинавы отнеслись к этому событию позитивно, и 55% заявили, что оно «не оправдало их ожидания». [Eldridge 2004, p. 19]. Окинавцы высказывали неудовлетворенность ростом цен, в том числе на землю, высоким уровнем безработицы и преступности, качеством медицинского обслуживания, уровнем обеспеченности жильем, возможностями найти хорошую работу.

Однако масштабные усилия, предпринятые правительством по развитию Окинавы, принесли свои плоды, и в период празднования тридцатой годовщины возвращения (2002 г.) его итоги положительно оценивали 87% жителей префектуры, отрицательно – лишь 4%²⁴. [Teruya 2003, p. 25–26]. По результатам опросов газет «Окинава таймс» и «Рюкю симбун» об отношении окинавцев к вопросу о передислокации американских военных баз по территории префектуры общественное мнение разделилось следующим образом: положительно к такой возможности отнесли 19% жителей, отрицательно 69%, и не ответили на этот вопрос – 1,2% окинавцев [Teruya 2003, p. 26]. На вопрос: «Что вы думаете о переносе базы Футэмма?», жители префектуры ответили следующим образом: «необходимо срочно осуществить перенос»²⁵ – 21,7%, «безоговорочно демонтировать» без других вариантов решения проблемы – 18,9%, «передислоцировать в другой район префектуры»²⁶ – 6,4%; «вывести за пределы страны» – с27,1%; «не знаю» – 12%, прочее – 4%. Положительно к переносу базы на «основную территорию» отнеслось 48% окинавцев, отрицательно – 40%. Примечательно, что на основной территории страны за подобный сценарий высказались 29% японцев и против – 58%. 90% жителей префектуры заявили о необходимости принятия нового Соглашения о статусе вооруженных сил, и только 6% посчитали достаточным выработать более адекватные механизмы применения действующего Соглашения [Teruya 2003, p. 27–28].

В преддверии пятидесятой годовщины возвращения Окинавы газета «Рюкю симпо» вместе с «Майнити симбун» также провели традиционный опрос общественного мнения среди жителей Окинавы и основной территории по вопросам оценки возвращения и отношения к базам. На предложение выразить свое отношение к факту возвращения Окинавы в состав Японии 92% окинавцев сказали, что это было «хорошо», либо «в какой-то степени хорошо». Среди респондентов остальных регионов ответ «хорошо» выбрали 80% опрошенных, «в какой-то степени хорошо» – 15%. По поводу высокой концентрации на Окинаве американских баз в Японии 61% окинавцев ответили, что это «несправедливо», в то время как на основной

²⁴ По данным опросов, проведенных 25–26 апреля 2002 г. газетами «Окинава Таймс» и «Асахи симбун».

²⁵ Имеется в виду перенос в район Хэноко в соответствии с принятой «дорожной картой» передислокации.

²⁶ Не в Хэноко.

территории Японии с этим согласились только 40% респондентов. Против предложения перенести базы из Окинавы на территорию их проживания высказались 52%, поддержали эту идею только 23% опрошенных с основной территории страны. Что касается проблемы базы Футэмма, 54% окинавцев высказались за ее вывод за пределы Окинавы и Японии, тогда как меры по реализации плана правительства по переносу базы внутри острова Окинава поддержали 36% островитян. На основной территории 46% респондентов высказались против передислокации базы с Окинавы, в то время как 37% поддержали ее. 71% окинавцев выступили за кардинальный пересмотр японо-американского Соглашения о статусе вооруженных сил США в Японии; 13% выбрали ответ «не нужно менять соглашение, необходимо исправить механизм его реализации». В остальных регионах Японии в поддержку пересмотра Соглашения высказались 55% опрошенных, а 15% – хотели бы внести изменения в исполнение существующего соглашения²⁷.

Не менее интересными, на наш взгляд, являются результаты опроса общественного мнения, проведенного во всей Японии и отдельно на Окинаве газетой «Йомиури симбун» в марте – апреле 2022 г., также приуроченного к 50-летию юбилею возвращения префектуры в состав Японии. Примечательно, что отношение японцев к вопросу о размещении на территории Окинавы военных баз США и их отношение к самим США в целом отличаются. Так, 17% жителей Окинавы «ощущают симпатию» по отношению к США, и 47% «скорее ощущают симпатию». В то же самое время 83% окинавцев недовольны размещением военных объектов США на своей территории, и считают, что Окинава несёт несправедливо бóльшую по сравнению с остальной Японией часть нагрузки по союзническим обязательствам с США. Отношение к КНР, стране, которую Япония в последнее время позиционирует как одну из основных угроз своей национальной безопасности, на Окинаве резко отрицательное – только 1% респондентов заявили о симпатии к Китаю, а 49% – об отсутствии симпатии, и об относительном ее отсутствии – 37%. Показательно, что из всех жителей, участвовавших в опросе, 57% респондентов определили свою этническую принадлежность как «окинавцы» (*утинантю*) 沖縄の人 (ウチナーンチュ), 16% – как «японцы» (日本人), 26% – как «в равной степени обладающие двумя этническими идентичностями»²⁸.

Несмотря на то, что опросы общественного мнения показывают очень высокую степень одобрения факта возвращения Японии прав на Окинаву, в префектуре существуют и прямо противоположные точки зрения. Ассоциация комплексных исследований независимости Лючюсцев (琉球民族独立総合研究学会)²⁹ 6 июня 2022 г. разместила на своем официальном сайте³⁰ обращение ко всем рюкюсцам, в котором возвращение трактуется как «повторная аннексия Рюкю Японией». Авторы обращения указывают, что 150 лет назад (в 1872 г.) Япония начала настойчивую кампанию по превращению независимого королевства Рюкю в японское княжество, которая закончилась в 1879 г. насильственной аннексией (колонизацией) и провозглашением префектуры Окинава. С этого момента Япония развязала череду агрессивных войн, закончившихся ее поражением в ходе битвы за Окинаву. Снять режим послевоенной

²⁷ Ikeda Teppei. In joint survey conducted by the Ryukyu Shimpō and Mainichi Shimbun, 61% of Okinawans think the concentration of bases in Okinawa “unfair,” while only 40% of people nationwide agree // Ryukyu shimpō. 10.05.2022. <http://english.ryukyushimpō.jp/2022/05/12/34661/> (дата обращения: 19.05.2022).

²⁸ 2022年3~4月郵送全国世論調査「沖縄復帰50年」[Общенациональный опрос по почте в марте-апреле 2022 г. «50 лет после возвращения Окинавы»]. <https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20220512-OYT1T50258/> (дата обращения: 10.03.2023.)

²⁹ Создана 15 мая 2013 г. Лючю (яп. Рюкю) – историческое название архипелага Нансэй. В древности китайцы все острова, лежащие между Японией и Филиппинами, называли Лючю, разделяя их на Большой Лючю (собственно Рюкю) и Малый Лючю (Тайвань).

³⁰ 琉球民族独立総合研究学会 (ACSILs) 声明文・呼び掛け文 [Декларация/Петиция Ассоциации комплексных исследований независимости Лючюсцев] // ACSILs.org. 6.06.2022. <https://drive.google.com/file/d/1IHV-xwPpqVsgOVgdPyR24IDUmo0IFP1/view>

оккупации Япония смогла за счет передачи Рюкю США, превративших острова в свою военную базу. Затем, в 1972 г., Япония вновь аннексировала острова Рюкю (так называемое возвращение), заключив секретное соглашение с правительством США, предусматривающее «возвращение ядерного оружия на Окинаву в случае чрезвычайной ситуации и максимально свободное использование военных баз США на Окинаве в течение неопределенного периода времени».

По словам авторов петиции, «на протяжении всех 150 лет, начиная с 1872 г., рюкюсцев обманывали, убивали, иногда уговаривали, и всегда доминировала Япония, а после 1945 г. к ней присоединились США, и образовалась структура японского рабского послушания США. Япония – не родина сококу (祖国) для рюкюсцев, чьи этнические корни – на островах Рюкю. Япония не является для рюкюсцев ни «основной территорией» *хондо* (本土), ни «внутренними землями» *найти* (内地). Для рюкюсцев родина – Королевство Рюкю (琉球王国) (или любой из его островов), и основная территория для них – это острова Рюкю. За прошедшие 50 лет ситуация с базами ВС США стала только хуже, и дело не только в них – настоящего «возвращения» так и не произошло, Окинава по-прежнему остается колонией централизованного государства Японии. Как полагают авторы обращения, единственный способ решить проблему – предоставить Окинаве независимость. «Для Рюкю движение за независимость – это движение за деколонизацию, за восстановление суверенитета и прав человека, за возвращение мирных и процветающих островов, которые были у нас украдены»³¹. Как полагают авторы обращения, они представляют не антияпонское или антиамериканское движение, а независимость Рюкю не означает для них изоляции. По мнению авторов документа, только признав независимость (деколонизацию) островов Рюкю, США и Япония смогут стать их равноправными партнерами и подлинными друзьями.

Заключение

Возвращение административных прав на Окинаву Японии считается редким случаем мирного возврата территории, утраченной в результате военного поражения. За прошедшие 50 лет японские власти вложили немало сил и средств в интеграцию Окинавы, и хотя добились впечатляющих результатов, главные проблемы региона остаются нерешенными. С одной стороны, современная Окинава – один из самых экономически процветающих регионов в Восточной Азии, среднедушевой доход местных жителей выше, чем в любой стране АТР, за исключением Сингапура. Но успехи развития префектуры сложно оценить только в сравнении с базовыми показателями по всей Японии, а статистика социальной инфраструктуры, безработицы, доходов и зависимости от субсидий показывает заметно худшие цифры, чем где-либо в стране. Не удастся в полной мере преодолеть структурную слабость экономики Окинавы, опорой которой составляют строительство общественных инфраструктурных объектов, туризм и американские военные базы, все чаще воспринимающиеся как значительное препятствие для экономического развития префектуры. Финансовая зависимость от Токио порождает коррупцию и пассивность, блокирует возникающие на местах инициативы по планированию самостоятельного развития. При этом финансовая поддержка со стороны правительства Японии прямо или косвенно связана с содержанием военных баз. Правительство Японии, озабоченное гарантиями стабильности американского военного присутствия в префектуре, опасается роста сепаратистских настроений по мере роста уровня экономической самостоятельности префектуры.

³¹ Декларация/Петиция Ассоциации комплексных исследований независимости Рюкюсцев.

Помимо нагрузки на экономику, американские военные объекты оказывают негативное влияние на экологию Окинавы, представляя угрозу здоровью и безопасности местных жителей. И то обстоятельство, что Япония фактически отказывается избавить Окинаву от этого бремени, или хотя бы значительно сократить его, разделив между остальными префектурами, является для окинавцев сильным поводом для разочарования. Прошло пятьдесят лет с момента возвращения, а они до сих пор не добились главной цели – *хондо нами* (本土並み) («встать в один ряд с основной территорией Японии»). В окинавском обществе присутствует осознание того, что Япония будет готова вновь принести Окинаву в жертву и превратить ее в поле боя в случае возникновения военного конфликта. Перспектива такого конфликта становится все более реальной по мере наращивания военной мощи Китая, эскалации обстановки вокруг Тайваня и активного вмешательства в этот процесс США. Япония является в этих условиях ключевым игроком в американской стратегии интегрированного сдерживания Китая в Индо-Пацифике, что в свою очередь приводит к дальнейшей милитаризации Окинавы.

Стремление избавиться от навязанной роли «форпоста в Тихом океане» в определенной степени влияет и на общественные настроения в префектуре. Позитивно оценивая сам факт возвращения, окинавцы подчеркивают, что хотели бы видеть свои острова «мирными» и «процветающими». Они сохраняют собственную этническую идентичность, которая и сегодня подпитывает сепаратистские настроения среди части окинавского общества. Большинство же окинавцев не поддерживает фактическое отделение от Японии, но выступает за широкую автономизацию, приобретение права самим определять траекторию своего будущего развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Стрельцов Д.В. Проблема возвращения Окинавы в японо-американских отношениях послевоенного периода // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №3. С. 598–611.

REFERENCES

Streltsov, D.V. (2017). The Problem of Reversion of Okinawa in the US-Japan Postwar Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 598–611. (In Russian).

* * *

Eldridge, R. (2004). *Post-Reversion Okinawa and U.S.-Japan Relations. A Preliminary Survey of Local Politics and the Bases, 1972-2002*. U.S.-Japan Alliance Affairs Division; Center for International Security Studies and Policy; School of International Public Policy, Osaka University.

Mendel, D.H. Jr. (1975). Okinawan Reversion in Retrospect. *Pacific Affairs*, 48 (3), 398–412.

Purves, J. M. (2001). *Island of Military Bases: A Contemporary Political and Economic History of Okinawa*. Japan, Okinawa Prefecture, electronic book.

Takara, K. (2017). *Okinawa mondai: riarizumu-no shiten kara*. [Problem of Okinawa From the Realistic Point of View]. Tokyo: Chuokouron Shinsha. (In Japanese).

Teruya, K. (2003). *Uchinanchu tokidoki nihonjin* [Uchinanchu Sometimes Are Japanese]. Okinawa: Yuishuppan. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 14.03.2023

Received: 14.03.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-87-104

Открывая новые страницы истории: донесения германских военных атташе из Японии в 1937–1941 гг.

В.В. Захаров, Т.Ю. Тимофеева

Аннотация. Статья посвящена военно-политическим событиям на Дальнем Востоке в преддверии и в начале Второй мировой войны, а именно – германо-японским отношениям. Сближение Германии и Японии в этот период имело серьезную геополитическую причину и таковой стало отношение обеих стран к Советскому Союзу. Именно он являлся общей военно-политической целью и для нацистской Германии, и для императорской Японии. Наличие такого внешнего врага и привело к созданию германо-японского военно-политического союза, который, однако, так и не смог преодолеть ни географическую отдаленность обеих стран друг от друга, ни настороженного отношения партнеров к взаимным амбициям в азиатско-тихоокеанском регионе. Огромную роль в развитии военно-политических отношений между Германией и Японией сыграли их военные дипломаты, действовавшие в Токио и Берлине. Военно-политическое сотрудничество между двумя странами не прекращалось вплоть до апреля 1945 г. и выразилось не только в заключении двусторонних соглашений, контактах с высшим руководством Германии и Японии и обмене разведывательной информацией, но также и в организации военных поставок, которые, впрочем, не имели сколько-нибудь серьезного значения. Центральное место в статье занимает анализ отчетов и донесений германских военных атташе, аккредитованных при германском посольстве в Токио. Эти документы отложились в трофейных архивных фондах, которые хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Большая часть этих документов посвящена обзорам боевых действий в ходе японо-китайской войны, а также характеристике вооруженных сил Японии и армии центрального правительства Китая (Гоминьдана). Часть материалов содержит разведывательную информацию о Красной Армии и советской военной группировке на Дальнем Востоке. Авторы не ставили перед собой цель воссоздания полной картины военно-политического сотрудничества между Германией и Японией в предвоенный период и в годы Второй мировой войны, а ограничились анализом отражения этой темы в донесениях германских военных атташе из Токио.

Ключевые слова: военный атташе, донесение, Вторая мировая война, германо-японские отношения, архивные материалы.

Авторы: *Захаров Владимир Владимирович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 119191, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13 / IV гуманитарный корпус). ORCID: 0000-0002-8193-6614; E-mail: wwsach@gmail.com

Тимофеева Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Центра междисциплинарных польских исследований Европейского университета Виадрины (адрес: 15230, г. Франкфурт-на-Одере, Гроссе Шарнштрассе 23а). ORCID 0000-0003-1325-5910; E-mail: vladimirka5252@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Захаров В.В., Тимофеева Т.Ю. Открывая новые страницы истории: донесения германских военных атташе из Японии в 1937–1941 гг. // Японские исследования. 2023. № 2. С. 87–104. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-87-104

Opening new pages of history: Reports of German military attachés from Japan in 1937–1941

V.V. Zakharov, T.Y. Timofeeva

Annotation. The article is devoted to military and political events in the Far East on the eve and at the beginning of World War II, namely, German-Japanese relations. The rapprochement of Germany and Japan during this period had a serious geopolitical reason, which consisted in the attitude of both countries towards the Soviet Union. It was a common military and political goal for both Nazi Germany and Imperial Japan. The presence of such an external enemy led to the creation of a German-Japanese military-political alliance, which, however, could not overcome the geographical remoteness of both countries, as well as the partners' wary attitude towards mutual ambitions in the Asia Pacific region. A huge role in the development of military-political relations between Germany and Japan was played by their military diplomats operating in Tokyo and Berlin. Military-political cooperation between the two countries did not stop until April 1945 and was represented not only by the conclusion of bilateral agreements, contacts with the top leadership of Germany and Japan, and the exchange of intelligence information, but also by the organization of delivery of military supplies, which, however, did not have any real significance. Central to the article is the analysis of reports of German military attachés accredited to the German embassy in Tokyo. These documents are deposited in the captured archival funds, which are stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Most of these documents are reviews of military operations during the Sino-Japanese War, as well as data on the armed forces of Japan and the army of the central government of China (Kuomintang). Some of the materials contain intelligence information about the Red Army and the Soviet military forces in the Far East. The Authors did not set themselves the goal of recreating the full picture of military-political cooperation between Germany and Japan in the pre-war period and during the Second World War, but rather limited themselves to analyzing the reflection of this topic in the reports of German military attachés from Tokyo.

Keywords: military attaché, report, Second World War, German-Japanese relations, archive materials.

Authors: **Zakharov Vladimir Vladimirovich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (address: 119191, Moscow, Leninskie Gory 1, p. 13 / IV Humanitarian Building). ORCID: 0000-0002-8193-6614; E-mail: wwsach@gmail.com

Timofeeva Tatiana Yurievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, researcher at the Center for Interdisciplinary Polish Studies of the European University Viadrina (address: 15230, Frankfurt on the Oder, Grosse Scharnstrasse 23a). ORCID 0000-0003-1325-5910; E-mail: vladimirka5252@gmail.com

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interest.

For citation: Zakharov V.V., Timofeeva T.Y. (2023). Otkryvaya novye stranitsy istorii: doneseniya germanskikh voennykh attashe iz Yaponii v 1937–1941 gg. [Opening new pages of history: Reports of German military attachés from Japan in 1937–1941]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 2, 87–104. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-87-104

Введение

Сложно объяснить тот факт, что чем больший исторический отрезок времени отделяет нас от Второй мировой и Великой Отечественной войн, тем больше «белых пятен» выявляется при изучении этих эпохальных событий, определивших судьбы всего мира на многие десятилетия вперед. К таковым можно отнести и «дальневосточную составляющую» минувшей войны, которая традиционно находилась на периферии внимания советских и российских историков, ведь основным объектом их изучения всегда оставалось военное противостояние между СССР и нацистской Германией. Поэтому изучение военно-политических отношений между Японией и Германией в предвоенный период и в годы Второй мировой войны до сих пор является актуальной задачей. Например, китайские историки считают, что, фактически, Вторая мировая война началась в 1937 г. вторжением японской армии в Центральный Китай и именно там «находился главный восточный фронт Второй мировой войны» [Ван Ци, Кулик, Смирнова 2017, с. 37].

Отношения между Японией и Германией в 1920-е – 1930-е гг. развивались достаточно неоднородно, между Германией и Японией существовали противоречия экономического и геополитического характера. Главным из них, в частности, являлся Китай, в котором Германия продолжительное время была заинтересована, воспринимая его как основного торгового и политического партнера в Азии [Милеев 2017, с. 80]. Тем не менее, германо-японское сближение имело серьезную геополитическую причину, и таковой стало, прежде всего, отношение обеих стран к Советскому Союзу. Именно СССР в этом регионе являлся общей военно-политической целью для обеих стран – нацистской Германии и императорской Японии. Наличие такого внешнего врага и послужило причиной образования военно-политического союза между Германией и Японией, который, однако, так и не смог преодолеть ни географическую отдаленность стран друг от друга, ни настороженного отношения к взаимным амбициям и другим целям в АТР.

Важнейшими вехами на пути ускоренного формирования этого союза стало заключение в 1936 г. т. н. Антикоминтерновского пакта¹, а позднее и Тройственного пакта², которые политически цементировали стратегические цели обеих стран. Однако, если говорить о фактической стороне дела, то военно-политический союз между Германией и Японией в первую очередь заключался во взаимном обмене разведывательной информацией об СССР, а также, в меньшей степени, о Великобритании и США. И здесь огромную роль сыграли военные дипломаты обеих стран, действовавшие в Токио и Берлине. Далеко не случайно японский военный атташе в Берлине Осима Хироси и германский военный атташе в Токио Ойген Отт впоследствии стали полномочными послами в странах их дипломатического пребывания. Военно-политическое сотрудничество между двумя странами не прекращалось вплоть до апреля 1945 г. и выражалось не только в заключении двусторонних соглашений, контактах с высшим руководством Германии и Японии и обмене разведывательной информацией, но также и в организации военных поставок, которые, впрочем, не имели сколько-нибудь серьезного значения в силу географической отдаленности обеих стран друг от друга – расстояние между Германией и Японией по прямой составляет свыше 9 тыс. км.

¹ «Антикоминтерновский пакт» или «Японо-германское соглашение по обороне от коммунизма» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Он был направлен против Коммунистического интернационала (Коминтерна) с целью не допустить дальнейшего распространение коммунистической идеологии в мире. До декабря 1941 г. к пакту присоединились Италия, Испания и ряд других стран, шедших в фарватере внешнеполитического курса нацистской Германии.

² Тройственный пакт, известный также как Берлинский пакт – это международный договор, заключенный 27 сентября 1940 г. между странами – участниками «Антикоминтерновского пакта»: Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Он предусматривал разграничение зон влияния между ними при установлении нового мирового порядка и военную взаимопомощь. Германии и Италии предназначалась ведущая роль в Европе, а Японской империи – в Азии.

В силу перечисленных выше обстоятельств, данная статья посвящена деятельности немецких военных атташе в Японии, которая достаточно репрезентативно отражена в их служебных отчетах и донесениях в Берлин в 1937–1941 гг. Эти документы отложились в трофейных немецких архивах, находящихся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ).

История исследований германо-японского политического сотрудничества

Что касается историографии темы, то специальные работы отечественных и зарубежных историков, непосредственно посвященные германо-японскому военно-политическому сотрудничеству, можно буквально пересчитать по пальцам одной руки. Причины такого положения, в общем-то, очевидны. Для советской и российской историографии Второй мировой войны характерен ярко выраженный европоцентричный подход, что вполне понятно, ведь для СССР основные военные события проходили на советско-германском фронте. Кроме того, архивные источники по теме, как немецкого, так и японского происхождения, были недоступны отечественным исследователям до самого последнего времени. Нельзя не упомянуть и о языковой проблеме, которая не способствовала быстрому вводу оригинальных немецких и, тем более, японских документов в научный оборот. Тем не менее, в отечественной историографии эта тема затрагивалась в рамках исследования более крупных исторических проблем, как правило, связанных с историей внешней и военной политики Советского Союза, Германии и Японии, а также деятельности спецслужб этих стран в рассматриваемый период³.

Зарубежная историография тематически представлена примерно таким же подбором работ, а также рядом публикаций о германо-японских военно-политических отношениях в предвоенный период и в годы Второй мировой войны и деятельности военных дипломатов обеих стран⁴. Работы зарубежных авторов, посвященные истории военно-политического

³ См., например: Внешняя политика Японии. История и современность / отв. ред. Э.В. Молодякова. Москва: Восточная литература. 2008; [Гаврилов В., Горбунов Е.]; Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. Москва: МФД. 2009; Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. Москва: Вече. 2002; Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. Москва: Вече. 2010; Захарова Ф.Л. Политика Японии в Маньчжурии (1932–1945 гг.). Москва: Наука. 1990; Зайцев Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932–1945 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 5–14; Захаров В.В. Военные атташе Третьего рейха // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 33–50; [Захаров В.В.]; История внешней политики Японии 1868 – 2018 гг. / А.Н. Панов, К.О. Саркисов, Д.В. Стрельцов. Москва: Международные Отношения. 2019; [Кошкин А.А.]; Кульков Е.Н. Германия и Япония: единство и противоречия накануне Второй мировой войны // На азиатском направлении. Том 1. Канун трагедии. М.: МГИМО, 2010. С. 299–304; Милеев Д.А. Некоторые вопросы сотрудничества Японии и Германии во Второй мировой войне // Вестник РУДН, сер. Всеобщая история. 2010. № 2. Москва. 2010. С. 7–25; [Милеев Д.А.]; Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. Москва: Международные отношения. 2012; Пуляев А.В. Дипломатия войны: геополитическое сближение Японии и Германии в 1920–1941 годы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 46–49; Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел, 1944–1955 / редкол.: В.С. Христофоров (отв. ред.) и др. Москва: Международный фонд «Демократия». 2011; Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. Москва: Вече. 2000 и др.

⁴ См., например: General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Bearb. v. Hermann Teske. Hrsg. v. Bundesarchiv-Militärarchiv. Frankfurt a.M.: Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1965; Kehrig M. Die Wiedereinrichtung des deutschen militärischen Attachédienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919–1933). Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1966; Hillgruber A. Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung, 1940–1941. München, Bernard & Graefe Verlag, 1982; G. Krebs, B. Martin (Hrsg.). Formierung und Fall der Achse Berlin – Tokyo (Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien der Philipp-Franz-von-Sebold-Stiftung 8). München: Iudicium Verlag, 1994; J. Kreiner, R. Mathias (Hrsg.). Deutschland – Japan in der

противостояния СССР, Германии и Японии в 1930-х – 1945 гг., безусловно, дополняют более широким геополитическим контекстом исследования российских историков. Сравнительно недавно исследователям стал доступен новый и чрезвычайно интересный массив архивных источников по данной проблеме. Речь идет о трофейных немецких военных документах, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Они попали в СССР по окончании Второй мировой войны. Структурно они находятся в так называемом фонде 500, где сосредоточены все архивные документы иностранного происхождения (немецкие, итальянские, венгерские, румынские, финские, японские и проч.). Что касается Германии, то немецкий архивный комплекс представлен 48 описями, в которых хранятся 22 тысячи⁵ архивных дел бывшего германского вермахта (это документы верховного командования вермахта, главных командований видов вооруженных сил, войсковых объединений и соединений, министерств и различных учреждений Германии).

Долгое время доступ исследователей к ним был закрыт, но в 2014 г. стартовал международный научный проект по научному аннотированию и дигитализации перемещенных архивных документов немецкого происхождения, хранящихся в ЦАМО РФ. Его участниками стали Федеральное архивное агентство Российской Федерации (Росархив), Министерство обороны Российской Федерации, Центральный архив МО РФ в г. Подольске, Германский исторический институт в Москве. Проект был успешно завершён в 2019 г. Все аннотированные немецкие документы в составе соответствующих архивных описей выставляются в свободном пользовании в Интернете на специальном сайте проекта: <http://wwii.germandocsinrussia.org>.

Архивные материалы

Архивные документы по японской проблематике 1930-х – 1940-х гг. отложились примерно в тридцати делах фонда 500. В первую очередь речь идет о делах, которые хранятся в описях 12450 (Верховное командование вермахта / ОКВ), 12451 (Главное командование сухопутных сил / ОКХ), 12452 (Главное командование люфтваффе⁶ / ОКЛ) и 12453 (Главное командование кригсмарине⁷ / ОКМ).

История формирования этих архивных фондов началась во второй половине 1930-х гг. После прихода нацистов к власти А. Гитлер сразу же взял курс на создание массовой армии – германского вермахта. Были восстановлены и генеральные (главные) штабы отдельных видов вооруженных сил. Группа военных атташе в Генеральном штабе сухопутных сил

Zwischenkriegszeit. Bonn: Bouvier, 1990; Kreitz I. Die Sache mit Sorge – Stalins Spion in Tokio. Hamburg: Carlson Verlag, 2008; Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg 1940–1945: Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Hamburg: Nikol Verlagsgesellschaft mdH & Co, 2001; Meskill J.M. Nazi Germany and Imperial Japan: The Hollow Diplomatic Alliance. London, 2012; Ritter G. Die deutschen Militär-Attaches und das Auswärtige Amt. Aus den verbrannten Akten des Großen Generalstabs. Heidelberg, 1959; Schmidt J.W. Eugen Ott – Freund und Quelle von Richard Sorge // Spionage, Ideologie, Mythos – der Fall Richard Sorge. Hrsg. von H. Timmermann u. a. Münster: LIT Verlag, 2005. S. 88–104; Sommer T. Deutschland und Japan zwischen den Mächten, 1935–1940: Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt; eine Studie zur diplomatischen Vorgeschichte des Zweiten Weltkriegs. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1962; Schwalbe H., Seemann H. (Hrsg.). Deutsche Botschafter in Japan. 1860 – 1973. Tokyo: Deutsche Gesellschaft für Natur- u. Völkerkunde Ostasiens, 1973; Ch. W. Spang, R.-H. Wippich (Eds.). Japanese-German Relations, 1895–1945: War, Diplomacy and Public Opinion. London: Routledge, 2006; Сиратори Т. Новое пробуждение Японии: политические комментарии, 1933–1945. Москва: АИРО-XXI. 2008; Сигэнори Т. Воспоминания японского дипломата. Москва: Новина. 1996; Хаттори Т. Япония в войне, 1941–1945. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Полигон»». 2003 и др.

⁵ С учетом топографических карт и формуляров объединений, соединений и частей вермахта – около 28 тыс. дел.

⁶ Люфтваффе – историческое название немецких военно-воздушных сил.

⁷ Кригсмарине – историческое название немецких военно-морских сил.

вермахта организационно начала свое самостоятельное существование с 1937 г. [Mellenthin 1952; Христофоров 2011, с.707–721]. В служебном отношении она подчинялись 4-му оберквартирмейстеру Генерального штаба сухопутных сил⁸. 8 апреля 1940 г. группа была преобразована в самостоятельный отдел Генерального штаба сухопутных сил. 10 ноября 1942 г. отдел военных атташе был подчинен напрямую начальнику Генерального штаба сухопутных сил. В разное время отделом военных атташе руководили: майор Ф.-К. Рабе фон Паппенхайм (1935–1937 гг.), полковник, позднее генерал-майор Х. фон Меллентин (1937–1943 гг.), полковник К. Шухардт (1943–1944 гг.). Именно этот отдел координировал работу всех германских военных атташе в зарубежных странах, получал и представлял их донесения вышестоящему командованию, а также ориентировал их на выполнение тех, или иных задач.

В 1934–1945 гг. аппарат германских военных атташе в Японии последовательно возглавляли полковник О. Отт [Schwalbe, Seemann 1973; Schmidt 2005, pp. 88–104]⁹ (1934–1938 гг.), полковник Г. Матцки (1938–1940 гг.) и генерал-майор (позднее генерал-лейтенант) А. Кретчмер (1940–1945 гг.). Должность военно-морского атташе в Токио и, параллельно, в государстве Маньчжоу Го¹⁰ занимали капитан цур зее¹¹ И. Литцманн и корветтен-капитан¹² (впоследствии адмирал) П. Веннекер. Последний одновременно являлся командующим немецким адмиралом в Восточной Азии. Военно-воздушным атташе с апреля 1939 г. стал полковник, а позднее генерал-майор В. фон Гронау, по совместительству исполнявший аналогичные обязанности и в Маньчжоу Го.

Основной задачей аппарата немецкого военного атташе в Токио являлась организация военного и военно-технического взаимодействия между вермахтом и японской императорской армией, а также практическое сотрудничество и обмен информацией между японской и германской военными разведками¹³. Эта информация деликатно именовалась «обменным материалом». Соответственно, на военно-дипломатическую службу в Токио подбирались люди, способные более или менее объективно оценивать общий расклад сил и политику Японии в азиатско-тихоокеанском регионе¹⁴.

К 1945 г. большая часть архивных документов высших командных инстанций вермахта была сосредоточена в комплексе Имперского архива в Потсдаме. 26 апреля 1945 г. в Потсдам

⁸ Должность 4-го обер-квартирмейстера в Генеральном штабе сухопутных сил вермахта в эти годы занимали, соответственно, генерал-майор, позднее генерал-лейтенант К. фон Типпельскирх (1937–1940 гг.) и генерал-майор Г. Матцки (1941–1942 гг.).

⁹ В марте 1938 г. Ойген Отт стал единственным человеком в истории аппарата немецких военных атташе, который совершил немислимый кадровый скачок от военного дипломата до полномочного посла Германии в Японии.

¹⁰ Маньчжоу Го (Государство Маньчжурия) марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии, существовало с 1 марта 1932 г. по 19 августа 1945 г.

¹¹ Офицерское звание в германском военно-морском флоте, эквивалентное званию «капитан 1-го ранга» в СССР / России.

¹² Офицерское звание в германском военно-морском флоте, эквивалентное званию «капитан 3-го ранга» в СССР / России.

¹³ См., например: Письмо германского военного атташе в Японии полковника Г. Матцки в группу атташе Генерального штаба сухопутных сил вермахта по вопросу обмена разведывательными материалами об СССР между военными ведомствами Германии и Японии. 26 июня 1939 г. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д.232. Л. 434–437 и др.

¹⁴ См.: Докладная записка МВД СССР И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии, А.А. Жданову о представлении заявления подполковника бывшей германской армии, с 1938 г. по 1943 г. помощника германского военного атташе в Токио фон Петерсдорфа Советскому правительству для использования его на Токийском процессе. Приложение: перевод заявления фон Петерсдорфа от 5 мая 1947 г. об агрессивной политике Японии и планах войны против СССР, о снабжении Германии стратегическим сырьем, о передаче Японией Германии разведывательной информации об СССР. ГА РФ Ф. Р-9401. Оп.2. Д.169. Л. 75–78, 83–97.

ворвались части 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, обошедшие Берлин с юго-запада. Они захватили комплекс Имперского архива, который ранее уже был частично разрушен авиационными бомбежками. Из разрушенных зданий архива были вынесены многие тысячи сильно поврежденных и еще вчера совершенно секретных архивных дел. В первую очередь речь шла об архивных материалах Главного командования сухопутных сил вермахта, к которым относились и документы отдела военных атташе. В 1946 г. после долгих переездов эти бумаги наконец-то прибыли в Москву. В начале 1950-х гг. (?) они попали в Центральный архив Министерства обороны СССР.

Наиболее информативным по нашей проблеме, безусловно, являются дела, относящиеся к описи 12451 (Главное командование сухопутных сил вермахта, 1935–1945 гг., всего в описи 988 дел). Донесения германских военных атташе в Токио хранятся в 22 делах, полностью посвященных этой теме¹⁵. Они являются в высшей степени содержательным источником, раскрывающим основные направления работы аппарата германского военного атташе. В них содержатся донесения и доклады германских военных атташе в Японии О. Отта, Г. Матцки, А. Кретчмера о боевых действиях в Китае; о китайской армии; о японской императорской армии, ее вооружении, боевой подготовке и тактике действий; о военном сотрудничестве между Германией и Японией; о положении в Монголии, Маньчжурии, Корее и странах Юго-Восточной Азии; о группировке РККА в Сибири и на Дальнем Востоке, о советской транссибирской магистрали¹⁶; о вооруженных силах США в тихоокеанском регионе и др. В этих делах также содержится разнообразная служебная переписка административного характера, справки, карты и схемы боевых действий, а также отчеты офицеров аппарата военного атташе о командировках. Большинство источников можно отнести к официальным дипломатическим документам. Вся эта корреспонденция направлялась в Министерство иностранных дел Германии и в Главное командование сухопутных сил вермахта.

Содержание некоторых из этих дел позволяет раскрыть многие существенные аспекты предыстории Второй мировой войны, ранее не известные исследователям. Таково, например, дело 232 – «Дипломатическая переписка германского военного атташе в Токио с начальником 3-го отдела Главного командования сухопутных сил о материально-техническом снабжении действующей японской армии; отчеты военного атташе в Японии о положении СССР на международной арене». В нем содержатся показания полномочного представителя НКВД по Дальнему Востоку, комиссара государственной безопасности 3-го ранга Г.С. Люшкова, перебежавшего 13 июня 1938 г. в Маньчжурию, на подконтрольную японцам территорию. Люшков пошел на этот шаг, опасаясь неминуемого ареста и расправы (новый нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов проводил массовую «зачистку» прежнего руководящего состава «органов»). Перебежчик был переправлен в Японию и тесно сотрудничал с японским военным командованием и японской разведкой. Он передал японцам важные и подробные сведения о советских вооруженных силах, о группировке Красной Армии на Дальнем Востоке, о структуре, задачах и оперативной работе органов НКВД. Частью этой информации японская сторона поделилась с немецкими партнерами через аппарат германского военного атташе в Токио. 10 августа 1938 г. в 3-й отдел Генерального штаба сухопутных сил вермахта (группа военных атташе) за подписью помощника военного атташе майора Шолля был отправлен подробный отчет (около 280 страниц) о содержании допросов «генерала ГПУ» Люшкова, с указанием, что японская сторона рассматривает предоставленные Берлину сведения в качестве «обменного материала». Отчет о допросах беглого функционера НКВД был структурирован в 8 разделов: 1) Настроения советского населения; 2) Структура и

¹⁵ ЦАМО, фонд 500, опись 12451, дела 197, 198, 199, 200, 204, 205, 207, 208, 211, 213, 215, 231, 232, 233, 234, 238, 240, 258, 260, 286, 360, 674.

¹⁶ В получении разведывательных сведений об СССР были одинаково заинтересованы обе стороны: и Германия, и Япония.

организация представительства НКВД СССР на Дальнем Востоке; 3) Политические чистки на Дальнем Востоке; 4) Слабые места Советского Союза в случае войны; 5) Антияпонские планы руководства СССР; 6) Боевая готовность и боевые возможности советских войск против Японии; 7) Политика СССР в отношении Японии; 8) Объяснение Люшковым побудительных причин для своего побега и т.д.¹⁷ В сопроводительной записке к отчету также отмечалось, что гораздо более объемный материал военного характера находится в переводе и обработке и будет направлен в Берлин с курьером. Они стали настоящим кладом для японской разведки и, соответственно, для аппарата германского военного атташе в Токио. *Анализируя содержание и структуру архивного дела 232*, встает вопрос о полноте и релевантности представленного в нем материала. Согласно титульному листу дела в его начале и листу-заверителю дела в его конце, который датирован 24 апреля 2014 г., в нем числится 813 листов, однако в наличии имеется лишь 300 листов. Вероятно, значительная часть показаний Люшкова из дела изъята [Захаров, Уль, Хаустов, 2022, с. 15–16].

Из документов дела следует, что в августе 1938 г. в Токио прибыл специальный представитель Управления разведки и контрразведки («Абвера») Верховного командования вермахта полковник резерва Грейлинг¹⁸, который две недели допрашивал Люшкова на основе договоренности между Германией и Японией об обмене разведывательными материалами.

В этом же деле содержатся показания дезертировавшего в Маньчжурию в мае 1938 г. из Монголии начальника артиллерии 36-й стрелковой дивизии РККА майора Я.Ф. Фронта. Последний дал японцам подробные сведения об организации и боевом составе советской военной группировки в Монголии (57-й особый корпус) и войсках Забайкальского военного округа, где он служил ранее¹⁹.

В деле 215 той же описи 12451 содержатся материалы допроса воентехника 2-го ранга М.А. Домнина, который воевал в Центральном Китае в качестве стрелка-радиста на бомбардировщике СБ в составе советской бомбардировочной авиагруппы. 14 марта 1938 г. его самолет был сбит японскими истребителями в районе г. Уху к юго-западу от Нанкина. Пилот и штурман самолета погибли, а Домнин, сумевший выпрыгнуть с парашютом, был взят японцами в плен. Затем он был вывезен в Маньчжурию, где содержался в качестве «интернированного лица» (официально Япония с Советским Союзом не воевала) в лагере Хогоин. Там М.А. Домнин пробыл более 7 лет и был освобожден лишь в августе 1945 г. [Лукс, 2018, с. 111–126]²⁰.

В деле 240 представлены донесения немецкого военного атташе о боевых действиях между японскими и советскими войсками в районе реки Халхин Гол в Монголии летом 1939 г.²¹ Естественным направлением разведывательной работы против СССР для аппарата германского военного атташе в Японии стали поездки военно-дипломатических курьеров и командированных офицеров из Берлина в Токио и обратно по Транссибирской железнодорожной магистрали. Конечно, из окна мчащегося поезда увидеть можно было не так уж и много, но для подготовленного и опытного наблюдателя и этого было вполне достаточно. Например, в донесении капитана Шильдкнехта о своей поездке через территорию СССР в мае 1939 г.

¹⁷ См.: Донесение германского военного атташе в Токио в 3-й отдел Генерального штаба сухопутных сил вермахта за подписью помощника военного атташе майора Шолля. 10 августа 1938 г. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д.232. Л. 36–37, 52–335.

¹⁸ Подробных сведений о полковнике резерва, министерский-советнике Грейлинге в военном филиале Федерального архива Германии в г. Фрайбург/Брейсгау пока не обнаружено, известно лишь, что до сентября 1939 г. он состоял в группе связи «Абвера» при Главном командовании сухопутных сил вермахта (ОКХ). См.: ВА-МА. RW 5/683. Bl.1.

¹⁹ См.: ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12451. Д.232. Л. 287–335.

²⁰ См. также: ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12451. Д.215. Л. 565–598.

²¹ См.: ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12451. Д.215. Л. 311–318.

были даны краткие описания железнодорожных станций Ростов (Ярославский), Котельнич, Свердловск, Богданович, Тюмень, Омск, Барабинск, Чулымская, Новосибирск, Красноярск, Клюквенная, Канск, Тайшет, Черемхово, Иркутск, Яблонная, Ингода, Карымская, Тарская, а также железнодорожных мостов через реки Обь, Енисей и Ангара²². Этими сведениями немецкая сторона охотно делилась со своими японскими партнерами, в конечном счете, информация о той же Транссибирской магистрали имела огромное значение в первую очередь для японцев и их военных планов.

Давая общую оценку делам описи 12451 с точки зрения их основного содержания, можно, правда, весьма условно, подразделить их на три группы:

1. Архивные дела 197, 199, 205, 215, 232 и 238 в значительной степени посвящены обзорам вооруженных сил и военно-экономической характеристике стран, выступающих геополитическими противниками Японии на Дальнем Востоке (прежде всего, речь идет о Советском Союзе и Китае и, частично, Монголии).

2. Вторая группа дел (дела 198, 204, 207, 240, 258, 260 и 360) содержит материалы о японской императорской армии (вооружение и военная техника, тактика боевых действий, военное планирование, система военного обучения, мобилизационная работа). Большой интерес для понимания предвоенной системы профессионального военного образования в Японии представляет отчет о посещении германским военным атташе полковником Г. Матцки японской военной академии в Токио 16 июня 1939 г.²³

3. И, наконец, третья группа дел описи 12451 связана с освещением японо-китайской войны и предшествующими ей событиями (дела 200, 208, 211, 213, 231, 232, 233, 234, 286 и 674). Акцент в них сделан на обобщении военного опыта, оценке действий и состояния вооруженных сил обеих сторон. Здесь представлены многочисленные карты и схемы боевых действий. Эти документы последовательно отражают как динамику развития японо-китайской войны, так и информационную составляющую деятельности аппарата германского военного атташе в Токио.

Дело 233 интересно тем, что представленные в нем материалы являются краткими и практически ежедневными (с августа 1938 г. по начало сентября 1939 г.) телеграфными сообщениями о положении дел на фронтах японо-китайской войны. Достаточно часто текст телеграмм состоял из одной фразы: «Новые военные события отсутствуют», что свидетельствовало о том, что война приняла позиционный характер. Все эти телеграммы направлялись в личную адъютантуру А. Гитлера, что вполне объяснимо, ведь он одновременно являлся верховным главнокомандующим германского вермахта.

Завершая обзор дел описи 12451, следует отметить, что в них также имеется разнообразная служебная переписка аппарата германского военного атташе в Токио с отделом «Иностранные армии»²⁴ Главного командования сухопутных сил вермахта [Gehlen 1971; Pahl 2012].

²² См.: Донесение о поездке по маршруту Берлин – Токио капитана Шильдкнехта 9–20 мая 1939 г. с приложением схем крупных железнодорожных мостов в восточной части СССР. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д.240. Л.387–398. См. также: Донесение о поездке по маршруту Берлин – Токио военного курьера корветтен-капитана Мейера от 26 августа 1937 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12451. Д.205. Л. 142–148.

²³ См.: Отчет германского военного атташе в Японии полковника Г. Матцки о посещении военной академии в Токио 16 июня 1939 г. с приложением учебного плана академии на июнь 1939 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12451. Д.260. Л. 13–16.

²⁴ Речь идет о 3-м (12-м) отделе Генерального штаба сухопутных сил вермахта, который занимался изучением иностранных армий – реальных и потенциальных противников Германии. В 1938 г. произошла серьезная реорганизация отдела: он был разделен на два самостоятельных отдела: 3-й отдел «Иностранные армии Запада» / Abteilung Fremde Heere West / FHW и 12-й отдел «Иностранные армии Востока» / Abteilung Fremde Heere Ost / FHO. Отдел «Иностранные армии Востока» отвечал за информацию об оборонном потенциале и вооруженных силах стран Скандинавии, Восточной и Юго-Восточной Европы, СССР, Персии (Ирана), а также Китая, Японии и стран Юго-Восточной Азии. В годы Второй мировой войны 12-м отделом руководили:

В описи 12450 (Верховное командование вермахта, 1923–1945 гг.²⁵) содержится 271 дело. Номинальным начальником ОКВ с момента его создания в 1938 г. являлся генерал-фельдмаршал В. Кейтель, хотя по факту ОКВ являлся своеобразным «рабочим военным штабом» Гитлера. В описи наряду с важнейшими документами по военным вопросам присутствуют также и материалы, посвященные экономическим темам – отчеты и информация о военной экономике Германии, документы о военно-экономическом сотрудничестве с другими странами и т. п.²⁶ Японской проблематике в описи посвящены 3 дела – 14, 58 и 76.

Дело 14 включает обзоры иностранной и немецкой прессы, вырезки из немецких и иностранных газет в связи с заключением 25 ноября 1936 г. т.н. Антикоминтерновского пакта между Германией, Японией и Италией и присоединением к нему Венгрии и Маньчжоу Го в 1936–1939 гг. Кроме того, в деле имеется текст «Антикоминтерновского пакта» между Германией и Японией и протокол о присоединении к пакту Италии, а также документы по военно-политическому и культурному сотрудничеству Германии и Японии с ноября 1936 г. по 1941 г.²⁷ Также в специальных обзорах дается краткая характеристика левых и коммунистических движений в Европе, Америке и Китае²⁸.

В деле 58 собран справочный материал Верховного командования вермахта под общим названием «Военное дело в Японии», который включает следующие темы: основы японского военного строительства, история вооруженных сил, тактические обозначения и аббревиатуры, военные эмблемы, стратегия и тактика боевых действий, организация и вооружение по видам вооруженных сил и родам войск, дислокация войск, военная форма и знаки различия, подготовка офицерского корпуса, политико-моральное состояние личного состава японской императорской армии. В деле также дана японская военная терминология (японские иероглифы) и соответствующие немецкие эквиваленты. Практически весь этот материал был подготовлен аппаратом германского военного атташе в Токио. Все дело насчитывает 317 листов, по своему содержанию оно представляет собой, пожалуй, наиболее емкое и сжатое описание японского военного строительства и японских вооруженных сил на тот период времени²⁹.

Дело 76 содержит своего рода базовый документ, определяющий позицию Германии в отношении Японии в связи с предстоящим в скором времени немецким нападением на Советский Союз. 5 марта 1941 г., А. Гитлер в качестве документа стратегического военного планирования особой государственной важности утвердил директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией»³⁰. Ее первый пункт гласил: «1) Цель сотрудничества с Японией, основанного на Тройственном пакте, инициировать Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. Таким путем будут связаны английские силы, а центр тяжести интересов США будет отвлечен на Тихий океан. Чем скорее это произойдет, тем больше шансов на успех будет иметь Япония, поскольку ее соперники все еще недостаточно подготовлены к войне. Операция «Барбаросса» создаст для этого особенно благоприятные

полковник Э. Кинцель (1939–1942 гг.); полковник, позднее генерал-майор Р. Гелен (1942–1945 гг.); подполковник Г. Вессель (апрель – май 1945 г.). В послевоенное время генерал Р. Гелен возглавил службу внешней разведки ФРГ, его преемником на этом посту стал генерал Г. Вессель.

²⁵ Крайние хронологические рамки описи объясняются тем обстоятельством, что в нее включены дела 15 и 16, содержащие материалы о захоронениях немецких солдат в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.

²⁶ Подробнее см.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Верховное командование вермахта [Офиц. сайт]. <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/2138-opis-12450-verhovnoe-komandovanie-vermahta-okv> (дата обращения: 12.02.2023).

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 14. Л. 10–22; 23–36.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 14. Л. 56–67; 68–70.

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 58.

³⁰ Директива фюрера и верховного главнокомандующего вермахтом № 24 «О сотрудничестве с Японией». 5 марта 1941 г. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 76. Л. 14–17.

политические и военные предпосылки»³¹. Во 2-м пункте директивы перед Верховным командованием вермахта ставились задачи по усилению военной мощи Японии путем передачи ей военного опыта, накопленного вермахтом в Европе, и оказания ей технической помощи. В 3-м пункте директивы отмечалось, что общей целью (Германии и Японии) является нанесение поражения Англии и удержание, таким образом, Соединенных Штатов от вступления в войну на ее стороне. Там же определялся круг задач военно-экономического характера, «жизненно важных» для Германии и отмечалось, что ключевое значение для победы Японии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии имеет захват Сингапура и других опорных пунктов, которые являются основой англо-американской военно-морской мощи и морских коммуникаций этих стран. Особенно показателен последний, 5-й пункт директивы, который гласил: «5) Японцам не следует делать никаких намеков касательно операции «Барбаросса»³².

Этот документ совершенно ясно показывает, что никакой оперативной координации действий между Японией и Германией при подготовке последней нападения на СССР не существовало. По мнению немецкой стороны, Япония должна была «связать руки» Великобритании и США, чтобы они не смогли оказать действенной помощи СССР с началом немецкой агрессии. Эта позиция нацистского руководства совершенно не совпадает со ставшей уже хрестоматийной в советской и российской историографии версией о том, что с нападением Германии на Советский Союз, японская армия должна была начать наступление из Маньчжурии на советский Дальний Восток [Внотченко 1971; Кошкин 2020]. В действительности все было гораздо сложнее. Если руководство нацистской Германии самоуверенно полагало, что оно без особого труда справится с СССР без посторонней помощи, то Япония, уже имевшая опыт боевых действий против Красной Армии на озере Хасан и на реке Халхин Гол, вела себя осторожнее [Зимонин 2004, с. 19–23].

В том же деле 76 содержатся оперативные документы Верховного командования вермахта по подготовке нападения на Советский Союз и необходимых в связи с этой подготовкой мероприятий маскировочного и отвлекающего характера³³. Фактически, разработка плана оперативного плана «Барбаросса» и подготовка директивы по сотрудничеству с Японией осуществлялись одновременно.

В описи 12452 (Главное командование люфтваффе, 1938–1945 гг.) находятся 694 дела. Но непосредственно с японской тематикой из всех этих дел связаны лишь две объемных папки: 259 и 260.

Дело 259 содержит отчеты и донесения военно-воздушного атташе германского посольства в Токио о своей деятельности за период с мая 1938 г. по январь 1939 г. Они посвящены следующим вопросам: состояние японской императорской армии, боевые действия на фронтах японо-китайской войны, состояние и тактика действий японских и китайских ВВС, японская военная промышленность, состояние авиационной промышленности Японии и положение с сырьем и производством алюминия, отчет о поездке военно-воздушного атташе в Центральный Китай³⁴, состояние воздушного сообщения между Германией и Японией и др.

³¹ Цит. по: ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12450. Д. 76. Л.14.

³² ЦАМО РФ. Ф.500. Оп. 12450. Д. 76. Л. 16.

³³ См.: Обсуждения оперативного плана «Барбаросса» в ставке Верховного командования вермахта от 3.02.41, от 3.04.41, от 7.04.41, от 28.04.41, от 30.04.41, от 1.05.41. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12450. Д.76. Л. 1–8, 14–46; Указания Верховного командования вермахта по маскировке и введению противника в заблуждение в ходе подготовки по оперативному плану «Барбаросса» от 15 февраля 1941 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12450. Д.76. Л. 9–13.

³⁴ См.: Отчет германского военного и военно-воздушного атташе полковника Г. Матцки о поездке в Центральный Китай в период с 28 ноября по 17 декабря 1938 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12452. Д.259. Л.70–78.

Ряд документов содержит сведения о советских ВВС³⁵ и действиях советской авиации в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан³⁶, в деле также имеются материалы допроса пленного воентехника 2-го ранга советских ВВС М.А. Домнина³⁷.

Определенный интерес представляет «непрофильное» для люфтваффе интервью японского адмирала Ибо Такахаси, которое он дал журналу Magazine, посвященное вопросам военно-морской стратегии и военно-морским силам вероятных противников Японии в грядущей войне³⁸.

Интересно, что в соответствии с положением от 2 октября 1936 г. германские военно-воздушные атташе должны были направлять свои донесения и отчеты непосредственно в имперское министерство авиации, а не в военное министерство. На этом настоял Г. Геринг, взявший «под свое крыло» как гражданскую, так и военную авиацию Третьего рейха. В то время он официально и фактически являлся вторым человеком в нацистской иерархии и руководство вермахта не стало с ним спорить [Kehrig 1966, p. 207–216].

Дело 260 в принципе содержит аналогичные делу 259 документы. В нем отложились отчеты военно-воздушного атташе германского посольства в Токио о деятельности за март – июль 1939 г., доклады и донесения о боевых действиях на фронтах японо-китайской войны, о состоянии японских и китайских ВВС и о тактике японских ВВС в Китае, об авиационной промышленности Японии и посещении японскими специалистами немецких авиационных заводов и т.п. Определенный интерес представляет материал о подготовке стажировки немецких военных летчиков на японском авианосце (сам отчет о стажировке в деле отсутствует)³⁹. В деле также имеется отчет военно-воздушного атташе подполковника В. фон Гронау о поездке на фронт в Северном Китае в период с 3 по 19 мая 1939 г.⁴⁰, а также донесение о посещении японской школы войсковой авиации в Мито помощником военно-воздушного атташе штаб-инженером Немицем и подполковником Ашенбреннером в апреле 1939 г.⁴¹ Информация об СССР ограничена кратким обзором состава советских военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны, а также донесением об участии советской авиации в боях на Халхин Голе⁴². В обоих делах описи имеются фотоматериалы, и схемы боевых действий в Китае.

В делах описи 12453 (Главное командование кригсмарине, 1936–1945 гг., всего в описи 237 дел) материалы по японо-китайской проблематике отложились в папках 36, 37 и 38.

В деле 36 содержатся отчеты, доклады, донесения, информационные сообщения германского военно-морского атташе в Японии капитана цур зее И. Литцмана в Главное командование кригсмарине по различным военным, военно-политическим и экономическим вопросам за 1938 г. В деле имеются следующие тематические материалы: о положении на Дальнем Востоке, об организации и вооружении японских ВМС, о назначениях и повышении в японском флоте, о системе отбора в военно-морские учебные заведения (Л. 473–490),

³⁵ См., например: Сводка японского генерального штаба о состоянии советских военно-воздушных сил от 1 августа 1938 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12452. Д.259. Л.25–30. См. также: Обзор состояния советских ВВС и советской авиационной промышленности от 26 августа 1938 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп. 12452. Д. 259. Л. 321–333; О группировке советских ВВС на Дальнем Востоке и авиационном сообщении Москва – Владивосток от 3 августа 1938 г. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12452. Д.259. Л. 400–401.

³⁶ См.: ЦАМО РФ. Ф.500. Оп. 12452. Д.259. Л. 227–230, 318–320, 397–399.

³⁷ См.: ЦАМО РФ. Ф.500. Оп. 12452. Д. 259. Л. 503–535. Материалы допроса воентехника Домнина также отложились в деле 215 описи 12451, о чем говорилось выше.

³⁸ ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12452. Д.259. Л. 641–645.

³⁹ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12452. Д. 260. Л.4, 33–37.

⁴⁰ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12452. Д. 260. Л.74–86.

⁴¹ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12452. Д. 260. Л. 134–145.

⁴² См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12452. Д. 260. Л. 88–91, 184–186.

о бюджете японских ВМС на 1938 г., о японском торговом флоте, о японской авиации, о японском судостроении, о советском Дальнем Востоке и группировке советских войск и советских военно-морских сил в этом регионе (Л. 38–39, 279–280, 371–372, 401–403, 510, 531, 582), о боевых действиях и военно-политическом положении в Китае, об японских десантных операциях на побережье Китая, о китайской армии и китайском военно-морском флоте, о советских военных поставках центральному правительству Китая (Л. 503–507, 538–541, 548–551), а также отчеты о служебных командировках и статьи из иностранных газет и журналов. Значительный интерес представляет подробный отчет о бюджете военно-морского флота Японии на 1938 г.⁴³. В деле также имеется обзор программных документов Коммунистической партии Китая, которую японское военное командование вполне обоснованно рассматривало как своего военного и политического противника⁴⁴.

В деле 37 содержатся приложения к докладам и донесениям германского военно-морского атташе в Японии из дела 36, в том числе: карта-схема основных морских маршрутов мировой торговли в 1936 г. (Л. 1); навигационная карта устья реки Янцзы с городом Шанхай с обозначением места сосредоточения и высадки японских десантных сил в ноябре 1937 г. (Л. 2); карты-бланковки со схемами боевых действий в Северном и Южном Китае в январе – марте 1938 г. (Л. 3–6); номер японской англоязычной газеты The Japan Advertiser от 4 февраля 1938 г. (Л. 7-11об), которая подавала себя как «главная англоязычная газета Дальнего Востока»⁴⁵.

Дело 38 включает в себя 5 донесений германского военно-морского атташе капитана цур зее И. Литцмана о поставках немецкого вооружения в Китай в период с августа по декабрь 1938 г., а также в мае 1939 г.⁴⁶, а также его переписку с рефератом военно-морских атташе в Главном командовании кригсмарине о японских операциях на побережье Китая и о роли в них японского императорского флота⁴⁷.

Завершая обзор «японских» дел описи 12453, следует также сказать о деле 63, которое представляет собой информационный бюллетень Главного командования кригсмарине «Военно-технические новости об иностранных военно-морских силах» и специальный выпуск «Сборник таблиц» о вооружении иностранных флотов от 1 марта 1939 г. В нем имеются сведения и о японском военно-морском флоте, структурированные по 4 разделам: 1) артиллерия; 2) торпедное вооружение; 3) минно-заградительное вооружение; 4) морская авиация⁴⁸.

Характеризуя отчеты и донесения германских военных атташе в Токио с содержательной точки зрения, можно отметить их комплексный характер. Помимо профессионального интереса к вооруженным силам Японии, большое внимание уделялось социально-политическим и экономическим аспектам жизни Страны восходящего солнца: в делах отложились доклады о военно-патриотическом воспитании японской молодежи, о системе образования, о японской промышленности в целом и о военно-промышленном комплексе по отдельным направлениям, об организации политической пропаганды, о значимых выступлениях японских официальных лиц и проч. Несомненно, что в своих оценках различных аспектов жизни Японии, немецкие военные дипломаты особое внимание уделяли тем из них, которые сближали двух геополитических союзников, так далеко располагавшихся друг от друга на карте мира, и могли быть позитивно оценены в Третьем рейхе.

⁴³ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12453. Д.36. Л. 241–254.

⁴⁴ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12453. Д.36. Л. 594–602, 604–607.

⁴⁵ Эта газета выходила в Токио с 1897 г. и была ориентирована на самый широкий круг читателей, владевших английским языком. Большое место в ней занимали военно-политические события: японо-китайская война, а также японская политика в Азии в целом. Газета также сообщала читателям новости экономического характера, а также о новинках кино, литературы и моды. Сейчас газета выходит под названием «Джапан таймс».

⁴⁶ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12453. Д.38. Л.1–10, 15–19.

⁴⁷ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12453. Д.38. Л. 11–14.

⁴⁸ См.: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12453. Д. 63. Л. 10–11, 50–52, 64 и др.

Как несомненное достоинство донесений и отчетов всех германских военных атташе в Токио можно отметить, что идеологические клише национал-социализма встречаются в них крайне редко. Основная информация преподносится очень скрупулезно и точно. Им свойственны максимальная деперсонализация материала, подчеркнутая сухость и отсутствие какой-либо эмоциональности в изложении фактов, а также наличие тщательно взвешенных оценочных суждений. В общем и целом эти документы представляют собой прекрасный образец немецкого военного «канцелярита».

Несомненно, большинство германских военных атташе в период национал-социализма, будучи хорошими военными профессионалами, по долгу службы были обязаны давать (и старались в меру своих способностей и возможностей это делать) объективную информацию о противниках и союзниках Германии военно-политическому руководству Третьего рейха. Вероятно, их личное отношение к нацистскому режиму было сугубо индивидуальным, однако вряд ли можно отнести большинство из них к убежденным сторонникам национал-социализма. Происхождение, собственные кастовые представления об офицерской чести и государственном благе, о системообразующей роли института армии в истории Пруссии и Германии – все это делало военных атташе, скорее, своего рода карьерными попутчиками при реализации внешнеполитической и военной стратегии национал-социализма. Иными словами говоря, пока для Третьего рейха все шло хорошо, они обеими руками были «за» и принимали деятельное участие в реализации военно-политических планов нацизма. С другой стороны, выполняя свои служебные обязанности за рубежом, они, как люди далеко не глупые, не могли не видеть, что есть и другие, гораздо более рациональные и адекватные во всех отношениях варианты организации государственной системы, социальной и экономической жизни, чем те, которые существовали в нацистской Германии, императорской Японии или, например, в сталинском СССР.

Завершая характеристику документов германских военных атташе в Японии, представленных в фонде 500 ЦАМО РФ, можно прийти к следующим выводам. На наш взгляд, их содержание существенно дополняет исторические знания о предыстории и начале Второй мировой войны. Как уже отмечалось выше, сложившиеся в СССР, а затем и в России оценки предвоенного периода, центральное место в которых традиционно занимают Мюнхенское соглашение 1938 г. между нацистской Германией, Великобританией, Францией и Италией о фактическом разделе Чехословакии и советско-германский пакт о ненападении 1939 г. с секретными приложениями о разграничении сфер интересов СССР и Германии в Восточной Европе к нему, во многом отражают традиционно сложившийся евроцентричный взгляд на истоки и причины Второй мировой войны.

Военно-политические приоритеты СССР, Японии и Германии

Между тем, для СССР, который в силу своего геополитического положения одновременно являлся и европейской, и азиатской державой, вопрос о военно-политической приоритетности событий в Европе был в то время далеко не очевидным. И исследованные нами документы это очень хорошо иллюстрируют. Советский Союз отнюдь не был пассивной стороной в военно-политических раскладах на Дальнем Востоке. В частности, советское руководство в 1937–1939 гг. рассматривало варианты активных (наступательных) действий Красной Армии против Японии и ее сателлита – марионеточного государства Маньчжоу Го на северо-востоке Китая. События на озере Хасан и на реке Халхин Гол показали, что перспектива большой войны с Японией более чем реальна. Логика развития событий, приведших ко Второй мировой войне, объективно сделала Японию одним из центров геополитического напряжения того времени. Если на западе, в Европе, основными «возмутителями спокойствия» выступали нацистская

Германия и фашистская Италия, то на востоке, в Азии, эту роль играла императорская Япония. Если очень схематично сформулировать стратегические интересы сторон, то получается следующая картина:

Советский Союз, в преддверии большой войны в Европе, и уже начавшейся войны в Азии (в которых ему неизбежно пришлось бы участвовать), был крайне заинтересован в хотя бы относительном спокойствии на своих дальневосточных рубежах. Для этого ему было необходимо нейтрализовать агрессивную политику Японии, являвшейся стратегическим союзником Германии, и не допустить ее нападения на СССР. Для достижения этой цели имелись только два пути: во-первых, создание на Дальнем Востоке такой группировки военных сил и средств, которая делала бы невозможным по определению японскую военную кампанию против СССР; во-вторых, что было предпочтительнее, так как экономило военные силы, необходимые на западных рубежах, попытаться канализировать экспансионистские устремления Японии в другом направлении, на юго-восток, фактически – против США и Великобритании.

Япония колебалась в выборе направления своей военно-политической экспансии: север (СССР) или Юго-Восточная Азия, а ведь был еще и Центральный Китай, где с армией Гоминьдана и китайскими коммунистами уже сражались более 20 японских дивизий. Окончательное решение по выбору военно-политической стратегии в пользу агрессии в Юго-Восточной Азии было принято японским руководством в начале февраля 1941 г. Наученная опытом недавних военных конфликтов с СССР в 1938–1939 гг. Япония теперь не спешила и решила выждать: развалится ли СССР в результате внезапного немецкого удара.

А что же Германия? Как мы уже отмечали выше, мартовская 1941 г. директива Гитлера «О сотрудничестве с Японией» фактически отводила последней роль охранителя германских интересов на Дальнем Востоке. Берлин считал, что японские армия и флот должны связать боевыми действиями вооруженные силы США и Великобритании, чтобы эти страны не смогли оказать помощь Советскому Союзу, когда на него обрушится удар германского вермахта. Таким образом, получается, что военно-политическое руководство Третьего рейха вовсе не желало одновременного с немецким наступления японской армии на советский Дальний Восток. Напротив, Японию недвусмысленно подталкивали к большой войне против США и Великобритании. В свете этого совсем по-другому выглядит шпионская афера вокруг немецкого посольства в Токио осенью 1941 г., связанная с делом Р. Зорге [Гаврилов, Горбунов 2004; Kreitz 2008]. По сути, Зорге информировал Москву о том, в чем был заинтересован и Берлин: японского наступления на советский Дальний Восток не будет. Остается открытым и вопрос о роли бывшего военного атташе и посла Германии в Японии генерал-майора О. Отта в этой истории. С учетом известных фактов его биографии⁴⁹, можно предположить, что он, как минимум, способствовал Рихарду Зорге в передаче в Москву объективной информации о стратегических намерениях японского руководства. Фактически, германское посольство и аппарат германского военного атташе в Токио одновременно оказались и субъектом, и объектом сложной военно-политической игры, которую активно вели три основных участника этой геополитической драмы: Германия, СССР и Япония⁵⁰.

⁴⁹ В качестве доверенного лица и друга бывшего рейхсканцлера К. фон Шлейхера О. Отт участвовал в закулисных политических маневрах, имевших цель не допустить Гитлера к власти. После провала этих планов командование рейхсвера «спрятало» Отта в Японии, назначив его на должность военного атташе. 18 марта 1938 г. он был назначен послом Германии в Японии, а в апреле того же года получил звание генерал-майора. После разоблачения пресс-атташе германского посольства Р. Зорге как советского агента в октябре 1941 г. Отт был освобожден от должности и отозван в Берлин. Однако в Германию до самого конца войны он так и не приехал, «задержавшись» на все это время в Пекине в качестве частного лица.

⁵⁰ США активизировались на дальневосточном и тихоокеанском театрах военных действий лишь в декабре 1941 г., после атаки Японии на Перл-Харбор.

Парадоксальным образом, все три избранные стратегии оказались, в определенной степени, вполне успешными⁵¹. СССР действительно удалось до конца войны в Европе нейтрализовать японскую военную угрозу у своих дальневосточных границ. Япония втянулась в войну против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. При этом летом 1942 г. она была как никогда близка к созданию своей «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», поставив под свой военный и экономический контроль огромный регион, включая и упоминавшийся в немецкой директиве № 24 Сингапур. Германия, в свою очередь, получила возможность самостоятельно «разобраться» с Советским Союзом, а дальневосточная политика Третьего рейха и его военно-политический союз с Японией вынуждали советское руководство всю войну держать на Дальнем Востоке огромную военную группировку (в разные годы войны от 35 до 50 дивизий общей численностью до 1 млн человек), которые были так необходимы на советско-германском фронте. Другой вопрос, что ход и исход войны определяли не игры дипломатов и разведчиков, сколько бы изощренными и многоходовыми они не были, а реальные боевые действия на фронтах, военно-экономические и мобилизационные возможности основных участников этой мировой военной драмы, которые опрокинули многие расчеты и калькуляции предвоенного времени.

Заключение

Таким образом, трофейные архивные материалы о деятельности немецких военных атташе в Японии, отложившиеся в фонде 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, безусловно, представляют значительную ценность для изучения предыстории и истории Второй мировой войны и международных отношений этого периода на Дальнем Востоке.

Можно сделать общий вывод о широком спектре проблем, которые освещаются в донесениях немецких военных атташе из Токио. Среди основных тем на первый план выходит военный аспект – организация, состояние и боеготовность военных сил государств этого региона, в первую очередь, Китая, СССР и Японии. При этом японская императорская армия рассматривалась немецкой стороной как дружественная и союзная, а армия центрального правительства Китая (Гоминьдана) как не враждебная немецким интересам на Дальнем Востоке. Что же касается вооруженных сил СССР, то они, безусловно, рассматривались немецкими военными атташе в качестве потенциального военного противника и Японии, и Германии в надвигающейся войне.

Второй по значимости, но первой по общему объему отправляемых в Берлин документов, стала тема японо-китайской войны. С началом активной фазы боевых действий доклады немецких военных атташе отправлялись в Германию со средней периодичностью один – два раза в месяц. Можно также выделить следующие вопросы, по которым, по мере необходимости, представлялись отдельные донесения: военные планы сторон, тактика боевых действий японской и китайской армий, боевая подготовка в них, состояние и боевые действия военной авиации, потери войск и мирного населения, описание отдельных военных операций, политические и пропагандистские мероприятия.

Если говорить о настоящем уровне военно-политического сотрудничества между Японией и Германией, который можно оценить по документам военных атташе, то можно сделать вывод, что реальным был лишь интенсивный обмен разведывательной информацией (обменными материалами) и взаимодействие на внешнеполитическом уровне. Совместные военно-технические проекты и поставки гражданской и военной техники из Германии

⁵¹ Правда, довести свою «большую игру» до желаемого результата смог только Советский Союз.

в Японию носили разовый характер. О действенном военном союзе и масштабной военной поддержке друг друга не могло быть и речи – союзники находились в разных частях света. Самым важным был и оставался на протяжении всей Второй мировой войны геополитический фактор: основной противник Германии в Европе и Японии в Азии – Советский Союз был вынужден держать на Дальнем Востоке большую военную группировку, что де-факто сильно влияло на весь ход боевых действий на советско-германском фронте. С учетом этого обстоятельства можно говорить о частичном успехе германо-японского альянса, хотя итог войны был обескураживающим для обоих партнеров: и Германия, и Япония потерпели поражение и капитулировали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ван Ци, Кулик С.В., Смирнова Д.Д. К вопросу о китайской историографии Второй мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т.8. №1. С. 35–47.
- Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Москва: Воениздат. 1971.
- Гаврилов В., Горбунов Е. Операция «Рамзай»: триумф и трагедия Рихарда Зорге. Москва: Olma Media Group. 2004.
- Захаров В.В., Уль М., Хаустов В.Н. Чекист, сбежавший к самураям. Москва: Вече. 2022.
- Зимонин В.П. Почему Япония в ходе Второй мировой войны не желала безоглядно следовать курсом фашистской Германии // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 19–23.
- Кошкин А.А. «Барбаросса по-японски». Почему провалился план «Кантокуэн». Москва: Вече. 2020.
- Луks А.А. Воентехник 2-го ранга М.А. Домнин в плену (1938) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 4 (12). С. 111–126.
- Милеев Д.А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi* / Институт востоковедения РАН. Москва: ИВ РАН. 2017.
- Протокол допроса генерал-майора К. Шпальке 4 октября 1951 г. // Тайны дипломатии Третьего рейха. 1944–1955 / отв. редактор В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. Москва: Международный фонд «Демократия», 2011. С. 707–721.

REFERENCES

- Gavrilov, V., Gorbunov, E. (2004). Operatsiya “Ramzai”: Triumf i tragediya Rikharda Zorge [Operation “Ramsay”: The Triumph and Tragedy of Richard Sorge]. Moscow: Olma Media Group. (In Russian).
- Koshkin, A.A. (2020). “Barbarossa po-yaponski”. Pochemu provalilsya plan “Kantokuen” [“Japanese Barbarossa.” Why did the Kantokuen Plan Fail]? Moscow: Veche. (In Russian).
- Luks, A.A. (2018). Voentekhnik 2-go ranga M.A. Domnin v plenu (1938) [Military Technician of the 2nd Rank M.A. Domnin in Captivity (1938)]. *Journal of Dmitry Pozharsky University*, 4 (12), 111–126. (In Russian).
- Mileev, D.A. (2017). *Otnosheniya Yaponii i Germanii v XX veke: slozhnye poiski modus vivendi* [Relations Between Japan and Germany in the 20th Century: Convolutved Quest for Modus Vivendi]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Protokol doprosa general-maiora K. Shpal’ke 4 oktyabrya 1951 g. [Protocol of the Interrogation of Major General K. Spalcke on October 4, 1951]. (2011). In *Secrets of Diplomacy of the Third Reich. 1944–1955* (pp. 707–721). Moscow: Democracy International Foundation. (In Russian).
- Vnotchenko, L.N. *Pobeda na Dal’nem Vostoke* [Victory in the Far East]. Moscow: Voениzdat. (In Russian).

- Wang Qi, Kulik, S.V., Smirnova, D.D. (2017). K voprosu o kitaiskoi istoriografii Vtoroi mirovoi voiny [On the Issue of Chinese Historiography of the Second World War]. *Saint Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 8 (1), 35–47. (In Russian).
- Zakharov, V.V., Uhl, M., Khaustov, V.N. (2022). Chekist, sbezhavshii k samurayam [The Chekist Who Fled to the Samurai]. Moscow: Veche. (In Russian).
- Zimonin, V.P. (2004). Pochemu Yaponiya v khode Vtoroi mirovoi voiny ne zhelala bezoglyadno sledovat' kursom fashistskoi Germanii [Why Japan Did Not Want to Recklessly Follow the Course of Nazi Germany During the Second World War]. *Military Historical Journal*, 7, 19–23. (In Russian).

* * *

- Gehlen, R. (1971). *The Service. Memoirs 1942–1971*. Mainz: Hase & Köhler.
- Kehrig, M. (1966). *The Reestablishment of the German Military Attaché Service after the First World War (1919–1933)*. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag.
- Kreitz, I. (2008). *Die Sache mit Sorge – Stalin's Spy in Tokyo*. Hamburg: Carlson Verlag.
- Pahl, M. (2012). *Foreign Armies East. Hitler's Military Reconnaissance*. Berlin: Ch. Links Verlag.
- Schmidt, J.W. (2005). Eugen Ott – Friend and Source of Richard Sorge. In H.Timmermann et al. (Eds.), *Espionage, Ideology, Myth – The Case of Richard Sorge* (pp. 88–104). Münster: LIT Verlag.
- Schwalbe, H., Seemann, H. (Eds.). (1973). *German Ambassadors to Japan. 1860–1973*. Tokyo: German Society for the Natural History and Ethnology in East Asia.

Поступила в редакцию: 14.03.2023

Received: 14.03.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-105-128

Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии

И.Л. Тимонина

Аннотация. В статье анализируются современные проблемы и направления модернизации японского корпоративного управления и то, как они интерпретируются в государственной стратегии социально-экономического развития, а также аналитических документах ведущих предпринимательских организаций Японии.

Трансформация традиционной модели японского менеджмента, сложившейся в период высоких темпов экономического роста (вторая половина 1950-х – начало 1970-х гг.) происходила постоянно и постепенно по мере того, как компании адаптировались к внешним изменениям и воспринимали некоторые черты западных моделей.

К началу третьего десятилетия XXI в. японский бизнес подошел уже существенно обновленным. Пандемия COVID-19 и ее последствия, возрастание неопределенности в мировом экономическом пространстве и геополитической напряженности ускорили процессы перемен.

Перемены затронули многие сферы корпоративного управления – они коснулись оценки стоимости компаний, структуры источников финансирования, отношений с инвесторами, системы финансовой и бухгалтерской отчетности, системы перекрестного владения акциями, назначения топ-менеджеров и их вознаграждения, раскрытия финансовой информации. В системе приоритетов менеджмента повысился статус акционеров, что повлияло и на распределение прибыли, и на возможности инвестирования в стратегические направления.

В правительственной Стратегии формирования «нового капитализма» 2022 г. назван ряд проблемных сфер корпоративного управления – эффективность использования капитала, его распределение, стоимость компаний, управление человеческими ресурсами, инновационно-технологическое развитие.

Правительством была предложена концепция «пост-неолиберального» капитализма – капитализма «заинтересованных сторон». Однако в случае с Японией эта концепция нова лишь отчасти. Многие прогнозируемые и предлагаемые перемены не противоречат традиционной практике японского бизнеса, особенно в части расширенного состава стейкхолдеров, социальной ответственности бизнеса, долгосрочного горизонта планирования и инвестирования в стратегические направления роста, развития персонала. Конечно, традиционные бизнес-практики обретают новые черты с учетом актуальной ситуации, т.е. происходит развитие по спирали, что очень характерно для Японии, как и партнерство государства и бизнеса, что также в японской традиции.

Ключевые слова: Япония, «новый капитализм», корпоративное управление, конкурентоспособность.

Автор: Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ (125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1); Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82); Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0002-3726-9164; E-mail: timonina2000@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: И.Л. Тимонина. Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии // Японские исследования. 2023. № 2. С. 105–128. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-105-128

The problems of reforming the entrepreneurial structure and business competitiveness in the modern strategy of socio-economic development of Japan

I.L. Timonina

Annotation. The article analyzes the current problems and directions of modernization of Japanese corporate governance, as they are interpreted in the state strategy of socio-economic development, as well as analytical documents of leading business organizations in Japan.

The transformation of the traditional model of Japanese management, which developed during the period of high economic growth (the second half of the 1950s – early 1970s), was taking place constantly and gradually as companies adapted to external changes and accepted some features of Western models.

By the beginning of the third decade of the 21st century, the Japanese business had already been significantly reformed. The COVID-19 pandemic and its consequences, increasing uncertainty in the global economic space, and geopolitical tensions have accelerated the processes of change.

The changes affected many areas of corporate governance – the valuation of companies, the structure of funding sources, investor relations, financial and accounting reporting systems, the system of cross-ownership of shares, appointment of top managers and their remuneration, financial disclosure. In the system of management priorities, the status of shareholders has increased, which has affected both the distribution of profits and the opportunities for investment in strategic areas.

The government's Strategy for the Formation of "New Capitalism" 2022 names a number of problematic areas of corporate governance – the efficiency of capital use, its distribution, the value of companies, human resource management, innovation and technological development.

The Government proposed the concept of "post-neoliberal" capitalism – the capitalism of "stakeholders." However, in the case of Japan, this concept is only partially new. Many of the projected and proposed changes do not contradict the traditional practice of Japanese business, especially in terms of the expanded composition of stakeholders, social responsibility of business, long-term planning horizon and investment in strategic areas of growth, personnel development. Of course, traditional business practices will acquire new features while taking into account the current situation, i.e., there is a spiral development, which is very typical for Japan, as well as partnership of the state and business, which is also a Japanese tradition.

Keywords: Japan, "new capitalism", corporate governance, competitiveness.

Author: Timonina Irina L., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11/1, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation); Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation); Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science (address: Rozhdestvenka Str., 12, Moscow, 107031 Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3726-9164; E-mail: timonina2000@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Timonina I.L. (2023). Problemy reformirovaniya korporativnogo upravleniya v kontekste novoi strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii [The problems of reforming the entrepreneurial structure and business competitiveness in the modern strategy of socio-economic development of Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 2, 105–128. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-105-128

Введение

Японская система корпоративного управления всегда отличалась своеобразием, об этом много написано и в самой Японии, и за рубежом. Неоднократно обращались к данной проблематике и российские исследователи¹. Такие отличительные черты японского менеджмента как система пожизненного найма, *кайдзен*, процедуры принятия решений, взаимоотношения между менеджментом и акционерами и многое другое неоднократно исследовались. К этому следует добавить еще одну особенность японского корпоративного управления – исключительную закрытость внутренних процессов японских корпораций. Кроме того, многие бизнес-процедуры, которые выглядят как совершенно стандартные и типичные для компаний других стран, в японских компаниях часто имеют другое содержание или, по крайней мере, ярко выраженную национальную окраску. Все это, конечно, затрудняет исследование японского корпоративного менеджмента и способствует сохранению некоторых стереотипных, «традиционных» представлений о японском бизнесе. Вместе с тем японский менеджмент постоянно трансформировался, адаптируясь к внешним изменениям и воспринимая некоторые черты западных моделей. Изменения эти происходили в основном плавно и постепенно, но были и периоды «ускорения», в частности, 90-е гг. XX – начало XXI в., когда происходила активная глобализация японской экономики и транснационализация бизнеса.

В третье десятилетие XXI в. японский бизнес уже вступил существенно обновленным по сравнению с «традиционной» моделью, сложившейся в период высоких темпов роста (середина 1950-х – 1970-е гг.), но, тем не менее, пандемия COVID-19 и последующее восстановление, а также геополитическая напряженность ускорили перемены, которые назревали уже давно, и потребовали своего рода «инвентаризации» основных принципов японского корпоративного управления.

Что собой представляет современная модель японского корпоративного управления, которая, как оказывается, весьма далека от традиционных представлений о ней? В чем главные причины снижения международной конкурентоспособности японского бизнеса? Каковы основные направления трансформации японской предпринимательской структуры и управления?

При отсутствии доступа к инсайдерской информации мы вряд ли достоверно ответим на поставленные вопросы. Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать позиции государства и бизнеса по обозначенной тематике. Информационной базой данного исследования послужили стратегические разработки правительства и предпринимательских организаций, выступления премьер-министра, материалы министерских пресс-конференций, а также материалы сайтов крупных корпораций.

¹ См., например, [Лебедева; Тимонина].

Проблемы компаний в Стратегии перехода к «новой форме капитализма»

В 2022 г. правительство Японии представило новую долгосрочную Стратегию трансформации социально-экономической модели, получившую название «новой формы капитализма»² с временным горизонтом до 2030 и до 2050 г., ориентированную на решение фундаментальных социальных и экономических проблем и обеспечение стабильного экономического роста.

В Стратегии было уделено внимание практически всем сферам экономики и жизни общества. И среди жизненно важных вопросов и направлений развития страны (изменение климата, цифровизация, экономическая безопасность и глобализация, инклюзивность, здравоохранение, совершенствование инструментов государственного регулирования) значительное место занимают проблемы конкурентоспособности японского бизнеса и корпоративного управления, касающиеся компенсаций персоналу, инвестирования в инновационные сферы, цифровизации, стартапов, управления рисками и многого другого.

Показательно, что проблемы японских корпораций в Стратегии подаются в весьма критическом свете, а рекомендации, которые правительственные эксперты дают компаниям, в том числе касаются и вопросов, относящихся к внутренним делам корпораций.

Для того, чтобы понять, что же предопределило такой «инновационный» подход государства к проблемам бизнеса, следует обратить внимание на концептуальный посыл Стратегии, который состоит в определенном отходе от неолиберализма:

«идея неолиберализма о том, что все будет работать, если оставить все на усмотрение рынка и конкуренции, возникла в период 1980-х – 2000-х годов. Глобальная экономика в этот период значительно выросла, и неолиберализм сыграл определенную роль в стимулировании этого роста. Однако за это время также возникли бесчисленные препятствия, такие как растущее экономическое неравенство, изменение климата, возрастающий риск для экономической безопасности из-за чрезмерной зависимости от зарубежных стран...»³.

Авторы Стратегии обосновывают историческую закономерность перехода «капитализма» в новую стадию:

«В прошлом капитализм претерпел две серьезные трансформации, ...во второй половине XX века принцип невмешательства был заменен концепцией государства всеобщего благосостояния, в рамках которой правительство делало упор на социальное обеспечение. Затем...возникла концепция неолиберализма, призванная восстановить экономику, которая теряла конкурентоспособность. Сейчас мы сталкиваемся с третьим крупным переходом в истории капитализма и должны продолжить трансформацию, чтобы достичь новой формы капитализма, или, другими словами, четвертой стадии капитализма. Новая форма капитализма – это, конечно, все еще капитализм.

² Далее в тексте будет использоваться обозначение Стратегия, имея в виду комплект основополагающих правительственных документов, включая 12 стратегий развития отдельных сфер экономики и социальной жизни, опубликованных в январе – апреле 2022 г. В июне 2022 г. был опубликован общий документ «Грандиозный замысел и План действий для новой формы капитализма», который обобщает результаты обсуждения Совета по реализации «новой формы капитализма (см. Приложение) – Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups~ https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения:04.05.2023).

³ Авторизированный перевод. Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups, p. 1–2 https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения:4.05.2023)

Однако, в то время как предыдущие переходные процессы включали фундаментальное колебание маятника между рынком и страной, государственным или частным, при новом капитализме, мы должны стремиться преодолевать возникающие социальные проблемы... с помощью подхода “как рынок, так и государство”, или, другими словами, посредством нового сотрудничества между государственным и частным секторами»⁴.

Предлагаемый подход «как рынок, так и государство», вероятно, означает использование некоего «нового» формата сотрудничества между государственным и частным секторами, и это, по крайней мере, отчасти, объясняет то беспрецедентно большое внимание, которое уделяется в Стратегии корпоративному управлению. При этом правительство прямо и неоднократно заявляет о необходимости реформирования внутренних бизнес-структур и бизнес-практик.

Позиция бизнеса

Необходимо подчеркнуть, что идея «преобразования» капитализма осознается и в основном поддерживается и крупным бизнесом и, более того, как это принято в Японии, разрабатывалась в процессе консультаций правительства с бизнес-кругами. Вместе с тем позиции предпринимательских организаций со временем менялись.

Еще в период финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. одна из таких организаций – Японская ассоциация корпоративных управляющих⁵ (Кэйдзай доюкай) представила аналитические разработки и рекомендации по модернизации японского менеджмента. Авторы подчеркивали необходимость «выявления и оттачивания сильных сторон, позволяющих работать даже в наши дни», предлагали «изобрести совершенно новый способ ведения бизнеса, а затем попытаться объединить сильные стороны и инновации...»⁶. В докладе организации акцентируется внимание на сильных сторонах японского менеджмента, приводятся многочисленные примеры деятельности ведущих корпораций, но предлагаются и изменения, которые сгруппированы в четыре направления (табл. 1).

Таблица 1. Предложения организации Кэйдзай доюкай в области модернизации корпоративного управления

1. Инициативы по укреплению международной конкурентоспособности	1.1 Управление с точки зрения долгосрочной перспективы 1.2 Построение доверительных отношений между руководителями и сотрудниками 1.3 Усиление групповой ориентации и командной работы, способствующих творчеству
2. Завоевание доверия международного сообщества и внесение вклада в решение глобальных проблем	2.1 Формирование глобального видения и глобального мышления у руководителей 2.2 Поощрение разнообразия 2.3 Признание необходимости критического мышления как деловой практики

⁴ Авторизированный перевод. Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups, p. 1–2 https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения: 4.05.2023)

⁵ В русскоязычной литературе используется также наименование Общество экономических единомышленников.

⁶ The 16th Corporate White Paper Creating a New Style of Japanese Corporate Management, p. 2. <https://www.doyukai.or.jp/en/policyproposals/2009/090703.html> (дата обращения: 04.05.2023).

3. Повышение конкурентоспособности продуктов и услуг	3.1 Обеспечение условий для внедрения инноваций в производственные процессы 3.2 Обмен идеями в компании 3.3 Неуклонное стремление к производительности и эффективности 3.4 Использование технологий в условиях старения населения
4. Создание среды, способствующей конкурентоспособности	4.1 Отказ от «системы патронажа» государства 4.2 Содействие созданию и росту новых предприятий (стартапов)

Составлено по: Авторизированный сокращенный перевод. Creating a New Style of Japanese Management, p. 2–3 <https://www.doyukai.or.jp/en/policyproposals/2008/080702.html> (дата обращения: 04.05.2023).

Анализ документов Кэйдзай доюкай позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, некоторые традиционные представления о японском менеджменте не совсем актуальны (пункт 1.1: традиционно считалось, что особенностью японских компаний была как раз ориентация на долгосрочную перспективу). Во-вторых, при том, что признается необходимость перемен, акцент в обоих документах все же делается на сильных сторонах японского корпоративного управления. В-третьих, рекомендации организации во многом созвучны тем, что содержатся в более поздних документах, другой предпринимательской организации Кэйданрэн, о которых пойдет речь ниже.

Представляет интерес и позиция Кэйдзай доюкай в отношении общих правил регулирования рынка. В документе 1996 г. с показательным названием Manifest for a Market-Oriented Economy прямо проводится идея «свободного рынка»:

«Мы больше не живем в эпоху, когда правительство может руководить, добиваясь национального консенсуса для достижения единой четко определенной цели, как это было в эпоху высоких темпов роста 1950-х и 1960-х годов. При отсутствии таких условий вмешательство государства на рынке для обеспечения предопределенного результата ограничивает свободу выбора и инициативу участников рынка...»

Экономика будущего будет формироваться на основе свободной конкуренции и потребительского выбора на рынке. Хотя это может быть новым и сложным направлением для Японии, оно уже хорошо зарекомендовало себя как общемировая тенденция... Рынок должен функционировать настолько свободно, насколько это возможно, а конкуренция должна иметь как можно более широкие масштабы»⁷.

Таким образом, в 1996 г. Кэйдзай доюкай призывал к переходу к более либеральной модели регулирования рынка (фактически условий функционирования компаний), и в 2008–2009 гг., в период мирового финансово-экономического кризиса, эта позиция была подтверждена, но в несколько более мягкой форме.

В 2021 г. позиция Кэйдзай доюкай претерпевает изменения в соответствии с меняющейся внешней, прежде всего международной, средой, и она уже близка к позиции другой предпринимательской организации – Кэйданрэн:

«Нам нужно нацелиться на создание “корпоративной Японии”, где правительство и компании разделяют общие цели и выполняют свои отдельные роли, работая на

⁷ Авторизированный сокращенный перевод. Manifest for a Market-Oriented Economy <https://www.doyukai.or.jp/en/policyproposals/1996/pdf/970109a.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

выживание Японии и повышение ее ценности как нации. Однако “корпоративная Япония”, которая имеется в виду, полностью отличается от Japan Inc. в годы быстрого экономического роста страны, когда компании просто следовали общей политике и руководству государства...»⁸.

Политические предложения Кэйданрэн (ноябрь 2020 г., т.е. примерно за полтора года до опубликования основных документов Стратегии) почти полностью идентичны положениям правительственных документов – Стратегии 2022 г.:

«Обеспечение условий свободной и динамичной конкуренции при малочисленном правительстве (имеется в виду ограниченное государственное вмешательство в экономику. – ИТ) в определенной степени способствовало дальнейшему экономическому росту. Однако мы не должны забывать, что распространение экономической деятельности с единственной целью получения прибыли также привело к мрачным последствиям, включая обострение экологических проблем и проявление проблемы неравенства. Эти тенденции в сочетании с прогрессом цифровизации и глобализации привели к появлению чувства раскаяния по поводу концепции приоритета интересов акционеров... Кроме того, теперь, когда основные потребности жизни людей удовлетворяются, ценность, которую многочисленные заинтересованные стороны ждут от корпораций, становится все более разнообразной и сложной, выходя за рамки простого количества, качества и цены продукта, включая в себя менее материалистические соображения»⁹.

Анализ полных текстов политических заявлений двух самых влиятельных предпринимательских организаций позволяет выявить некоторые новые черты менеджмента японских корпораций, которые отличаются от традиционных представлений о нем. Самым важным представляется определенное снижение значимости долгосрочного планирования в пользу достижения краткосрочных финансовых результатов, что неразрывно связано с повышением роли акционеров в системе приоритетов компаний.

Второй вывод состоит в том, что в целом, несмотря на определенные различия в позициях двух ведущих предпринимательских организаций Японии, в целом их предложения и рекомендации созвучны идеям правительства, о которых мы подробнее поговорим ниже.

Как мы уже отмечали выше, постепенное реформирование японской корпоративной структуры и управления идет уже несколько десятилетий, и изменения, упомянутые выше, как и другие, происходят постепенно. И для того, чтобы понять, действительно ли в ближайшем будущем могут произойти кардинальные перемены, необходимо проанализировать тенденции предшествующего периода.

Модернизация японского менеджмента в конце XX в. и в первые десятилетия XXI в.

Японская модель корпоративного управления эффективно работала на протяжении десятилетий и обеспечивала успешное развитие японской экономики и в период высоких темпов экономического роста, и в период структурной перестройки второй половины 1970-х – 1980-е гг.

⁸ Авторизированный сокращенный перевод. The Responsibility of Corporate Executives as Innovators and Implementors Formulate National Strategy Based on Companies' Ambitions and Practical Wisdom Chairman's Remarks at the Fiscal 2021 Annual Meeting. April 27, 2021. <https://www.doyukai.or.jp/en/chairmansmsg/uploads/docs/210427a.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

⁹ Авторизированный сокращенный перевод. The NEW Growth Strategy https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2020/108_proposal.html#s1 (дата обращения: 04.05.2023).

Однако с завершением этапа догоняющего развития экономики и в условиях глобализации и продолжающейся транснационализации японского бизнеса стало ясно, что традиционная система корпоративного управления во многом исчерпала свои ресурсы и обнаружила слабые и уязвимые элементы, которые в других условиях таковыми не являлись.

Среди изменений, которые стали очевидны к началу третьего десятилетия XXI в., следует выделить, прежде всего, заметные сдвиги в *финансовом менеджменте*.

Этому способствовал целый ряд обстоятельств. В 1980-е гг., когда японская экономика развивалась уверенными (хотя и не такими высокими, как в 1960-е – 1970-е гг.) темпами, а японский бизнес успешно действовал на международных рынках, зависимость компаний от банковского кредита, которая имела место в период высоких темпов роста, начала снижаться. Выросли собственные финансовые возможности компаний, они стали постепенно переориентироваться на активно развивавшийся фондовый рынок, в том числе и благодаря политике либерализации, которая активизировалась в 1980-е гг. В этих условиях акционеры стали реально влиять на принятие решений в компании, их собрания перестали быть декоративным элементом управления, менеджмент компаний стал уделять гораздо большее внимание текущей отчетности и выплате дивидендов, как впоследствии оказалось, даже в ущерб долгосрочному инвестированию в стратегические направления.

Активное продвижение японских компаний на мировые рынки в 1990-е гг., формирование ими международных производственных сетей, заключение партнерских соглашений с иностранными корпорациями, выход на ведущие мировые фондовые рынки потребовали от менеджмента уделять больше внимания повышению рейтинга акций и других корпоративных ценных бумаг, а также текущей финансовой отчетности и обеспечению большей открытости финансовой информации в соответствии с международными стандартами. Многие крупные японские корпорации начали переходить на американскую систему корпоративных счетов, где основными являются консолидированные счета cash flow (счета денежных средств) и где большое значение придается текущей прибыли по этим счетам. Перемены также коснулись оценки стоимости компаний, структуры источников финансирования, отношений с инвесторами, всей системы финансовой и бухгалтерской отчетности.

Изменения в корпоративном управлении потребовали и обновления законодательства. В 1990-е гг. и в последующий период в Японии был принят целый ряд законов и поправок к действующим законам, направленных на содействие модернизации системы финансового менеджмента и в целом корпоративного управления в сторону укрепления статуса акционеров и расширения их прав, обеспечения большей прозрачности и раскрытия информации и независимого аудита, ограничения системы перекрестного владения акциями (табл. 1).

Таблица 2. Изменения законодательства, связанные с регулированием финансового менеджмента компаний (примеры)

<p>1993 г. Поправки в Коммерческий кодекс</p>	<p>Укрепление позиций акционеров и расширение их прав. Закрепление статуса акционеров. Облегчение для акционеров процедуры подачи в суд иска против директоров, независимо от размеров этого иска. Снижение (с 10 до 3,3%) относительных размеров пакета акций, владельцы которого могут потребовать доступа к конфиденциальной финансовой документации компании.</p>
<p>1997 г. Поправки в Коммерческий кодекс</p>	<p>Возможность для руководства добровольно использовать систему опционов на акции, чтобы интересы руководства совпадали с интересами акционеров.</p>

2001 г. Поправки в Коммерческий кодекс	Разрешение добровольно назначать внешних директоров в советы директоров корпораций для улучшения управления.
2001 г. Закон об ограничении владения акциями банками	Ограничение системы перекрестного владения акциями.
2000–2001 гг. Обновление японских GAAP в соответствии с международными стандартами бухгалтерского учета (IAS)	Обеспечение большей прозрачности и раскрытия информации.
2004 г. (с поправками, внесенными в 2009 г.) Токийская фондовая биржа (TSE) сформулировала Принципы корпоративного управления для компаний	Обязательное требование для всех котирующихся на бирже компаний представлять бирже подробный отчет о корпоративном управлении.
2005 г. Закон о японских компаниях (вступил в силу с 01.05 2006 г.)	Преобразование Коммерческого кодекса и других соответствующих законов и нормативных актов, касающихся компаний, в Закон о компаниях.
2006 г. Поправки в Закон о финансовых инструментах и биржах	Обязательное требование внутреннего аудита.
2008 г. Правила листинга Токийской фондовой биржи	Требование, чтобы все зарегистрированные фирмы назначали по крайней мере одного внешнего независимого директора или аудитора.

Составлено по: [Mazumder M.]

В 2000-х – 2010-х гг. в Японии были внесены существенные изменения и в требования к аудиту компаний и деятельности аудиторских фирм. В частности, поправки к Закону о сертифицированных государственных бухгалтерях (Закон о CPA) 2003 г. и 2007 г., которые были сделаны под сильным влиянием Закона Сарбейнса-Оксли 2002 г. в США (определяет стандарты публичного предоставления информации о финансовой отчетности акционерными компаниями), содержали правила раскрытия информации об аудиторских фирмах, требования усиления надзора за аудиторами и контроля качества аудита, укрепления независимости аудиторов, а также предусматривали реформу экзамена для сертифицированных бухгалтеров¹⁰.

Еще одним существенным сдвигом в системе финансового менеджмента и вообще руководства японскими компаниями стало введение во многих компаниях поста главного финансового директора (CFO), что знаменовало коренной поворот в значении и функциях финансового управления.

¹⁰ Corporate Disclosure in Japan. Auditing // The Japanese Institute of Certified Public Accountants. July 2013. (Fifth Edition). <https://jicpa.or.jp/english/about/publications/pdf/PUBLICATION-Auditing2013.pdf> (дата обращения: 4.05.2023).

Х. Макото, один из ведущих аналитиков исследовательского центра Номура (ныне – Nomura Research Institute Group) еще в 2000 г. говорил по этому поводу: «Чтобы выбрать правильный путь, нужно точно знать капитальную стоимость компании, размер долгов, доходов и другие финансовые показатели. Цель финансового менеджмента должна состоять в выработке общей финансовой стратегии и отношений с инвесторами, а первоочередная задача финансового менеджмента, да и всего руководства компаний – забота об интересах акционеров» [Toshiba to Maximize “Value Creation”].

Учреждение поста финансового директора (часто совмещением с постом вице-президента) в крупных японских компаниях, по-видимому, отражало потребность в квалифицированной и профессиональной финансовой экспертизе. Некоторые японские компании, ориентируясь на опыт и практику западных фирм, ввели даже пост «супер-финансовый директор», который отвечает за широкий круг вопросов и занимает вторую позицию в иерархии корпоративного управления после президента. Другие практикуют систему «тройной ответственности», при которой исполнительный директор корпорации, финансовый директор и директор по общим вопросам – все работают на увеличение стоимости портфеля, т. е. финансовые проблемы считаются приоритетными.

Одновременно с введением нового поста в высшем руководстве японские компании занимались и занимаются усилением всего финансового менеджмента, что также обусловлено и тем, что некоторые компании решили расширить свой финансовый бизнес, включая услуги онлайн.

Например, холдинг Sony имеет в своем составе финансовый холдинг Sony Financial Group Inc. (получил это название в 2021 г.), который обрел свой нынешний вид и статус после многочисленных преобразований и расширения сферы деятельности основанной в 1979 г. компании по пруденциальному страхованию жизни (Sony Prudential Life Insurance Co., Ltd). В настоящее время финансовый холдинг Sony занимается различными видами финансовой деятельности, в том числе и банковской (рис. 1).

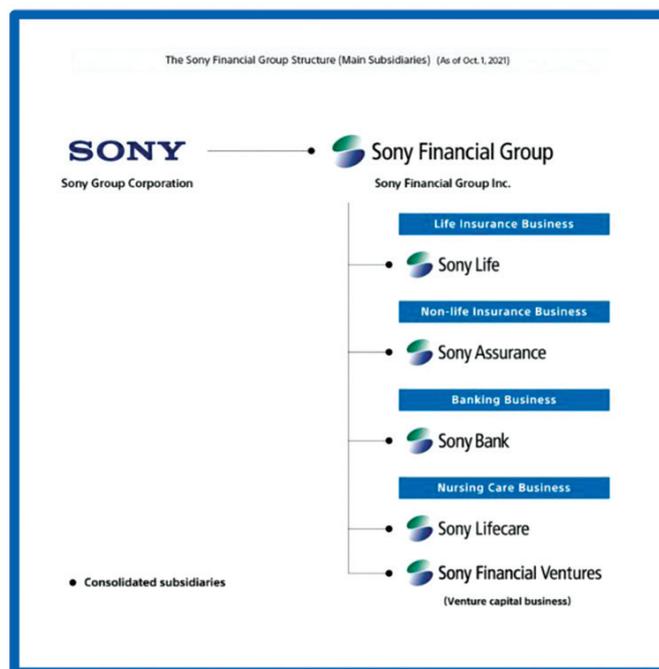

Рисунок 1. Структура Sony Financial Group Inc. (по состоянию на октябрь 2021 г.)

Источник: Sony Financial Group Structure (Main Subsidiaries).

<https://www.sonyfg.co.jp/en/company/structure.html> (дата обращения: 04.05.2023).

Изменения в системе корпоративного управления, происходившие в 2010-е гг., нашли отражение в обновляемых версиях *Кодекса корпоративного управления* и других документах, содержащих правила и рекомендации по корпоративному управлению, которые готовились и вводились в 2014–2021 гг. Управлением финансовых услуг, МЭТП и Токийской фондовой биржей.

В Кодексе корпоративного управления (в версии 2015 г.), принятой Управлением финансовых услуг, обозначены следующие цели его принятия:

«В настоящем Кодексе... “корпоративное управление” означает структуру прозрачного, справедливого, своевременного... принятия решений компаниями с должным вниманием к потребностям и перспективам акционеров, а также клиентов, сотрудников и местных сообществ.

Настоящий Кодекс... устанавливает основополагающие принципы эффективного корпоративного управления в компаниях, котирующихся на бирже в Японии. Ожидается, что надлежащая реализация Кодекса будет способствовать развитию и успеху компаний, инвесторов и японской экономики в целом посредством самостоятельных действий компаний, направленных на достижение устойчивого роста и повышение корпоративной стоимости в средне- и долгосрочной перспективе»¹¹.

Принципиальные изменения в подходах к корпоративному управлению, зафиксированные в данной редакции Кодекса, касались таких базовых вещей, как права акционеров, прозрачность управления, интересы стейкхолдеров. Все это можно интерпретировать как «призыв» к «справедливому» распределению результатов деятельности компании:

«Помимо акционеров, в компаниях есть множество важных заинтересованных сторон. Эти заинтересованные стороны включают внутренние стороны, такие как сотрудники, и внешние стороны, такие как клиенты, деловые партнеры и кредиторы, местные сообщества. Компании должны в полной мере осознавать, что надлежащее сотрудничество с этими заинтересованными сторонами необходимо для достижения устойчивого роста и повышения корпоративной стоимости в средне- и долгосрочной перспективе.

Учитывая растущий интерес к социальным и экологическим проблемам во всем мире, принятие превентивных мер в отношении ESG-вопросов (экологических, социальных и управленческих. – ИТ) также может осуществляться в рамках этого сотрудничества»¹².

Содержание данного фрагмента в части, касающейся «заинтересованных сторон», очень показательно, учитывая, что для японских компаний всегда было характерно расширение круга стейкхолдеров (так называемая плюралистическая модель корпоративной организации). Но, тем не менее, в документе требование учета интересов всех (!) стейкхолдеров особо подчеркивается, что может быть связано с определенным повышением статуса акционеров и изменением баланса между ними и другими заинтересованными сторонами.

В ходе опроса работников крупных компаний Японии, проводившегося влиятельной экономической газетой «Нихон кэйдзай симбун» в 1990 г., на вопрос «Кому принадлежит корпорация?» 80% опрошенных заявили, что она принадлежит работникам, 70% указали на

¹¹ Авторизированный сокращенный перевод. Japan's Corporate Governance Code Seeking Sustainable Corporate Growth and Increased Corporate Value over the Mid- to Long-Term (Draft Revision). <https://www.fsa.go.jp/en/news/2018/follow-up/20180330-1/02.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

¹² Авторизированный сокращенный перевод. Japan's Corporate Governance Code Seeking Sustainable Corporate Growth and Increased Corporate Value over the Mid- to Long-Term (Draft Revision), p. 10. <https://www.fsa.go.jp/en/news/2018/follow-up/20180330-1/02.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

то, что компания существует на благо общества в целом. Лишь на третьем месте был ответ, что фирма является собственностью акционеров (67%) [Yoshimori M.]. Однако в XXI в. ситуация, видимо, изменилась в пользу акционеров.

Вместе с тем показательно, что в политических предложениях Кэйданрэн содержится призыв продолжать придерживаться традиционного принципа ведения бизнеса, который предполагает учет интересов всех заинтересованных сторон, так называемого принципа *сампо-ёси*, и вести бизнес таким образом, чтобы выгодно отличаться от бизнеса корпораций в других странах¹³.

К вопросу о приверженности традиционным принципам ведения бизнеса интересно отметить, что в Японии есть Общество по распространению *сампо-ёси* по всему миру, на сайте которого можно узнать об истории данной бизнес-практики:

«В периоды Эдо и Мэйдзи японской истории торговцы, известные как Оми сёнин, были успешными и активными в каждой части страны. Их успех был обусловлен приверженностью духу, известному как сампо-ёси, буквально «трехстороннее удовлетворение», который подразумевал выгоды для продавца, покупателя и местного сообщества.... Торговцы понимали, что своим успехом в бизнесе они обязаны своим сообществам и отдавали что-то взамен.

Они щедро вкладывали свою прибыль в благотворительную деятельность, приносящую пользу всему сообществу, такую как строительство мостов и школ.

Считается, что первым упоминанием об этом принципе является завещание, которое Накамура Дзихэй, торговец из Оми, живший в период среднего Эдо, оставил своим внукам. Он умоляет их ставить своих клиентов превыше себя и ценить более широкое сообщество при ведении бизнеса. Он писал: “Всегда ставьте клиента на первое место. Посещая другие провинции, делайте все возможное, чтобы люди там чувствовали себя хорошо, употребляя продукты, которые вы привозите”.

Это может быть легко перенесено на современную философию управления. Поскольку мир начал требовать большей корпоративной социальной ответственности (КСО), многие современные предприятия также черпают вдохновение в идее сампо-ёси, которой так дорожили торговцы Оми. Концепция “беспроегрышного” (когда выигрывают как покупатель, так и продавец) уже давно существует в деловых кругах... все больше и больше компаний включают сампо-ёси в свои принципы управления, чтобы дать толчок практике корпоративной социальной ответственности»¹⁴.

В целом, важнейшими направлениями и сферами изменений, произошедших в бизнес-практиках японских компаний к началу 2020-х годов, стали:

- ✓ постепенный отход от перекрестного владения акциями;
- ✓ система назначения и вознаграждения топ-менеджеров (привлечение внешних директоров и «учета гендерного и международного аспектов» при формировании советов директоров, т. е. привлечение женщин и иностранцев);
- ✓ обеспечение более полного раскрытия финансовой информации, в том числе в плане социально-ответственного финансирования и информации о рисках [Usami, J., Mitchell, A. M., Hansen, N.]¹⁵.

Помимо названных перемен на рубеже веков обозначилась тенденция к постепенному размыванию системы пожизненного найма (хотя в данной сфере изменения были наименее

¹³ The NEW Growth Strategy. https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2020/108_proposal.html#s1 (дата обращения: 04.05.2023).

¹⁴ What is sanpo-yoshi? http://sanpoyoshi.net/what_en/ (дата обращения: 04.05.2023).

¹⁵ Guidelines for Investor and Company Engagement. <https://www.fsa.go.jp/en/news/2018/follow-up/20180601/01.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

заметными, а действия компаний очень осторожными), одним из трендов развития компаний стала цифровизация и экологизация корпоративного управления. И, тем не менее, по мнению правительства, которое отражено в стратегии «новой формы капитализма» и транслируется в выступлениях премьер-министра Ф. Кисида в Японии и за рубежом, для обеспечения устойчивого роста и решения социальных проблем корпоративная структура и управление нуждаются в дальнейшей модернизации.

В своем выступлении в Нью-Йорке в 2022 г. Ф. Кисида (в том числе желая продемонстрировать привлекательность Японии для иностранных инвесторов) прямо сказал, что «одной из очень важных стратегий является реформа корпоративного управления. В результате многочисленных реформ, проведенных Японией за последнее десятилетие, поведение японских компаний значительно изменилось. Показатели рентабельности инвестиций резко возросли, и почти во всех компаниях теперь есть независимые внешние директора. Мы также ожидаем, что все больше компаний будут назначать женщин и иностранных специалистов в свои советы директоров. Мы стали свидетелями того, как все больше компаний проводят масштабные корпоративные реформы, невиданные в прошлом, такие как отказ от непрофильного бизнеса и переход в новые сферы. Мы ускорим и еще больше укрепим реформы корпоративного управления в Японии, например, создадим в ближайшем будущем форум для заслушивания инвесторов со всего мира»¹⁶.

Проблемы корпоративного управления в начале третьего десятилетия XXI в.

В основных документах Министерства экономики, торговли и промышленности Японии (МЭТП), где изложена стратегия формирования «новой формы капитализма» – Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism (комплексный документ, опубликованный летом 2022 г.) и Creating Companies with Global Competitiveness (часть, касающаяся компаний), содержатся выводы относительно текущей ситуации в японском бизнесе и проблем (которые можно интерпретировать как «претензии» к бизнесу), мешающих японским компаниям эффективно функционировать в современных условиях.

Эти проблемы касаются главным образом трех сфер корпоративного управления – капитала (эффективность использования, распределение, стоимость компаний), человеческих ресурсов и инновационно-технологического развития, – а также целого ряда конкретных бизнес-практик.

Эффективность использования капитала. По мнению японских правительственных экспертов, в 2020-е гг. одной из важных управленческих задач для многих японских компаний стало повышение эффективности использования капитала. Сравнение финансовых показателей японских и американских/европейских корпораций оказывается не в пользу первых: их капитальная эффективность низка с точки зрения рентабельности активов (ROA)¹⁷, что может быть следствием неэффективного контроля за деятельностью менеджмента компаний со стороны акционеров, в том числе из-за сохранения системы перекрестного владения акциями (несмотря на изменения в данной сфере, о которых мы говорили выше).

Проблема капитализации. В документе МЭТП Creating Companies with Global Competitiveness выделяется также такая проблема, как отставание роста стоимости акций

¹⁶ Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio at the New York Stock Exchange. https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202209/_00009.html (дата обращения: 04.05.2023).

¹⁷ ROA (Return on Assets) – коэффициент, который показывает рентабельность активов. Рассчитывается: (Чистая прибыль за год) / (Активы на начало года + Активы на конец года) / 2) x 100%. <https://www.investopedia.com/terms/r/returnonassets.asp> (дата обращения: 04.05.2023).

на фондовых рынках Японии (TOPIX 500) по сравнению с США (S&P500) и Европой (STOXX 600)¹⁸. В 2005–2021 гг. японский индекс вырос на 120%, европейский на 157%, а американский – на 397 %. Эксперты делают вывод о том, что в течение этого периода «создание стоимости» (т.е. повышение стоимости компаний. – ИТ) японскими компаниями шло вяло, и проблемы существуют как во внутренних процессах компаний, так и в структуре/среде рынка (рис. 2–4) 19.

Рисунок 2. Динамика числа листинговых компаний TSE и их совокупной рыночной стоимости
Источник: FACT BOOK 2022, p.6 Japan Securities Dealers Association. <https://www.jsda.or.jp/en/statistics/factbook/files/factbook2022e.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

От себя заметим, что по другим фондовым индексам, представленным в статистическом ежегоднике Японской ассоциации дилеров, рынок Японии выглядит несколько лучше (рис. 5).

Проблемы с капитализацией японских компаний также отражаются в показателях PBR (отношение капитализации компаний на фондовых рынках Японии к их рыночной стоимости)²⁰. Доля японских компаний, у которых PBR меньше единицы (рыночная стоимость меньше чистых активов), составляет 43% (TOPIX500) по сравнению с 3% в США (S&P 500) и 18%

¹⁸ На фондовом рынке Японии с 1990-х гг. котируются акции не только японских, но и иностранных компаний, однако их доля в общей численности листинговых компаний относительно невелика, поэтому данные, представленные в рассматриваемых материалах Стратегии, достаточно полно отражают ситуацию со капитализацией японских акционерных компаний.

¹⁹ Creating Companies with Global Competitiveness Ministry of Economy, Trade and Industry. https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

²⁰ Мультипликатор PBR показывает отношение капитализации компании (Price) к балансовой стоимости ее активов (Book Value), где под капитализацией понимается текущая рыночная цена акционерного капитала компании, рассчитанного как рыночная стоимость акции, умноженная на их общее количество. Под балансовой стоимостью активов понимается чистая стоимость активов компании, т.е. общая стоимость активов (Total Assets) за минусом общей задолженности (Total Debt). <https://journal.open-broker.ru/trading/price-to-book/> (дата обращения: 04.05.2023).

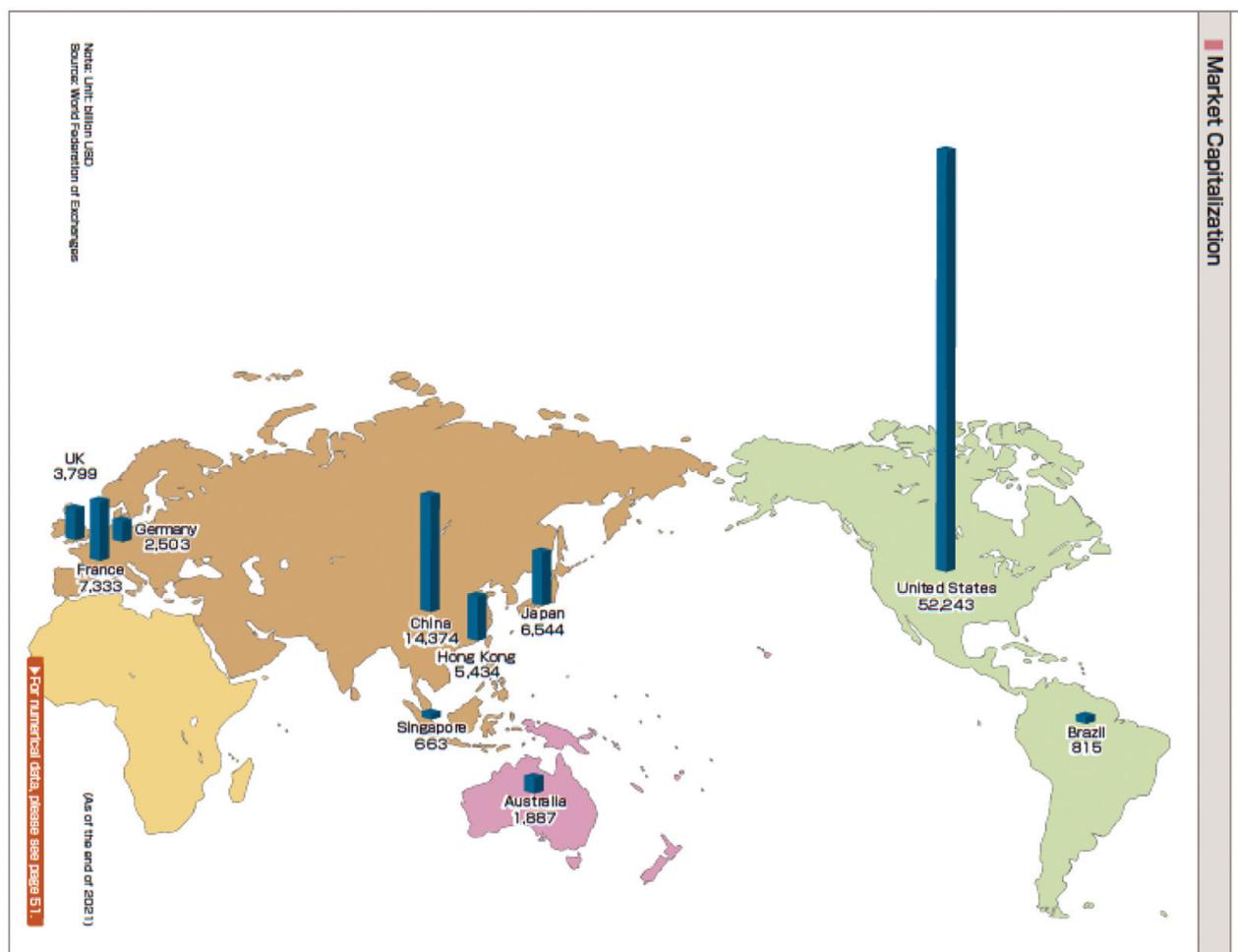

Рисунок 3. Совокупная капитализация основных фондовых рынков стран мира

Источник: FACT BOOK 2022, p.30 Japan Securities Dealers Association <https://www.jsda.or.jp/en/statistics/factbook/files/factbook2022e.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

в Европе (STOXX 600). В среднем PBR для компаний Первой секции Токийской фондовой биржи, по состоянию на март 2022 г. составлял 0,5–0,6²¹ (рис. 6). В отношении компаний с неудовлетворительными показателями PBR, а также PER (стоимость компании/чистая прибыль)²² (рис. 7) в Стратегии содержится рекомендация разработать и раскрыть планы по улучшению этих финансовых показателей²³.

В какой форме будет происходить стимулирование компаний к повышению названных финансовых показателей в Стратегии не уточняется, пока это выглядит как рекомендация, к которой компании, как это принято в Японии, вероятно, прислушаются еще и потому, что это соответствует их собственным планам и стратегиям. Данная точка зрения подтверждается анализом перспективных планов и отчетов крупных японских корпораций.

²¹ Creating Companies with Global Competitiveness, p. 6 Ministry of Economy, Trade and Industry. https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

²² PER – это отношение стоимости компании и ее чистой прибыли. В теории, данный мультипликатор ещё показывает то, сколько лет понадобится компании для того, чтобы компенсировать вложение. <https://vc.ru/finance/463906-slovar-investora-multiplikatory> (дата обращения: 04.05.2023).

²³ Creating Companies with Global Competitiveness, p.6 Ministry of Economy, Trade and Industry. https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

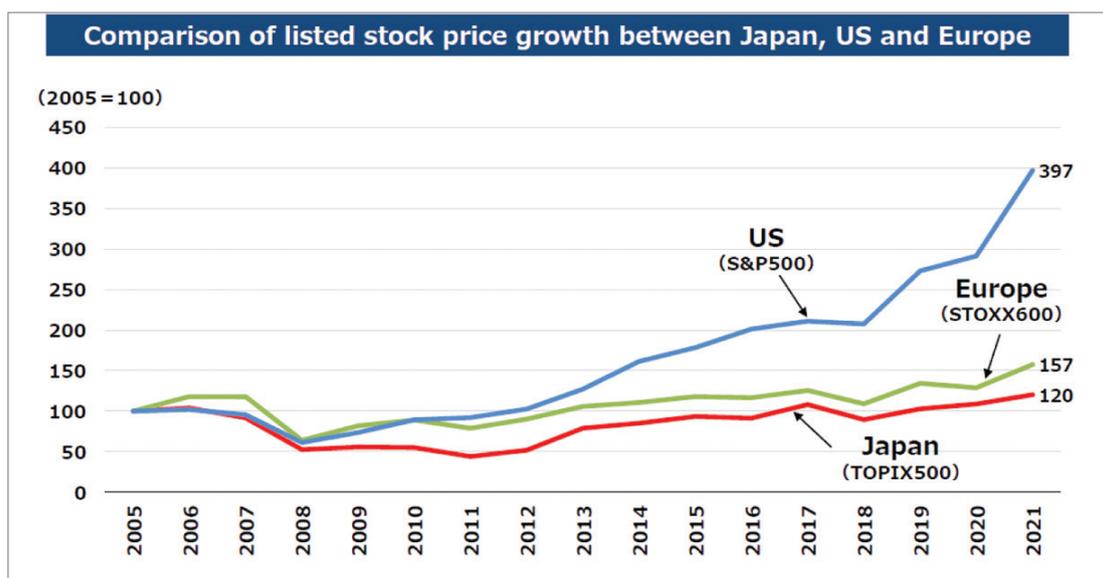

Рисунок 4. Динамика роста стоимости акций на фондовых рынках Японии, США и европейских стран

Источник: Creating Companies with Global Competitiveness Ministry of Economy, Trade and Industry https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

Примечание: TOPIX – это взвешенный по капитализации индекс, который рассчитывается по всем компаниям первой секции Токийской фондовой биржи TSE. Другим японским фондовым индексом является Nikkei, который представляет собой взвешенный по цене индекс на основе данных 225 крупнейших компаний, торгуемых на TSE. <https://www.investopedia.com/terms/t/topix.asp> (дата обращения: 4.05.2023).

Рисунок 5. Динамика индексов фондовых рынков Японии, США, Соединенного Королевства, КНР, Гонконга, Сингапура

Источник: FACT BOOK 2022, p.29 Japan Securities Dealers Association. <https://www.jsda.or.jp/en/statistics/factbook/files/factbook2022e.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

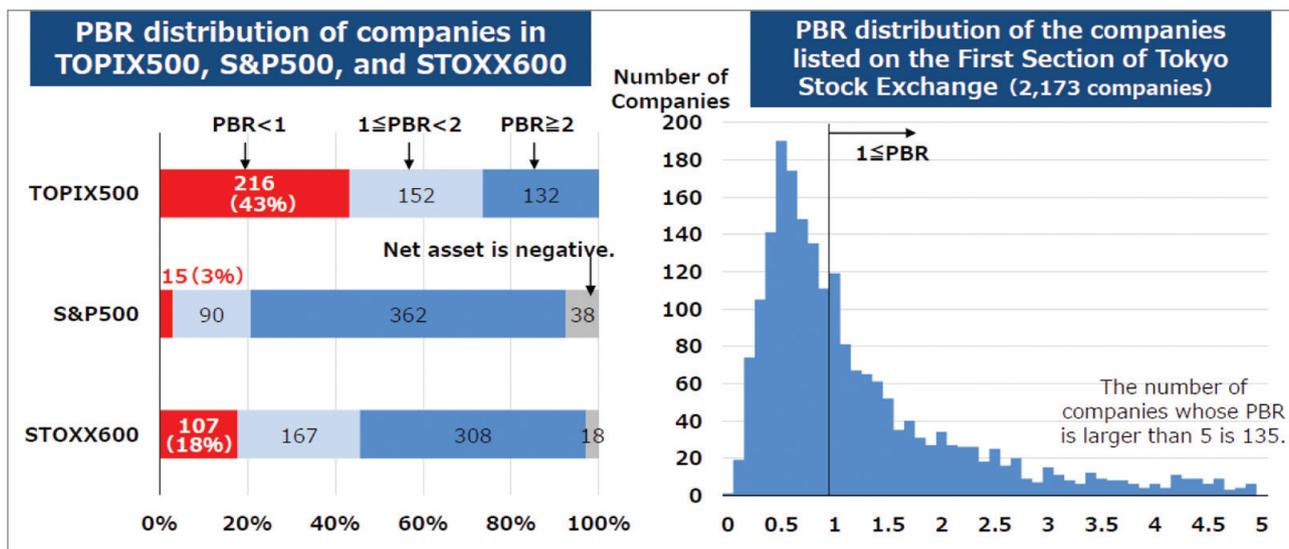

Рисунок 6. Распределение компаний, котирующихся на фондовых рынках Японии, США и Европы по показателю PRB.

Источник: Creating Companies with Global Competitiveness, p. 6 Ministry of Economy, Trade and Industry https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

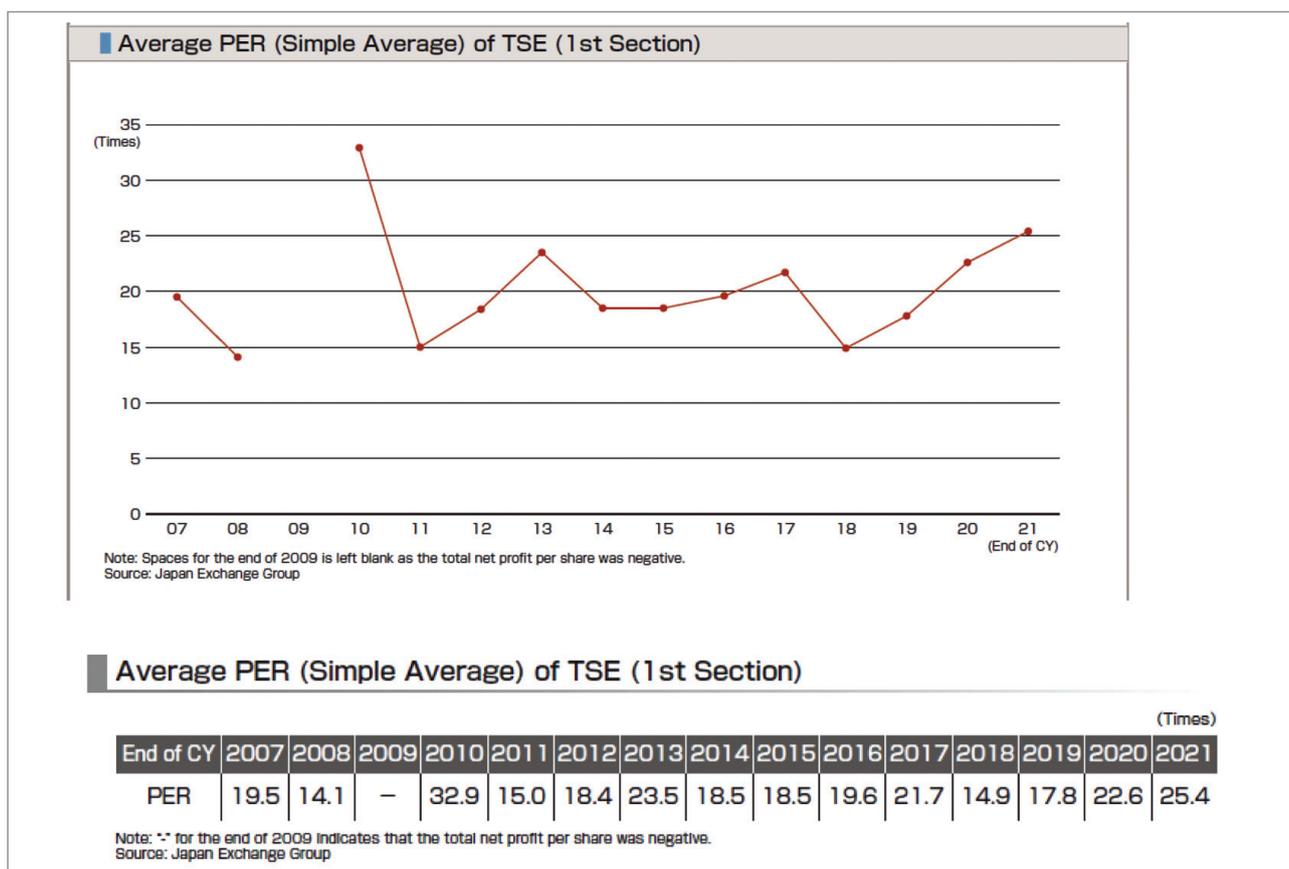

Рисунок 7. Динамика финансового показателя PER (простое среднее для компаний первой секции TSE).

Источник: FACT BOOK 2022, p. 7, 35 Japan Securities Dealers Association. <https://www.jsda.or.jp/en/statistics/factbook/files/factbook2022e.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

Вместе с тем, по мнению аналитиков, определенную роль в деле повышения капитализации японских компаний может сыграть политика Банка Японии, который в рамках политики количественного смягчения с 2013 г. практиковал скупку активов индексных фондов (ETF)²⁴. Исследование данной практики Банка Японии выходит за рамки тематики данной статьи, мы упомянули о ней как об одном из возможных вариантов действий правительства в целях повышения капитализации национальных компаний.

Кстати, такая практика критиковалась в обзоре ОЭСР по макроэкономической ситуации в Японии в 2019 г., где говорилось, что покупки активов индексных фондов могут привести к переоценке их рыночной стоимости. Более того, программа Банка Японии подрывает рыночную дисциплину компаний, так как они получают поддержку только из-за того, что включены в основные рыночные индексы, а не за создание новых стратегий ведения бизнеса или выплату дивидендов²⁵.

В связи с этим встает вопрос о том, идет ли речь в новой правительственной Стратегии о реальных усилиях компаний, направленных на улучшение своих финансовых показателей, или о поддержке государства – фактически в прямой форме.

Помимо уровня капитализации компаний, правительственных экспертов также беспокоит и *структура распределения прибыли и денежного дохода* бизнеса. Доля прибыли японских компаний, распределяемая на дивиденды, практически сравнилась с долей, идущей на инвестиции. По результатам опроса, многие японские компании признают, что инвестиций для роста было недостаточно, а конкурентоспособность снизилась. Для создания «долгосрочной ценности», – подчеркивается в Стратегии, – необходимо идти на риск и осуществлять крупномасштабные и долгосрочные инвестиции, для чего очень важно постоянно получать значительный денежный поток (cash flow). В то же время как операционный, так и инвестиционный денежные потоки (включая расходы на НИОКР) в японских компаниях ниже, чем в американских (рис. 8).

По мнению правительственных экспертов, задержка инвестиций в перспективные области может привести к дальнейшей стагнации экономики и промышленности Японии²⁶. По сути, речь идет фактически о возвращении на новом уровне и в новых условиях к инвестиционным стратегиям, обеспечивающим, прежде всего, долгосрочный рост, которые применялись японскими компаниями в период высоких темпов роста и в 1980-е гг., когда компании были менее озабочены выплатой дивидендов и квартальной отчетностью.

Перспективные сферы инвестирования.

По мнению авторов Стратегии, в настоящее время японские компании недостаточно инвестируют в технологическое развитие и, в частности, в цифровизацию.

Цифровизация бизнеса стала одним из магистральных направлений трансформации корпоративного управления в Японии (как и в других странах) на рубеже XX–XI вв. Одна из

²⁴ В марте 2019 г., как отмечало агентство Bloomberg, объем покупки активов ETF со стороны Банка Японии достиг рекордного значения за последние годы – за месяц ЦБ скупил активы японских компаний, включенных в ETF, на 833 млрд иен (7,8 млрд долл.). На этом фоне Банк Японии вошел в число 10 наиболее крупных акционеров для 49,7% всех компаний, чьи акции котируются на Токийской фондовой бирже. Рост фондового рынка Японии (а также других стран) тесно коррелирует с проведением программ покупки активов со стороны ЦБ Японии. Подробнее: Власти Японии становятся крупнейшим акционером частных японских компаний <https://investfuture.ru/news/id/vlasti-yaponii-stanovyatsya-krupneyshim-akcionerom-chastnyh-yaponskih-kompaniy> (дата обращения: 04.05.2023).

²⁵ Власти Японии становятся крупнейшим акционером частных японских компаний. <https://news.rambler.ru/asia/42064498-vlasti-yaponii-stanovyatsya-krupneyshim-aktsionerom-chastnyh-yaponskih-kompaniy/> (дата обращения: 04.05.2023).

²⁶ Current Situation. https://www.meti.go.jp/english/press/2021/pdf/1116_Current_Situation.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

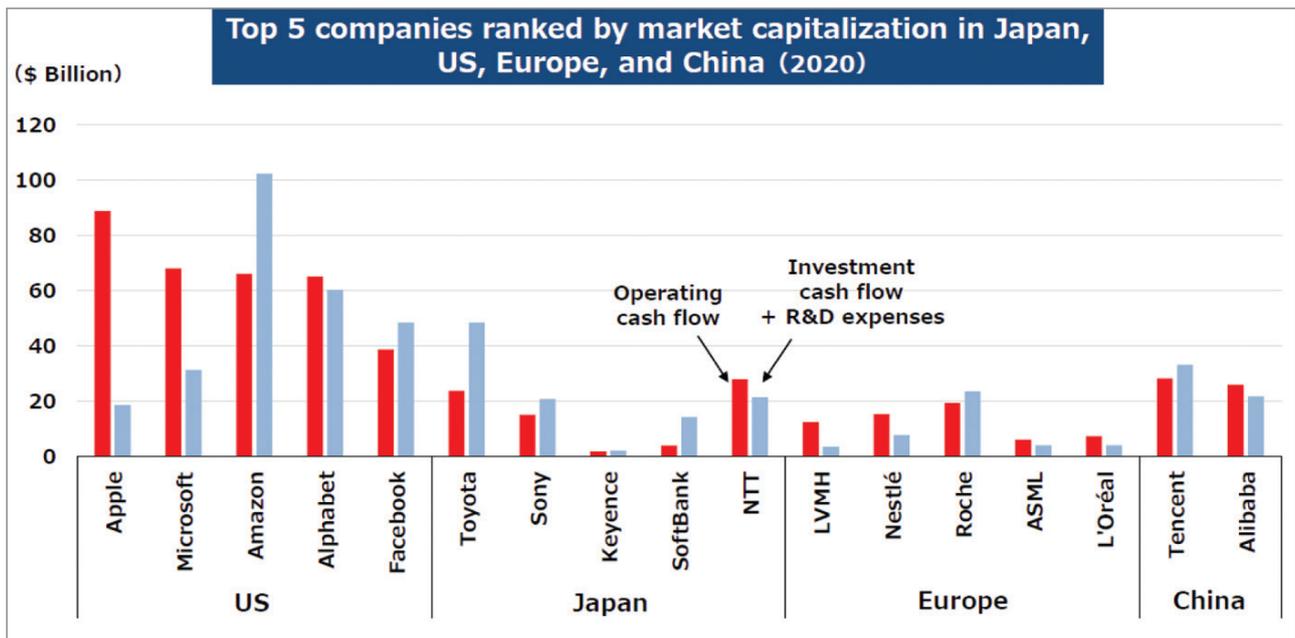

Рисунок 8. Показатели cash flow и инвестиций по 5 крупнейшим по капитализации компаниям Японии, США, европейских стран и Китая.

Источник: Creating Companies with Global Competitiveness Ministry of Economy, Trade and Industry. https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

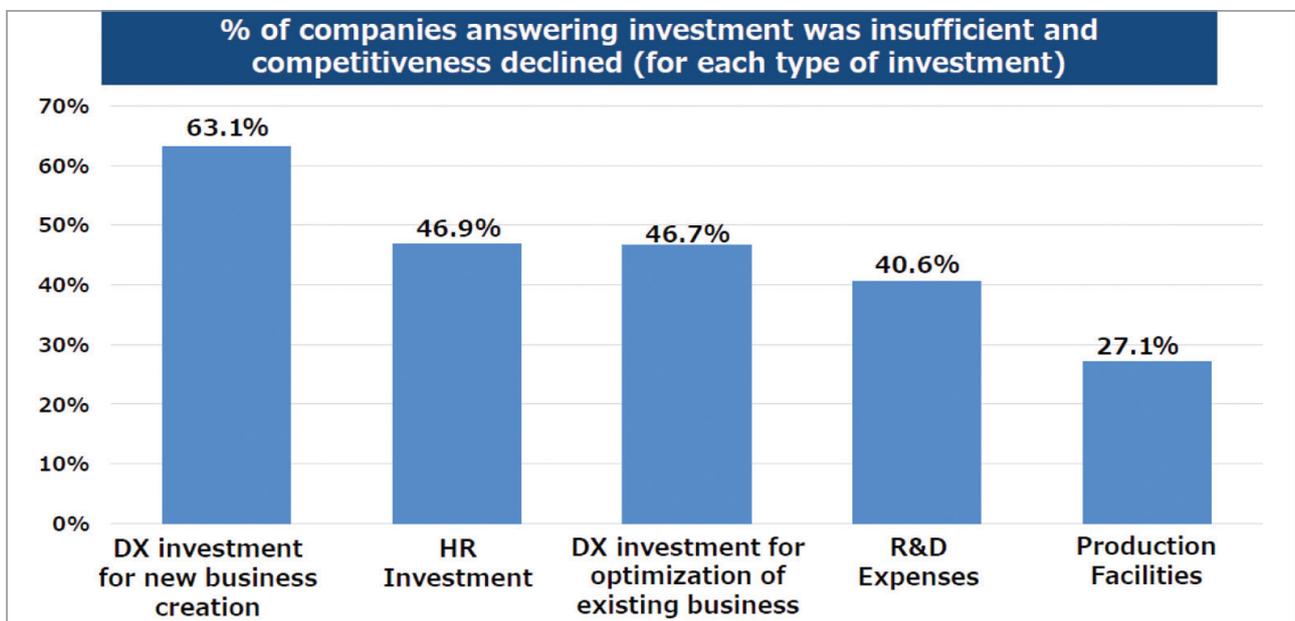

Рисунок 9. Доля компаний, которые считают, что инвестиции были недостаточны и конкурентоспособность падала (по отдельным направлениям инвестиций, по результатам опроса 441 компаний, представленных в первой и второй секции Токийского фондового рынка (%))

Источник: Creating Companies with Global Competitiveness Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 5. https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

ведущих исследовательских и консалтинговых организаций Японии Nomura Research Institute Group связывает цифровизацию бизнеса с решением социальных проблем и социальной ответственностью компаний, полагая, что «преобразование бизнеса в будущем должно осуществляться с учетом социальных проблем Японии, таких как снижение рождаемости и сокращение численности населения, поэтому любые усилия по ускорению преобразований путем внедрения технологии 5G должны быть сосредоточены на использовании данных, собираемых с помощью технологии 5G».

При этом прогнозируется полное преобразование бизнес-моделей на основе межотраслевых технологических платформ, в результате чего произойдет слияние цифровых платформ для корпоративных и конечных потребителей, в настоящее время существующих отдельно²⁷. Однако, по мнению правительственных экспертов, инвестиции японских компаний в цифровую трансформацию для создания нового бизнеса и модернизацию производственных процессов, а также в человеческий капитал пока недостаточны, что подтверждается результатами опросов японских компаний (рис. 9).

Инвестиции в людей

По поводу распределения финансовых потоков корпораций в широком смысле слова (структура издержек, инвестиции, доходы) в Стратегии содержится еще один важный посыл: в разгар волн крупных перемен, связанных с цифровизацией и экологизацией бизнеса, необходимыми и приоритетными становятся инвестиции в людей:

«...при переходе от вещей к идеям становится все более важно проявлять творческий подход... Инвестиции в людей становятся чрезвычайно важными в условиях нехватки рабочей силы в Японии...»

Кроме того, именно люди будут решать проблемы, стоящие перед обществом, такие как реагирование на изменение климата, снижение рождаемости и старение населения, устранение неравенства в доходах и обеспечение экономической безопасности, включая энергетику и продовольствие, что делает инвестиции в людей наиболее важной формой инвестиций.

По этой причине мы будем тщательно наращивать капитальные вложения в людей – в образование и другие сферы в дополнение к вложениям в форме заработной платы...»²⁸.

На первый взгляд ничего нового в этом послыше нет. В рамках традиционной японской корпоративной концепции интересы работников всегда занимали высокое место в системе приоритетов, корпорации вкладывали значительные средства в обучение персонала, бонусы выплачивались даже в периоды финансовых затруднений, чему есть немало примеров. Стоимость рабочей силы в Японии долгое время оставалась одной из самых высоких в мире.

Почему же вопрос об инвестициях в человеческие ресурсы стал одним из ключевых в новой стратегии?

Во-первых, стоит обратиться к сравнительным данным по уровню оплаты труда в Японии и других развитых странах. В 2021 г. средняя годовая заработная плата в Японии (по ППС) составляла 39 711 долл., что ниже среднего показателя по странам-членам ОЭСР (51 607 долл.)

²⁷ Nomura Research Institute. <https://www.nri.com/en/keyword/dx> (дата обращения: 04.05.2023).

²⁸ Авторизированный сокращенный перевод. Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups, p.5. https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

и близко к показателю, например Испании²⁹. Правда, ее сокращение в Японии в период экономической и политической турбулентности в 2022 г. было меньшим, чем в большинстве стран – членов ОЭСР – всего на 0,3%³⁰. Таким образом, оплата труда в Японии в настоящее время действительно не столь высока по сравнению с другими развитыми странами.

В тексте Стратегии указывается, что доля компенсации занятым в ВВП/ВНД имеет тенденцию к снижению в большинстве развитых стран. От себя заметим, что аналогичная тенденция также имеет место и в Японии, но она не является прямолинейной: в 2000 г. данный показатель составил 53,8%, в 2007 г. (перед мировым финансово-экономическим кризисом) – 50,8%, в 2018 г. – 50,5%, перед пандемией в 2019 г. – 51,3%, а в 2020 г. – 52,6%³¹.

Но более важным представляется то обстоятельство, что рекомендация со стороны правительства о повышении уровня оплаты труда подается в контексте вопроса о справедливом распределении результатов деятельности компаний, что вписывается в декларируемую концепцию построения социально-ориентированной экономической модели и социально-ответственного бизнеса. И крупный бизнес, если снова обратиться к политическим заявлениям Кэйданрэн, поддерживает эту идею.

Президент Кэйданрэн Токура М. на своей пресс-конференции в феврале 2023 г. подтвердил настоятельную рекомендацию компаниям повышать заработную плату в рамках корпоративной социальной ответственности, хотя в отчете Специального комитета по управлению и трудовой политике за 2023 г. не были установлены четкие количественные показатели повышения заработной платы. Это связано с тем, что показатели бизнеса сильно различаются в зависимости от отраслей, секторов и размеров отдельных компаний, и Кэйданрэн считает нецелесообразным устанавливать единый количественный ориентир³².

Токура также напомнил, что с 2014 г. некоторые компании откликнулись на призывы Кэйданрэн, несколько раз повысив оплату труда. «В этом году компании, которые в последние годы не повышали заработную плату, объявили, что теперь они ее повысят, а другие объявили о значительном ее повышении. Я чувствую, что такие шаги вывели темпы роста заработной платы на новый уровень»³³.

В документе организации 2022 г. предлагаются следующие меры в области трудовых отношений:

- 1) добиваться внесения поправок в законодательство, касающихся более гибкого регулирования рабочего времени;
- 2) поощрять создание условий, способствующих беспрепятственному притоку рабочей силы в растущие сектора и отрасли промышленности;
- 3) создавать эффективный цикл обучения и работы, способствующий совместной деятельности промышленности, академических кругов и правительства в сфере помощи студентам в планировании их карьеры, включая обучение, переквалификацию и стажировки.

В рамках инициативы под названием «Декларация о налаживании партнерских

²⁹ OECD Employment Database. https://www.oecd-ilibrary.org/sites/1bb305a6-en/1/4/1/index.html?itemId=/content/publication/1bb305a6-en&_csp_=296f5ed49e92996368e2944737646de3&itemIGO=oecd&itemContentType=book#annex-d1e45438 (дата обращения: 04.05.2023).

³⁰ Employment Outlook 2022. <https://www.oecd.org/employment-outlook/2022/> (дата обращения: 04.05.2023).

³¹ Japan Statistical Yearbook 2023, 2011, table 3-3. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 04.05.2023).

³² Японская конфедерация профсоюзов (RENGO) поставила цель повысить заработную плату на 5% в ходе весенних переговоров по заработной плате между руководством компаний в этом году. Chairman Tokura's Statements and Comments at His Press Conference. <https://www.keidanren.or.jp/en/speech/kaiken/2023/0206.html#p2> (дата обращения: 04.05.2023).

³³ Chairman Tokura's Statements and Comments at His Press Conference. <https://www.keidanren.or.jp/en/speech/kaiken/2023/0206.html#p2> (дата обращения: 04.05.2023).

отношений» Кэйданрэн также призывает правительство провести реформы в области образования, отвечающие потребностям новой эпохи, а компании – стремиться к разнообразию и инклюзивности и рассмотреть возможность разработки собственных внутренних систем трудоустройства, соответствующих фактическим обстоятельствам в каждой компании; прилагать усилия для повышения заработной платы и обеспечить инвестиции в людей и надлежащее распределение богатства между работниками³⁴.

Конечно, повышение уровня оплаты труда в Японии ожидаемо связывается с расширением внутреннего рынка. Анализ потребления домашних хозяйств и располагаемого дохода в развитых странах показывает, что потребление домашних хозяйств растет вместе с ростом располагаемого дохода, что, в общем-то, предсказуемо. Поэтому основная причина вялого расширения потребления домашних хозяйств в Японии заключается в том, что темпы роста располагаемого дохода являются недостаточными. Одной из главных причин такой ситуации, как определено в Стратегии, являются низкие темпы роста заработной платы, несмотря на то, что производительность труда в единицу времени демонстрирует неплохой по сравнению с другими странами рост. По мнению экспертов, если заработная плата не увеличится, то не вырастет и потребление, и устойчивый экономический рост не будет достигнут. В связи с этим предлагается «работать в рамках государственного и частного сотрудничества, чтобы обеспечить соответствие заработной платы росту производительности труда... Учитывая рост стоимости жизни, необходимо добиваться повышения минимальной заработной платы посредством сотрудничества государственного и частного секторов ...»³⁵.

Среди проблем и направлений трансформации японского бизнеса, актуальных на сегодняшний день и в будущем, в Стратегии упоминаются недостаточная активность стартапов, экологизация бизнеса, организация бесперебойного функционирования глобальных цепочек создания стоимости с участием японских компаний. Одним из приоритетов являются и вопросы социальной ответственности и устойчивого развития, так называемые принципы ESG³⁶.

Формат статьи не позволяет исследовать все эти, безусловно, актуальные и интересные вопросы, поэтому мы здесь ограничиваемся лишь их обозначением с тем, чтобы читатель смог оценить общий масштаб возможных перемен.

Выводы

В последние десятилетия XX в. внешняя среда деятельности японских корпораций изменилась, что поставило под сомнение эффективность многих элементов корпоративной концепции Японии. С завершением этапа догоняющего роста экономики в условиях глобализации и продолжающейся транснационализации японского бизнеса традиционная система корпоративного управления во многом исчерпала свои ресурсы и обнаружила слабые и уязвимые элементы, которые в других условиях таковыми не являлись.

Японская традиционная модель менеджмента начала существенно меняться уже несколько десятилетий назад. Перемены затронули такие основополагающие управленческие

³⁴ Practice Sustainable Capitalism. <https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2022/055.html> (дата обращения: 04.05.2023).

³⁵ Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups.

³⁶ Аббревиатура ESG составлена из первых букв слов environmental, social и governance, обозначающих три направления (параметра), по которым компании обеспечивают управление устойчивым развитием. Направление Environmental (окружающая среда) затрагивает вопросы управления отходами, снижения вредных выбросов, обеспечения качества воды и воздуха и др. Social (социальная сфера) затрагивает вопросы безопасности труда, здоровья и благополучия сотрудников. Governance (корпоративное управление) отвечает за честные закупки, прозрачность, управление рисками.

вопросы, как оценка стоимости компаний, структура источников финансирования, отношения с инвесторами, распределение прибыли, инвестирование в стратегические направления, финансовая и бухгалтерская отчетность, система перекрестного владения акциями, назначение топ-менеджеров и их вознаграждение, раскрытие финансовой информации, управление персоналом, включая оплату труда.

В правительственной Стратегии формирования «нового капитализма» 2022 г., а также стратегических разработках ведущих предпринимательских организаций страны были представлены результаты «реvisions» концепции и практик корпоративного управления на рубеже третьего десятилетия XXI в. и предложена концепция «пост-неолиберального» капитализма, капитализма «заинтересованных сторон».

По мнению правительственных экспертов, корпоративное управление в Японии, поддерживаемое традиционными институтами и обычаями (например, пожизненная занятость, система набора новых выпускников, приоритетное продвижение по службе граждан Японии, а не иностранцев), препятствует необходимой реформе бизнеса. Вместе с тем анализ предложений и рекомендаций показывает, что прогнозируемые и предлагаемые перемены не являются переменами в полном смысле слова. Это возвращение к истокам, к традиционной практике японского бизнеса на новом уровне – особенно в части расширенного состава стейкхолдеров, социальной ответственности бизнеса, долгосрочного горизонта планирования и инвестирования в стратегические направления роста, развития персонала. Конечно, названные и другие традиционные практики сейчас могут быть эффективными с учетом их адаптации к меняющейся внутренней и внешней ситуации (т.е. происходит развитие по спирали), что очень характерно для Японии, и в партнерстве государства и бизнеса, что также в японской традиции.

Очень показательным в этом смысле является заявление Кэйдзай доюкай еще в 2011 г., в котором эксперты организации предлагают реализовать «новую модель бизнеса в японском стиле за счет внедрения новых концепций и углубления существующих сильных сторон»³⁷. Думается, что этот подход останется актуальным для правительства и компаний Японии и в ближайшие десятилетия.

Приложение. Стратегии развития отдельных сфер экономики и социальной жизни в составе Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism

Январь 2022

Towards Realizing a Digital Society

Февраль 2022

Towards Realizing a Green Society

Towards Globalizing the Japanese Society

Startups

Next-generation Human Resource Development which supports Startups and Innovation

Regulations and Institutions in the Digital Era

Strategy for Advanced Fundamental Technology (Quantum and AI) towards creating innovation

³⁷ For the realization of Mono-Koto Zukuri that achieves success in the global business --- In order to implement mono-koto zukuri from a mar-ket perspective --- June 24, 2011. <https://www.doyukai.or.jp/en/policyproposals/2011/pdf/110624a.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

Март 2022	<i>Creating Companies with Global Competitiveness</i>
	<i>Mission-oriented Economic and Industrial Policy</i>
	<i>Enhancement of EBPM (система оценки эффективности проектов)</i>
	<i>Towards Maximizing Results from R&D Projects</i>
Апрель 2022	<i>Inclusive Growth.</i>

Источник: Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups~ https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лебедева И. П. Японские корпорации: стратегия развития. Москва: Восточная литература. 1995.
Тимонина И. Л. Японские корпорации в эпоху глобализации: революция управления // Бизнес-Академия. 2002. №1(11) – 2(12).

REFERENCES

- Lebedeva, I.P. (1995). *Yaponskie korporatsii: strategiya razvitiya* [Japanese Corporations: Development Strategy]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Timonina, I.L. (2002). Yaponskie korporatsii v epokhu globalizatsii: revolyutsiya upravleniya [Japanese Corporations in the Era of Globalization: The Management Revolution]. *Biznes-Akademiya*, 1(11)–2(12). (In Russian).
- * * *
- Mazumder M. (2013). Corporate governance practices in Japan: Post-crisis reforms, successive changes and future trends. *International Journal of Business, Management and Social*, 4 (1), Retrieved May 4, 2023 from https://www.researchgate.net/publication/299350334_Corporate_governance_practices_in_Japan_Post-crisis_reforms_successive_changes_and_future_trends
- Toshiba to Maximize “Value Creation”. (2000, September). *Look Japan*.
- Usami, J., Mitchell, A.M., Hansen, N. (2018, October). Japan’s Corporate Governance Code Revised to Require Cost of Capital Consideration, Boards Tasked with CEO Selection and Removal. *White & Case*. Retrieved May 4, 2023 from <https://www.whitecase.com/sites/whitecase/files/files/download/publications/japans-corporate-governance-code-revised-to-require-cost-of-capital-consideration-boards-tasked-with-ceo-selection-and-removal.pdf>
- Yoshimori, M. (1995). Whose company is it? The concept of the corporation in Japan and the West. *Long Range Planning*, 28 (4), 2–44.

Поступила в редакцию: 20.04.2023

Received: 20.04.2023

Принята к публикации: 22.05.2023

Accepted: 22.05.2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-129-132

**Взгляд за кулисы японской внешней политики.
Рецензия на монографию В.В. Нелидова
«Внешнеполитический процесс
в послевоенной Японии»**

О.А. Добринская

Аннотация. Статья посвящена вышедшей в 2022 г. в Институте востоковедения книге В.В. Нелидова «Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии». Специфика японской политической системы, сложившаяся в период монопольного правления Либерально-демократической партии (ЛДП) в 1955–1993 гг., по сей день продолжает влиять на процесс принятия внешнеполитических решений, что обуславливает актуальность и практическую значимость монографии. В.В. Нелидов исследует временные периоды, имеющие определяющее значение для развития послевоенного внешнеполитического курса Японии и формирования ее нынешних приоритетов. В ситуациях, требующих оперативного реагирования, наиболее явно отразилась сложная картина взаимодействия различных внутриполитических сил и отдельных игроков, влияния внешних факторов, обозначились уязвимые места функционирования государственной машины. Монография В.В. Нелидова представляет собой ценный научный материал и будет полезна не только ученым и читателям, интересующимся Японией, но и лицам, принимающим непосредственное участие в формировании внешнеполитического курса России на японском направлении.

Ключевые слова: Япония, ЛДП, внешняя политика, Договор безопасности, США, КНР, война в Персидском заливе.

Сведения об авторе: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва. ORCID: 0000-0002-5967-366X; E-mail: doa_78@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Добринская О.А. Взгляд за кулисы японской внешней политики. Рецензия на монографию В.В. Нелидова «Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии» // Японские исследования. 2023. № 2. С. 129–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-129-132

A look behind the scenes of Japanese foreign policy Review of the monograph by V.V. Nelidov “Foreign Policy Process in Post-War Japan”

O.A. Dobrinskaya

Abstract. This article is a review of the book “Foreign Policy Process in Post-War Japan” by V.V. Nelidov, published in 2022 at the Institute of Oriental Studies. The specifics of the Japanese political system that has developed during the period of the monopoly rule of the Liberal Democratic Party (LDP) in 1955–1993, continues to influence the foreign policy decision making process, and this explains the relevance and practical significance of the monograph. V.V. Nelidov studies the time periods related to the adoption of crucial decisions that would have serious implications for the development of the post-war foreign policy of Japan as well as the formation of its current priorities. In situations that required a prompt response, the complex picture of the interaction of various domestic political forces and individual actors, the influence of external factors became most evident, and the vulnerabilities of the functioning of the state machine were revealed. The monograph by V.V. Nelidov is a valuable piece of research that will be of interest not only to academics and readers who study Japan, but also to those directly involved in formulating Russia’s foreign policy towards Japan.

Keywords: Japan, LDP, foreign policy, Security Treaty, USA, China, Gulf War.

Author: Dobrinskaya Olga Alekseevna, PhD in History, independent researcher, Moscow. ORCID: 0000-0002-5967-366X; E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of Interest: The author declares the absence of conflict of interest.

For citation: Dobrinskaya O.A. (2023). Vzgl'yad za kulisy yaponskoi vneshnei politiki. Retenziya na monografiyu V.V. Nelidova «Vneshnepoliticheskii protsess v poslevoennoi Yaponii» [A look behind the scenes of Japanese foreign policy. Review of the monograph by V.V. Nelidov “Foreign Policy Process in Post-War Japan”]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 2, 129–132. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-129-132

В 2022 г. в Институте востоковедения вышла книга, которая, безусловно, станет ценным пополнением библиотеки любого японоведа и востоковеда. Монография В.В. Нелидова «Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии» посвящена анализу взаимодействия различных политических сил внутри страны в ходе принятия решений, определяющих дальнейшую внешнюю политику страны.

Для иллюстрации этих процессов автор выбрал три периода, которые можно назвать судьбоносными – подписание и ратификация японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности (далее – Договора безопасности) в 1960 г., принятие решения о нормализации отношений с КНР в 1972 г. и выработка ответных мер на войну в Персидском заливе 1990–1991 гг. Все три рассматриваемых ситуации сопровождались яростным противоборством политических сил внутри страны, которое в сочетании с внешними факторами, такими как отношения с США и изменение международной обстановки, высветило ряд проблем в реализации внешнеполитического курса. На примере конкретных ситуаций автор выявляет и анализирует общие характеристики внешнеполитического процесса в Японии.

Объектом исследования монографии выступает послевоенная Япония в период доминирования Либерально-демократической партии (ЛДП), или так называемой «системы 1955 года». «Система 1955» завершила свое существование в 1993 г., однако без понимания ее функционирования невозможно осознание специфики современной японской политики.

В.В. Нелидов справедливо отмечает, что период доминирования ЛДП является формативным и для современной Японии, характерные черты прежней политической системы продолжают существовать по сей день, а внешнеполитические проблемы уходят корнями именно в период «системы 1955 года». Как и в годы холодной войны, сегодня политическая система характеризуется высоким уровнем децентрализации, фракционности внутри ЛДП, а с международной точки зрения Япония остается вписанной в систему союзов США.

Предметом научного анализа является внешнеполитический процесс, под которым подразумевается «процесс формирования внешнеполитического курса государства во всей его многогранности под воздействием факторов как внутреннего, так и внешнего характера» [Нелидов 2022, с. 14]. Методологическая и терминологическая четкость является безусловным достоинством представленной книги, основанной на богатом теоретическом и прикладном материале. Автор использует значительное количество официальных документов и других источников, в том числе мемуары японских премьер-министров и иных лиц, участвовавших в принятии политических решений, а также опирается на солидную базу научных трудов на русском, английском и японском языках. Монография сочетает в себе академическую глубину и простоту изложения, что делает ее доступной широкому кругу читателей. Книга последовательно структурирована и подчинена общей логике выявления закономерностей внешнеполитического процесса в стране, особенно ярко проявившихся в критические моменты.

В первой главе рассматривается пересмотр условий сотрудничества с США, обсуждение, подписание и ратификация Договора безопасности, по сей день являющегося основой военно-политического союза. Автор показывает, что принятие решения относительно дальнейших отношений с США проходило на фоне ожесточенной внутривнутриполитической борьбы между консерваторами и оппозицией, наложившейся на противостояние внутри консервативного лагеря между сторонниками С. Ёсида и И. Хатояма, а позже, с формированием в конце 1950-х гг. фракций внутри ЛДП, – с межфракционной борьбой. Конкуренция между крупнейшими левыми партиями только усложняла картину. При этом на принятие решений влияло изменение международного положения Японии – нормализация советско-японских отношений и вступление Японии в ООН, что не могло не сказаться на ее роли в союзе с США. Указывает автор и на роль личности в истории, отмечая, что находящийся у власти премьер-министр Н. Киси рассматривал подготовку нового Договора безопасности как элемент стратегии, направленной на обеспечение долгого пребывания у власти. Как известно, эта стратегия обернулась для него отставкой.

Вторая глава посвящена периоду нормализации отношений с КНР. Автор детально анализирует расстановку сил накануне так называемого «шока Никсона» — неожиданного для Токио объявления Вашингтоном о том, что госсекретарь Генри Киссинджер посетил Пекин и что в скором времени сам президент Р. Никсон отправится с визитом в КНР. Он приходит к выводу что японское общество в целом было настроено на нормализацию отношений с КНР до этого события, нужен был лишь внешний стимул, однако по ряду причин правительство и МИД занимали выжидательную позицию. На основе анализа документов и мемуаров автор детально воссоздает расклад политических сил в период, предшествующий «шоку Никсона», и внутреннюю борьбу в разгар подготовки к нормализации отношений с Пекином, отмечая и разногласия внутри МИД Японии по поводу внешнеполитических приоритетов, и противостояние пропекинского и протайваньского лобби внутри ЛДП, и амбиции отдельных политических деятелей.

Третья глава рассматривает еще один поворотный момент в японской послевоенной дипломатии – войну в Персидском заливе, когда США и союзники обратились к Японии за помощью, подразумевавшей как финансовый вклад, так и отправку Сил самообороны в помощь международной коалиции, однако законопроект, который мог бы открыть дорогу для участия в многосторонних усилиях по урегулированию кризиса, вызвал столь мощные разногласия, что

в тот момент так и не был принят. Оказанная Токио помощь действительно не была оценена должным образом, а свой символический «человеческий вклад» Япония смогла внести, лишь когда война уже закончилась. Разногласия внутри партии, рост влияния оппозиции в условиях потери популярности ЛДП, возросшее давление со стороны США, противоречия в рядах бюрократии, пацифистские настроения в обществе, попытка принять важнейшее решение об отправке Сил самообороны за рубеж в спешке, что идет вразрез с принципом «нэмаваси» или «окучивания корней» – длительным предварительным обсуждением любых инициатив на неформальном уровне – все это повлияло на внешнеполитический «провал» Токио. Автор справедливо утверждает, что реакция японской внешней политики на события в Персидском заливе проявила неадекватность ее привычных механизмов и подходов вызовам новой эпохи и стала следствием специфики ее внешнеполитического процесса.

Все рассмотренные в книге периоды имели решающие последствия для внешней политики страны: подписание Договора безопасности закрепило роль военно-политического союза с США как краеугольного камня ее национальной безопасности. Нормализация отношений с КНР дала начало трансформации внешнеполитического курса в сторону многосторонней дипломатии. Кризис в Персидском заливе стал важной мотивацией к переосмыслению Японией своего места в мире. Имели они и серьезный внутривнутриполитический эффект – от смены руководства страны до реформы административной системы и активизации дискуссий о пересмотре конституции.

Монография В.В. Нелидова интересна тем, что она исследует проблемы, находящиеся на пересечении внешнеполитической и внутривнутриполитической жизни страны, предоставляя читателю возможность взглянуть изнутри на известные события из японской истории, изучить подоплеку принятия ключевых решений, понять логику взаимодействия политических акторов, их влияние на выработку внешнеполитической стратегии. Эти знания актуальны и для изучения современной японской внешней политики, что определяет практическую ценность книги, а представленные автором наблюдения и интересные выводы будут полезны с точки зрения прогнозирования будущего внешнеполитического курса страны, в том числе на российском направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

В.В. Нелидов. Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии. Москва: ИВ РАН. 2022.

REFERENCES

Nelidov, V.V. (2022). *Vneshnepoliticheskii protsess v poslevoennoi Yaponii* [Foreign Policy Process in Post-War Japan]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Поступила в редакцию: 22.04.2023

Received: 22.04.2023

Принята к публикации: 22.05.2023

Accepted: 22.05.2023

Научное издание

Японские исследования
№ 2, 2023

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации:	30.06.2023
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

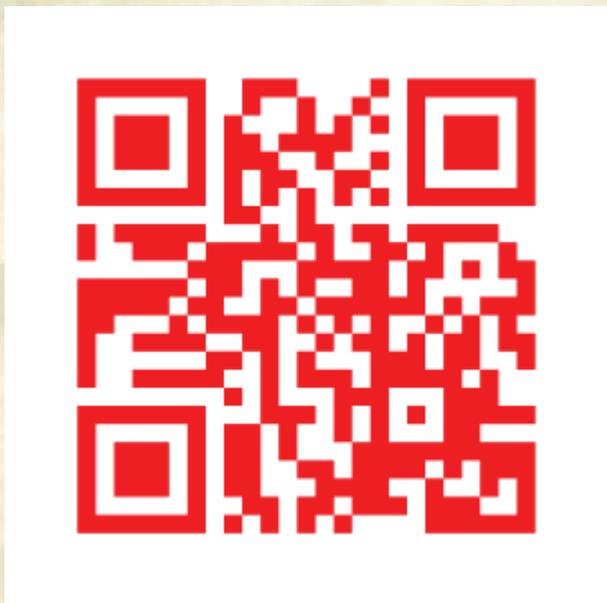
Japanese Studies in Russia
No. 2, 2023

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue:	30 June 2023
----------------	--------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究